
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 8, No. 2 (2022)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 8, №2 (2022)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2022

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CROssRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: phinauki@mgimo.inno.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies, Volume 8, No. 2, (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2022. – 146 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polygot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

- отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки;
- группы специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 8. №2. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2022. – 146 с.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 8. №2.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 23.03.2022 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 18,25. Тираж 500 экз. Заказ № 694.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Head of the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Director of Language Training and Bologna Process Department, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Senior Lecturer at English Department №3, MGIMO University, Russia

Alexey N. Akeksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at English Department №4, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdniakova, Doctor of Philology, Professor, professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, начальник Управления языковой подготовки и Болонского процесса, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, старший преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед.н., профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, проф. кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Нижнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д.филол. н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Шахрам Набати Сирус – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Gender specific syntagmatic peculiarities of phrasal rhythm in the course of extemporaneous reading aloud (American English) <i>Andrey Bankov</i>	8
New cold war concept amid modern challenges (based on material of English-language press) <i>Nikita Kovalev</i>	18
Active models in modern Portuguese neology: new words and the pandemic. <i>Olga Saprykina</i>	29
Hedging in the Swiss version of economic discourse. <i>Anna Sedova</i>	40
Synchronism and diachronism of antique origin idioms in the English language media discourse <i>Tatiana Filichkina</i>	53
Phonoesthetics of German speech in the perception of Russian speaking recipients <i>Elena Shesterina</i>	63
Phraseological units as components of pun in advertising slogans (on the material of the German language) <i>Elvira Shubina, Olga Semenova</i>	75

TRANSLATION STUDIES

From pragmatics to translation: the question of the efficiency of online translators in translation from Russian to Persian <i>Saeedeh Dastamooz</i>	85
---	----

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

Actualization of the speech genre of greetings in linguocultures of different-structured languages. <i>Elvira Bikmullina</i>	100
René Lévesque political discourse features in context of fight for quebec identity <i>Elena Ovcharenko</i>	112
Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew idioms with lexeme “grey” <i>Tali Kigel</i>	126

CONFERENCE REVIEW

Polyglot studies in spring 2022 <i>Grigory Kazakov</i>	138
Geolinguistics and polyglot studies at the service of peace. <i>Hikaru Kitabayashi</i>	143
Geolinguistics movement in the Himalayan range of Nepal <i>Aita Bishowkarma</i>	145

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Гендерно обусловленные синтагматические особенности фразового ритма 8 при неподготовленном чтении вслух (американский вариант английского языка) <i>Банков А.С.</i>	8
Концепт NEW COLD WAR на фоне вызовов современности (на материалах англоязычной прессы) 18 <i>Ковалев Н.А.</i>	18
Активные процессы в современной португальской неологии: новые слова и пандемия. 29 <i>Сапрыкина О.А.</i>	29
Хеджи в экономическом дискурсе (на материале швейцарского варианта немецкого языка) 40 <i>Седова А.В.</i>	40
Синхронизм и диахронизм фразеологизмов античного происхождения 53 в англоязычном медийном дискурсе <i>Филичкина Т.П.</i>	53
Фоноэстетика немецкой речи в восприятии русскоговорящих реципиентов 63 <i>Шестерина Е.А.</i>	63
Фразеологические единицы как компоненты языковой игры в рекламных слоганах. 75 (на материале немецкого языка) <i>Шубина Э.Л., Семёнова О.О.</i>	75

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

От прагматики к переводу: к вопросу об эффективности онлайн-переводчиков 85 при переводе с русского языка на персидский <i>Дастамуз С.</i>	85
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Актуализация речевого жанра приветствия в лингвокультурах-носителях разноструктурных языков 100 <i>Бикмуллина Э.Р.</i>	100
Особенности политического дискурса Рене Левека в контексте борьбы за Квебекскую идентичность 112 <i>Овчаренко Е.Ф.</i>	112
Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew idioms with lexeme “grey” 126 <i>Tali Kigel</i>	126

CONFERENCE REVIEW

Polyglot studies in spring 2022 138 <i>Grigory Kazakov</i>	138
Geolinguistics and polyglot studies at the service of peace. 143 <i>Hikaru Kitabayashi</i>	143
Geolinguistics movement in the Himalayan range of Nepal 145 <i>Aita Bishowkarma</i>	145

GENDER SPECIFIC SYNTAGMATIC PECULIARITIES OF PHRASAL RHYTHM IN THE COURSE OF EXTEMPORANEOUS READING ALOUD (AMERICAN ENGLISH)

A.S. Bankov

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article considers the methods, the major stages and results of the study of how gender influences the syntagmatic properties of phrasal rhythm in the course of extemporaneous reading aloud in contemporary American English. The given description is the second stage of the study focusing on the influence of gender on phrasal rhythm in the type of language activity being considered. Previously, gender specific male and female “repertoires” of statistically valid types of rhythmical groups (i.e. the paradigmatic properties of rhythmical groups) were determined. A rhythmical group is understood as a suprasyllabic prosodic unit comprising one stressed and a number of unstressed syllables adjacent to it. The position and the number of the unstressed syllables in the rhythmical group determine its type. At this stage of the study, the peculiarities of the combinability of different types of rhythmical groups and their valency are being scrutinized. In the realm of combinability peculiarities of rhythmical groups, the statistics of the types and kinds of observed contacts are being analyzed: contrastive/non-contrastive increase/decrease of rhythm, the rate of rhythm changes as well as cases of unchanged rhythm. Statistically valid gender-factored differences are being determined. Among the statistical tools the following were mostly employed: measures of central tendency (the mean value), measures of variability (dispersion) and the probability theory (to determine the valency). It has been established that the type of the language activity, which is being considered here, allowing almost no freedom of the speakers to organize the phrasal rhythm at their own discretion, greatly influences the results. Thus, male and female manifestations in a vast number of indicators show no statistically relevant differences, especially when group mean values are considered. The majority of statistically valid gender specific differences are observed only in the values of dispersion, which show the degree of uniformity, immutability of the events. The discussion section of the article represents the author’s speculation about the accuracy and efficiency of the auditory-functional method that is being employed to determine the contrastive/non-contrastive rhythm modulation: by the difference in the number of unstressed syllables between the adjacent rhythmical groups without regard given to their positions relevant to the stressed syllable. Eventually the author concludes that the controversy of the method is to be smoothed out by the acoustic analysis of the actual data.*

Keywords: *prosody, rhythm, rhythmical group, gender, extemporaneous reading, syntagmatic, rhythm modulation*

For citation: Bankov, A.S. (2022). Gender Specific Syntagmatic Peculiarities of Phrasal Rhythm in the Course of Extemporaneous Reading Aloud (American English). *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 8–17. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-8-17>

ГЕНДЕРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗОВОГО РИТМА ПРИ НЕПОДГОТОВЛЕННОМ ЧТЕНИИ ВСЛУХ (АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А.С. Банков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье описана методика, основные этапы и результаты исследования воздействия гендерного фактора на синтагматические характеристики фразового ритма при неподготовленном чтении вслух в современном американском варианте английского языка. Приведённое описание является вторым этапом анализа воздействия гендерного фактора на фразовый ритм в рассматриваемом виде речевой деятельности. На предыдущем этапе были установлены особенности мужских и женских «репертуаров» статистически достоверно применяемых типов ритмических групп (т.е. их парадигматические свойства). Под ритмической группой понимается сверхслоговая просодическая единица, состоящая из одного ударного слога и примыкающих к нему безударных слогов. Позиция и количество безударных слогов в группе определяют её тип. На текущем этапе рассматриваются особенности сочетаемости различных типов ритмических групп и их валентность. В сфере особенностей сочетаемости ритмических групп анализируется статистика типов и видов контактов двух соседних ритмических групп: контрастное/неконтрастное возрастание/убывание ритма, величины модуляций и случаи контактов, не сопряжённых с изменениями ритма. Устанавливаются статистически достоверные различия, обусловленные воздействием гендерного фактора. Из статистического инструментария применялись, в основном, меры центральной тенденции (среднее), меры вариативности (дисперсия) и теория вероятности (при расчёте валентности). Обнаружено, что на полученные результаты сильное воздействие оказал рассматриваемый вид речевой деятельности, не дающий дикторам сколько-нибудь значительной степени свободы в способах оформления фразового ритма. Так, мужские и женские реализации по множеству показателей не обнаруживали достоверных различий, особенно при рассмотрении усреднённых групповых значений показателей. Большинство различий обнаруживаются лишь при более глубоком анализе и заключаются в разнице значений дисперсии различных показателей, указывающей на степень однообразности, регулярности наблюдаемых особенностей. Критическая часть статьи представляет собой размышления автора относительно точности и эффективности используемого им аудитивно-функционального метода определения контрастного и неконтрастного изменения ритма: по разнице в количестве безударных слогов без учёта их позиции в ритмической группе. В итоге автор заключает, что спорность рассматриваемого метода нивелируется этапом акустического анализа экспериментального материала.

Ключевые слова: *просодия, ритм, ритмическая группа, гендер, неподготовленное чтение, синтагматический, модуляция ритма*

Для цитирования: Банков А.С. (2022). Гендерно обусловленные синтагматические особенности фразового ритма при неподготовленном чтении вслух (американский вариант английского языка). *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 8–17. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-8-17>

Введение

Согласно лингвистической традиции ритм понимается как «регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции» [6, с. 416]. Чередуемость ударных и безударных слогов трактуется в просодии как слоговой ритм, который может быть проанализирован либо 1) с точки зрения степени изохронности ударных слогов, либо 2) свойств ритмических групп. При первом подходе ведущую роль играют акустические методы исследования, при анализе ритмических групп – аудитивные. Под ритмической группой (далее РГ) будем понимать совокупность одного ударного слога и нескольких безударных, примыкающих к нему. В зависимости от ряда условий примыкание может происходить как справа, так и слева от ударного слога, то есть безударные могут как предшествовать ударному, так и следовать за ним, включая случаи примыкания с обеих сторон. Количество и позиция безударных слогов относительно ударного, типы ударений, позиция РГ во фразе и синтагме определяют парадигматические свойства РГ. Поскольку гендерно обусловленные синтагматические свойства РГ представляют собой особенности *сочетаемости* парадигматических типов РГ, эти свойства не могут быть установлены без предварительного определения гендерно обусловленной парадигматики РГ.

Для начала вкратце представим принципы описания парадигматических свойств РГ. Границы РГ совпадают с внешними границами их начальных и конечных слогов, поэтому понятие «граница (границы) РГ» также условно, как и понятие «границы слога», которая с точки зрения акустики чаще всего неопределённая и представляет собой, скорее, некую переходную область с нестатичной артикуляцией. Учитывая преимущественно аудитивный характер описываемого аспекта исследования, слоговое деление производится в соответствии с традиционным аудитивно-функциональным подходом [1], [4], [7], [8]. Подробное описание правил определения РГ, применяемых в рамках исследования, а также парадигматическая типизация РГ представлены автором в статье «Аудитивное исследование гендерного фактора во фразовом ритме при неподготовленном чтении вслух (парадигматический аспект)» [2].

Методы исследования

В настоящей статье описан следующий этап исследования воздействия гендерного фактора на фразовый ритм при неподготовленном чтении вслух, а именно синтагматические характеристики РГ, рассматриваемые как особенности сочетаемости ранее определённых парадигматических типов РГ и их валентность. При этом под сочетаемостью РГ понимается то, как распределяются типы контактов (контрастный или неконтрастный) конкретных парадигматических типов РГ с учётом количественного состава безударных слогов. Во внимание принимается взаимодействие РГ с правой (т.е. последующей) РГ. Под валентностью РГ понимается её способность сочетаться с другими типами РГ. При этом допускается, что любая РГ в принципе способна сочетаться с любой другой РГ. Гипотеза состоит в том, что некоторые РГ, несмотря на свою способность сочетаться с любой другой РГ, формируют более прочные связи с определённым набором других РГ. Повышенная «прочность» таких связей может найти своё отражение в большем количестве и статистической устойчивости таких сочетаний. Есть основание считать, что тип контакта и

валентность РГ способны обнаружить статистически достоверные различия в двух рассматриваемых гендерных группах респондентов – мужчин и женщин.

Прежде чем перейти к рассмотрению принципов описания особенностей сочетаемости РГ, представляется целесообразным указать их парадигматические типы, описанные в предыдущей статье [2] и на основании которых построен настоящий этап исследования:

- ударная РГ (далее УРГ) состоит только из ударного слога, безударных нет;
- проклитическая РГ (далее ПРГ) – безударные слоги имеются только слева от ударного, то есть предшествуют ему. ПРГ встречаются только в начале фраз, синтагм, и в случаях совпадения с ними;
- энклитическая РГ (далее ЭРГ) – безударные слоги имеются только справа от ударного, то есть следуют за ним. ЭРГ могут занимать любую позицию в синтагме или фразе, включая случаи совпадения с ними;
- проклитико-энклитическая РГ (далее ПЭРГ) – безударные слоги имеются как слева, так и справа от ударного слога, то есть как предшествуют, так и следуют за ним. ПЭРГ могут занимать либо начальную позицию в синтагме и/или фразе, либо целиком совпадают с ними.

Перейдём к принципам описания сочетаемости РГ. Наличие контраста между двух соседних РГ свидетельствует о заметном, скачкообразном изменении ритма. Отсутствие контраста указывает либо на незаметное, неконтрастное изменение ритма, либо на отсутствие изменений. Контакт двух смежных РГ считается явно заметным или контрастным, если разность количества безударных слогов в контактирующих РГ составляет больше двух [5, с. 154]. Если между двух контактирующих РГ не имеется различий по количеству безударных слогов или их разность равна или меньше двух, то контакт считается неконтрастным. Смежные границы (контакты) контрастно контактирующих РГ разделяются на следующие типы:

- граница контрастного убывания ритма (далее КУР) имеет место, когда предшествующая РГ по количеству безударных слогов оказывается меньше последующей на три и более слога. Применяется термин «убывание ритма», так как в единицу времени количество ударных слогов сокращается – ритм заметно (контрастно) убывает;
- граница контрастного возрастания ритма (КВР) – обратная ситуация: предшествующая РГ больше последующей на три и более безударных слогов. Применяется термин «возрастание ритма», так как в единицу времени количество ударных слогов возрастает – ритм заметно (контрастно) возрастает.

Для смежных границ РГ при неконтрастном изменении или отсутствии изменений ритма предлагается следующая классификация:

- граница неконтрастного убывания ритма (НУР) имеется, когда предшествующая РГ меньше последующей на один или два безударных слога. Таким образом, количество ударных слогов в единицу времени сокращается – ритм незаметно (неконтрастно) убывает;
- неконтрастное возрастание ритма (НВР) имеется, когда предшествующая РГ больше последующей на один или два безударных слога. Таким образом, количество ударных слогов в единицу времени увеличивается – ритм незаметно (неконтрастно) возрастает;
- если разность безударных слогов на смежной границе двух контактирующих РГ равна нулю, то ритм не изменился. Характер взаимодействия обозначается «Г» (граница).

К обозначению контрастного/неконтрастного возрастания/убывания ритма предлагается прибавлять индекс – число, указывающее, на сколько безударных слогов изменился ритм, например: «КВР3» или «НУР2» и т.д. При контакте двух УРГ ни контрастное, ни неконтрастное изменение ритма не может иметь места, так как обе группы состоят исключительно из ударных слогов. Контакт в этом случае может быть только типа Г.

Валентность РГ устанавливается в ходе анализа парадигматических свойств контактирующих РГ с учётом характеров их контактов. Как отмечалось ранее, допускается, что любые и все типы РГ способны беспрепятственно сочетаться между собой в любых комбинациях, но некоторые сочетания могут быть более частотными и устойчивыми. Под валентностью РГ будем понимать вероятность возникновения определённой комбинации парадигматических типов РГ. Вероятность,

в свою очередь, – это отношение конкретного однородного наблюдаемого явления к общему числу наблюдаемых явлений в рамках той же совокупности:

$$a = \frac{b}{c},$$

где a – вероятность (валентность), b – количество явлений рассматриваемого типа, c – общее количество всех рассматриваемых явлений. Результат будем представлять в виде десятичной дроби меньше или равной единице, где 1 – максимальное значение. Чем ближе результат к единице, тем выше валентность в данной наблюдаемой комбинации РГ.

Материал исследования

В качестве экспериментального материала для данного этапа исследования были использованы аудиозаписи высказываний 7 мужчин и 7 женщин носителей современного американского варианта английского языка. Все дикторы¹ (на момент эксперимента) имеют высшее образование, относятся к одной возрастной группе (женщины в возрасте 36-55 лет, мужчины – 36-60, то есть представители второго этапа среднего возраста по геронтологической классификации Г. Гримма [3]), являются европеоидами и принадлежат к верхним слоям среднего класса США (upper middle class), следовательно, с очень высокой вероятностью обладают высоким уровнем речевой культуры. Таким образом, рассматриваемая группа информантов является репрезентативной выборкой 29,4% населения США, где представленность женщин и мужчин почти равная – 52,5% к 47,5%, соответственно². На одном из этапов эксперимента информантам предлагалось прочитывать вслух без подготовки текст на одну из острых социальных тем. При составлении репрезентативной выборки записанных звучащих текстов их суммарная длительность составила примерно 250 минут, общее число информантов снизилось с 22 до 14, а общая длительность аудиозаписей для анализа рассматриваемого в настоящей статье вида речевой деятельности составила около 42 минут.

Результаты анализа

Сначала были рассмотрены соответствия структурных типов РГ типам контактов с последующей РГ. Средние значения количества РГ разных структурных типов с разными типами контактов не позволили обнаружить достоверных различий между гендерными группами информантов, поэтому были рассмотрены показатели дисперсии, то есть рассеивания индивидуальных значений вокруг средних³. В результате было обнаружено, что у мужчин наблюдается почти в пять раз меньшее значение дисперсии УРГ с КУР чем у женщин. Кроме того, у мужчин большое значение рассеивания для УРГ с НУР: 0,59 при среднем в 0,76 РГ. Таким образом, число УРГ с контактом типа НУР в мужской группе респондентов значительно варьирует от диктора к диктору, при этом устойчивость УРГ с границей типа КУР гораздо выше. У женщин совершенно иная картина: высока устойчивость УРГ с правым контактом типа НУР, а с КУР – низка: 0,08 от среднего в 1,04 и 0,34 от среднего в 0,55 соответственно. Статистика контактов двух соседних УРГ, сопровождающихся границей типа Г, в обеих группах информантов примерно одинаковая как по средним показателям, так и по дисперсии.

¹ В данном исследовании термин «диктор» используется в узком значении: лицо, произносящее текст, чья звучащая речь записывается на носитель информации.

² По данным переписи населения, проведенной Федеральным бюро переписи населения США в 2000 году – на момент проведения основного этапа исследования самые актуальные официальные сведения из опубликованных в открытом доступе.

³ Данный параметр указывает, насколько систематично возникает наблюдаемое событие. Чем выше значение дисперсии, тем дальше отстоят индивидуальные показатели от среднего значения, что указывает на более высокую степень случайности события. Чем ниже значение дисперсии, тем плотнее распределены индивидуальные значения показателей вокруг среднего значения, что свидетельствует о более высокой степени регулярности события.

Следующий статистически значимый показатель – это ЭРГ с НУР. Значение дисперсии у мужчин 0,51, у женщин – 0,08, то есть почти в 6 раз меньше при примерно равных средних (0,95 и 0,85 соответственно). Судя по полученным данным, мужчины практически стихийно используют ЭРГ с НУР, а у женщин такая комбинация характеристик статистически устойчива.

ПРГ оказалась самым малочисленным типом РГ в обеих рассматриваемых группах. Максимальное среднее значение у мужчин наблюдается в сочетании с НВР и составляет 0,14 РГ. У женщин ситуация очень похожая: максимальное среднее значение, составляющее 0,15 РГ, наблюдается в сочетании ПРГ с НВР. Средние значения всех остальных комбинаций в обеих группах колеблются от 0,02 до 0,11 РГ. Эти средние значения с любыми видами контактов не превышают порогов случайности событий и не могут считаться устойчивыми и игнорируются.

Значения дисперсии ПЭРГ с КВР в мужской группе информантов больше чем в женской: 0,26 при среднем в 0,52 и 0,11 при среднем в 0,48 соответственно. Таким образом, в мужской группе ПЭРГ с КВР почти в два раза менее устойчивы, по сравнению с женской группой.

Далее рассмотрим особенности количественного распределения безударных слогов при различных типах контактов РГ. Аналогично предыдущей ситуации достоверные различия удаётся обнаружить лишь в значениях дисперсии. НВР является наименее устойчивым типом контакта в обеих гендерных группах, однако у мужчин дисперсия заметно больше, чем у женщин. Это говорит о том, что рассеивание индивидуальных значений вокруг среднего показателя в этой группе информантов гораздо больше. В женской группе значения дисперсии НУР примерно в два раза меньше чем в мужской – у мужчин возникновение НУР и КВР носит более случайный характер, чем у женщин. НУР и КВР более устойчивы в женской группе, чем в мужской. Контакты типа КУР в обеих группах получили примерно равные показатели как в аспекте средних значений, так и дисперсии их количества. Показатели числа контактов типа КВР – наоборот: у мужчин, как и ранее, наблюдается большее рассеивание вокруг среднего значения, то есть устойчивость явления снижена по сравнению с женщинами. При анализе показателей контакта типа «Г», при котором ритм остаётся неизменным, обнаруживаются различия в значениях дисперсии: и опять мужчины больше подвержены воздействию индивидуальных факторов, а не групповых в отличие от женщин.

Если обобщить данные о наблюдаемых количественных показателях различных типов контактов РГ, то можно сделать следующий вывод: в мужских группах контакты ритмических групп носят более индивидуальный характер, чем в женских, так как в женской группе значения дисперсии индивидуальных показателей меньше. Отсюда следует, что мужчины во время неподготовленного чтения вслух в значительной степени индивидуально организуют слоговый ритм, а женщины демонстрируют большее групповое единообразие.

На следующем этапе рассматривались характеры ритмических модуляций при каждом типе контакта, то есть отслеживалось, как меняется количество безударных слогов в контактирующих РГ при различных наблюдаемых типах контактов. Первыми рассмотрим контакты КУР и КВР. Было установлено, что при данных типах контакта РГ количество безударных слогов изменяется не более чем на восемь, но обычно варьирует от трёх до шести. Причём КУР с изменением на три и четыре безударных слога являются наиболее частыми. С увеличением количества безударных, участвующих в модуляции ритма, частотность контактов РГ снижается, что вполне объяснимо тенденцией английского языка к моносиллабизму и чётко прослеживается в обеих группах информантов. При КУР наиболее частым изменением ритма в каждой гендерной группе является увеличение числа безударных слогов на три. Однако единственным статистически достоверным гендерным различием по данному аспекту является значение дисперсии количества случаев контрастного убывания ритма с изменением на четыре безударных слога: в женской группе в два раза выше чем в мужской. Следовательно, у женщин КУР с изменением на четыре слога больше зависит от индивидуальных факторов, чем у мужчин.

Рассматривая особенности контрастного возрастания ритма, наблюдаем аналогичную тенденцию: самые частые виды КВР – это КВР с преобразованием на три безударных слога. Как и в предыдущем случае, гендерные различия наблюдаются в значениях дисперсии количества контактов

контрастного возрастания ритма, сопровождающихся изменением на три слога: в мужской группе примерно в три раза больше, чем в женской. То есть, мужчины почти в три раза более подвержены индивидуальным факторам по данному аспекту, чем женщины.

В отличие от только что рассмотренных контрастных модификаций слогового ритма, неконтрастные изменения обнаруживают и демонстрируют больше гендерных различий. При близких межгрупповых средних значениях количества контактов с неконтрастным убыванием ритма значения дисперсии демонстрируют достоверные различия: в мужской группе дисперсия НУР с одним слогом приблизительно в два раза больше, чем в женской группе. Кроме того, если при чтении вслух в речи мужчины возникает неконтрастное убывание ритма с изменением на два безударных слога, то это почти в четыре раза более регулярное явление, чем НУР с изменением на один безударный слог, которое в мужской группе респондентов сильнее подвержено воздействию идиосинкратических факторов, чем в женской.

При реализации НУР у женщин наблюдается тенденция в целом схожая с мужской: НУР с одним безударным слогом менее регулярны чем с двумя. Отличие от мужского варианта заключается в степени систематичности НУР с одним безударным слогом по сравнению с двумя: 0,43 против 0,31. Таким образом, женщины почти с одинаковой систематичностью употребляют оба варианта НУР, в отличие от мужчин.

Далее рассмотрим НВР. В целом по аспекту НВР наблюдается тенденция, аналогичная НУР: мужчины и женщины менее систематично увеличивают ритм на один безударный слог и более систематично – на два, что следует из соответствующих значений дисперсии при очень близких средних групповых значениях количества контактов РГ рассматриваемого типа. Величина дисперсии НВР с изменением на один безударный слог в мужской гендерной группе более чем в два раза превосходит аналогичный показатель, наблюдаемый в женской группе. Как и в случае с НУР, контакт типа НВР с изменением на один безударный слог у мужчин более подвержен воздействию индивидуальных факторов (а не групповых), а НВР с изменением на два безударных слога используется почти в шесть раз более систематично. У женщин наблюдается очень похожая ситуация: контакты типа НВР с ростом ритма на один безударный слог почти в четыре раза менее регулярны, чем с ростом ритма на два безударных слога.

Схожесть наблюдаемых тенденций указывает на большую обусловленность рассматриваемых показателей не гендером, а видом речевой деятельности (далее ВРД) – неподготовленное чтение вслух. Это вполне логично, так как по своей природе данный вид допускает минимальную степень свободы в формировании акцентной структуры и ритма. При неконтрастных ритмических модификациях (как при возрастании, так и при убывании ритма) степень статистической устойчивости явлений возрастает вместе с ростом количества безударных слогов, на которые ритм изменяется. Согласно нашим наблюдениям, наименее устойчивыми являются неконтрастные ритмические модуляции с изменением на один безударный слог, а наиболее устойчивыми – контрастные с изменением на пять-шесть безударных слогов. Скорее всего, это связано не с гендером, а с особенностями рассматриваемого ВРД. Кроме того, по мере роста количества безударных слогов, на которые ритм изменяется, частотность контактов снижается, что объясняется тенденцией английского языка к моносиллабизму. В этом контексте не удивительно, что неконтрастное возрастание ритма является наиболее частым видом контакта. Воздействие гендерного фактора на характеристики контактов ритмических групп при неподготовленном чтении вслух можно проследить только в показателях статистической устойчивости, то есть значениях дисперсии, а не средних групповых величинах, которые практически не обнаруживают достоверных различий.

Далее рассмотрим валентность ритмических групп. Как отмечалось выше, валентность ритмической группы понимается в настоящем исследовании как вероятность сочетания РГ определённого парадигматического типа с другой РГ определённого парадигматического типа, вычисляемая на основании частотности возникновения данной комбинации в совокупности всех наблюдаемых комбинаций парадигматических типов РГ. Однако, как показывают все предыдущие результаты, частотность явлений и их вероятность не всегда способны обнаружить искомые различия. Поэтому при определении характеристик валентности ритмических групп также

будем учитывать показатель дисперсии количества одинаковых комбинаций типов РГ. Как и при рассмотрении других вышеописанных синтагматических характеристик, мужские и женские варианты валентности РГ статистически достоверно различаются только по значениям дисперсии. Усреднённые групповые показатели снова оказались нерепрезентативными. Это служит очередным доказательством того, что рассматриваемый вид речевой деятельности не допускает значимой степени свободы говорящего (точнее, вслух читающего) в аспекте ритмической организации фразы. Ведь произносимый текст уже существует в письменном виде, а значит, он в прескриптивном порядке задаёт читателю слоговый ритм. Особенно если читатель обладает развитой языковой компетенцией, такой, какая имеется у представителей рассматриваемых в настоящем исследовании гендерных групп информантов.

У мужчин значение дисперсии валентности комбинации типов «УРГ–ЭРГ» указывает на её значительное непостоянство, то есть зависит не от групповых, а индивидуальных факторов. У женщин аналогичный показатель приблизительно в три раза ниже, то есть вариативность валентности у разных дикторов сравнительно низка, а значит валентность данной комбинации в женской группе имеет более устойчивый групповой характер. Как и следовало ожидать, учитывая особенности рассматриваемого ВРД, гендерные варианты синтагматики слогового ритма в аспекте валентности РГ достоверно различаются лишь по показателям дисперсии. В целом синтагматический аспект слогового ритма при неподготовленном чтении вслух продолжает тенденцию, обнаруженную при анализе парадигматических свойств РГ: мужчины больше подвержены воздействию индивидуальных факторов, чем женщины, что выражается в более высоких значениях дисперсии в целом ряде признаков. Женщины более систематично оформляют свой слоговый ритм, что заметно даже в таком «закостенелом» виде речевой деятельности как неподготовленное чтение вслух.

Выводы

На первый взгляд, подход к определению контрастного/неконтрастного изменения ритма, принятый в исследовании, несмотря на его преимущества (удобство, простота и скорость вычислений), может показаться не исчерпывающим, так как он рассматривает лишь разницу в количестве безударных слогов без учёта их *позиции* как относительно ударного слога, так и в масштабе синтагмы/фразы. Вследствие этого, как может показаться, существует опасность упустить из виду случаи, когда в некой синтагме/фразе ритм организован, например, по следующей схеме⁴:

001	100	100
РГ № 1	РГ № 3	РГ № 3
Г№1	Г№2	

Может создаться впечатление, что разницы в ритме между первой и второй РГ нет, хотя на самом деле ритм Г№1 отличается от ритма Г№2, и эта разница состоит в том, что между ударными слогами в первом случае нет безударных слогов, в отличие от второго, когда ударные слоги разделены двумя безударными. Хотя рассмотренный случай является примером неконтрастного изменения ритма, он может быть вполне актуален для контрастных модуляций, если количество безударных будет больше двух. Однако данная неоднозначность будет нивелирована акустическим анализом Г№1 и Г№2 по темпоральному параметру: если разница в количестве безударных слогов между ударными по скорости произнесения будет отличаться на статистически недостоверные величины, то это лишь подтвердит и уточнит результаты «более грубого» аудитивного количественного подсчёта. Таким образом, логика и последовательность этапов проведения экспериментальных фонетических исследований в очередной раз найдут подтверждение своей

⁴ «0» – безударный слог, «1» – ударный, «|» – граница РГ, «Г№» – номер границы между РГ.

обоснованности и целесообразности. Иными словами, для получения объективных и исчерпывающих данных о фонетических явлениях необходимо использовать сочетание аудитивных и акустических методов. Напомним, что в настоящей статье даётся описание этапа аудитивного анализа слогового ритма при неподготовленном чтении вслух. Акустический этап планируется в ходе дальнейшей работы.

© Банков А.С., 2022

Список литературы

1. Андросова С.В. Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2013. 41 с.
2. Банков А.С. Аудитивное исследование гендерного фактора во фразовом ритме при неподготовленном чтении вслух (парадигматический аспект) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 2021. №02. С. 140-144 DOI 10.37882/2223-2982.2021.02.05 URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/3234a5c9-ad7f-4b91-b571-48ea38347afe>.
3. Гримм Г. Основы конституциональной биологии и антропологии / Г. Гримм. М.: Медицина, 1967. С. 137.
4. Дечева С.В. Слоговое деление в английской речи (когнитивная силлабика): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1995. 45 с.
5. Иванова-Лукьянова Г.Н. Культура устной речи: Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: Учеб. пособие / Г. Н. Иванова-Лукьянова. М.: ФЛИНТАНАУКА, 1998. – 197 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, М.: Сов. энциклопедия, 1990.
7. Пономарева М.А. Слоговое своеобразие фонетики аффектов в американском диалектном варианте английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2013. 33 с.
8. Сокорева Т.В. Возрастная вариативность ритма как выделенности ударных слогов (на материале американского варианта английского языка) / Т. В. Сокорева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 1(661). С. 126-137.

References

1. Androsova, S.V. *Akusticheskie i pertseptivnye korreliaty tselnooformlennosti sloga (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskoi spontannoi rechi)*: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Acoustic and perceptual correlates of syllable continuity (an experimental phonetic study based on American English spontaneous speech): an extended author's abstract the PhD dissertation]. Sankt-Peterburg, 2013. 41 p.
2. Bankov, A.S. *Auditivnoe issledovanie gendernogo faktora vo frazovom ritme pri nepodgotovlennom chtenii vslukh (paradigmaticeskii aspekt)* [An Auditory Analysis of the Gender-Based Agent in Phrasal Rhythm In the Course of Extemporaneous Reading Aloud (the Paradigmatic Aspect)] // *Sovremennaiia nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki* [Contemporary Science: Topical Problems of Theory and Praxis]. *Seriia: GUMANITARNYE NAUKI* [Series: HUMANITARIAN SCIENCES]. 2021. №02. P. 140-144 DOI 10.37882/2223-2982.2021.02.05, <http://www.nauteh-journal.ru/files/3234a5c9-ad7f-4b91-b571-48ea38347afe>
3. Grimm, G. *Osnovi konstitutsional'noi biologii i antropologii* [The Basics of Constitutional Biology and Anthropology]. M.: Meditsina, 1967. P. 137.
4. Decheva, S.V. *Slogodelenie v angliiskoi rechi (kognitivnaia sillabika)*: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Syllable division in English speech (cognitive syllabics): an extended author's abstract the PhD dissertation]. Moskva, 1995. 45 p.
5. Ivanova-Lukianova, G.N. *Kul'tura ustnoi rechi: Intonatsiia, pauzirovanie, logicheskoe udarenie, temp, ritm: Ucheb. posobie* [The Culture of Spoken Speech: Intonation, pausation, logical stress, tempo, rhythm: a Tutorial]. M.: FLINTNAUKA, 1998. 197 p.
6. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / Head Editor V.N. Iartseva, M.: Sov. Encyclopedia, 1990.
7. Ponomareva, M.A. *Slogoe svoeobrazie fonetiki affektov v amerikanskom diatopicheskom variante angliiskogo iazyka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk.* [Syllable idiosyncrasy of phonetic composition of affect uses in American diatopical variant of the English language: an extended author's abstract the PhD dissertation]. Moskva, 2013. 33 s.
8. Sokoreva, T.V. *Vozrastnaia variativnost' ritma kak vydelennosti udarnykh slogov (na materiale amerikanskogo varianta angliiskogo iazyka)* [Age-related variation of rhythm as prominence of stressed syllables (a study based on American English)] / T. V. Sokoreva // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Moscow State Linguistics University Bulletin]. 2013. № 1(661). P. 126-137.

Сведения об авторе:

Банков Андрей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №3 Факультета международной журналистики МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: теоретическая и экспериментальная фонетика, просодия и интонация, методика и практика преподавания иностранных языков, теория и практика перевода. ORCID ID: 0000-0001-9866-5278. РИНЦ AuthorID: 518279. E-mail: a.s.bankov@my.mgimo.ru

About the author:

Andrey Bankov, PhD in Philology, is Assistant Professor at Department of the English Language No.3 at the School of International Journalism of MGIMO University (Moscow, Russia). Realm of research and professional interests: theoretical and experimental phonetics, prosody and intonation, methods and praxis of foreign languages teaching, theory and praxis of translation and interpretation. ORCID ID: 0000-0001-9866-5278. RSCI AuthorID: 518279. E-mail: a.s.bankov@my.mgimo.ru

* * *

NEW COLD WAR CONCEPT AMID MODERN CHALLENGES (BASED ON MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE PRESS)

Nikita A. Kovalev

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article presents the results of the study of the structure and content of NEW COLD WAR concept, which has a structure similar to COLD WAR concept via conceptual-definitional, functional-representative, comparative and discursive analyses. The research material was text examples of the concept taken from quality English-language press published in the period from 2019 to 2021. The study hypothesizes that despite the fact that the modern global confrontation is new, it has direct roots in the old conflict and is similar to it in the structure, however, due to the evolution of discursive conditions and extralinguistic factors, the content of the concept has changed. The results of the study showed that the notional component has been enriched due to new participants in the confrontation, its methods, its geography and the areas in which this conflict occurs, as well as the coronavirus pandemic. The figurative component has significantly expanded thanks to the emergence of such metaphors as “trade war”, “technological war”, “cyber war”, “vaccine war”, and “hybrid war”. The value component has become more complex due to a positive assessment of the conflict in terms of development opportunities. The NEW COLD WAR concept is a complex dynamically developing concept scenario that requires further detailed research.*

Keywords: *English, political discourse, concept, framework, metaphoric concept, new cold war*

For citation: Kovalev, N.A. (2022). New Cold War Concept Amid Modern Challenges (Based on Material of English-Language Press). *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 18–28. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-18-28>

КОНЦЕПТ NEW COLD WAR НА ФОНЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

Н.А. Ковалев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье представлены результаты исследования структуры и содержания концепта NEW COLD WAR методами концептуально-дефиниционного, функционально-репрезентативного, сравнительного и дискурсивного анализа. Целью настоящего исследования, проведённого в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, является определение понятийной, образной и ценностной составляющих концепта NEW COLD WAR и сравнительный анализ этих компонентов с составляющими концепта COLD WAR. Материалом исследования послужили текстовые реализации концепта, взятые из качественной англоязычной прессы в период 2019-2021 гг. В ходе исследования была построена гипотеза, что несмотря на то, что современное глобальное противостояние является новым, оно имеет непосредственные корни в старом конфликте и сходно с ним по структуре, однако из-за эволюции дискурсивных условий компоненты концепта изменились. Сценарный концепт NEW COLD WAR имеет сходную с концептом COLD WAR структуру, однако с точки зрения содержания, с периода конфликта второй половины XX века, в концепте произошли существенные трансформации, обусловленные изменившимися экстралингвистическими факторами. Результаты исследования показали, что понятийный компонент обогатился за счёт новых участников противостояния, методов его ведения, его географии и сфер, в которых происходит данный конфликт. Не последнюю роль в его развитии сыграла и пандемия коронавируса, начавшаяся в начале 2020 года. Образный компонент существенно расширился: появились такие производные от «холодной войны» метафоры, как «торговая война», «технологическая война», «кибер-война», «вакцинная война», «гибридная война» и т.д. Ценностный же компонент остался прежним: большое количество упоминаний говорит о значимости концепта, а аксиологически – холодная война представлена как нечто опасное, что необходимо предотвратить во избежание катастрофических последствий. В результате проведённого исследования выдвинутая гипотеза подтвердилась. В заключении отмечается, что концепт NEW COLD WAR представляет собой сложный динамически развивающийся концепт-сценарий, требующий дальнейшего детального исследования.

Ключевые слова: английский язык, политический дискурс, концепт, фрейм, метафорический концепт, новая холодная война

Для цитирования: Ковалев Н.А. (2022). Концепт New Cold War на фоне вызовов современности (на материалах англоязычной прессы). *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 18–28. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-18-28>

Введение

Международная политика, отличающаяся повышенной конфликтогенностью, даёт большой простор для исследования концептов, входящих в политический дискурс. В ходе новейшей истории было много противостояний – от локальных и гражданских конфликтов до мировых войн, но особый интерес представляет исследование Холодной войны, так как она охватила буквально все континенты и велась многочисленными способами, порой со-

вершенно отличными от методов ведения традиционного конфликта. Однако несмотря на то, что точка в Холодной войне с её фазами эскалации и «потепления» уже давно поставлена, сегодня в изменившихся геополитических условиях, когда, казалось бы, «свободный» демократический уклад воцарился в подавляющем большинстве государств, вновь возникают разговоры уже о новом глобальном конфликте, известном как «Новая холодная война». Современный мир уготовал ведущим игрокам на внешнеполитической арене новые вызовы, связанные не только с идеологией, как это было во второй половине XX века, но и с экономикой, энергетикой, системой общественного здравоохранения и многими другими проблемами, требующими незамедлительного решения. Сегодня в рамках англоязычного политического дискурса можно говорить о функционировании нового концепта NEW COLD WAR, являющегося своего рода ментальной схемой концептуализации современной геополитической реальности.

Теоретический обзор

В работе представлены результаты исследования структуры и содержания концепта NEW COLD WAR методами концептуально-дефиниционного, функционально-репрезентативного, компонентного, сравнительного и дискурсивного анализа. Данная работа продолжает исследование концепта COLD WAR, проведённое в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы изучения концептов в диахронии. Дискурс понимается как динамичное процессуальное явление, с помощью которого происходит синхронизированное порождение и восприятие текста, и таким образом он оказывает непосредственное влияние на когнитивные процессы, постоянно внося изменения и производя обновления уже имеющейся базы ментальных репрезентаций. Так, преобразование «сцен реального мира» осуществляется в соответствии со стандартизированными представлениями, набором характерных черт объектов, например, фреймов, схем, сценариев и т.д. [7]. Это позволяет производить исследования дискурса и присущих ему концептов в развитии. Дискурсивный анализ базируется на изучении ментальных моделей, определяющих выбор коммуникативной информации для построения семантических структур. Дискурсивный подход к политической сфере показывает максимальную эффективность, так как в его рамках можно проанализировать сущностную сторону данной области функционирования языка – специфику осуществляемой в ней концептуализации мира, порождающей широкий спектр форм речевого воздействия.

Ключевые категории когнитивной лингвистики включают в себя такие понятия, как картина мира, категоризация, концепт и концептуализация. Хотя до сих пор не существует единой дефиниции концепта, в рамках данного исследования концепт определяется как мыслительная единица, определённый квант знания или тип ментальной репрезентации. Е.С. Кубрякова отмечает, что «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [5, с. 90]. Предметом исследования концепта являются грамматическая и лексическая семантика языка. Сложные концепты имеют комплексную структуру, включающую в себя ценностную, понятийную и образную составляющие [8, с. 40–42], и представляют собой ментальные образования, различающиеся по степени абстракции и содержанию [1, с. 54–55].

Концепт NEW COLD WAR, как и концепт COLD WAR, от которого он произошёл, структурно является динамическим фреймом (скриптом или концептом-сценарием). М. Минский, первым разработавший методику фреймового анализа, определяет фрейм как подвижную структуру знаний, состоящую из узлов и отношений между ними. Данная структура, а также абстрактная схема, дающая представление о типовых объектах и событиях, содержит множество так называемых «действий по умолчанию», которые дают возможность фрейму пополняться новыми данными. К тому же М. Минский пишет о том, что фреймы могут пересекаться и образовывать межфреймовые связи или иметь общие узлы («терминалы») с другими фреймами [6], [20]. На современном этапе благодаря Ч. Филлмору [13] фреймовый анализ стал широко использоваться в лингвистике.

В ходе фреймового анализа материала определяется когнитивный контекст, с которым он связан, вследствие чего данный материал структурируется, то есть происходит моделирование фрейма, обладающего иерархической структурой элементов (субфреймов и слотов), взаимодействующих друг с другом, что обеспечивает его целостность. Данный подход имеет своей целью описать представление о стереотипной ситуации во всей совокупности составляющих её признаков и выявление семантических особенностей лексических единиц, отражающих это знание в языке. Анализируя фреймы, исследователи могут опираться как на лингвистические данные, так и на экстралингвистическую информацию об исследуемом предмете или явлении [2].

Методология и методика исследования

Для решения задач исследования динамики структуры и содержания многокомпонентных концептов в диахронии разработана методика их фреймового анализа. На начальном этапе анализа необходимо проанализировать лексикографические источники в максимальном объёме и построить базовую схему концепта. Далее, путём анализа контекстов использования языковых единиц, репрезентирующих концепт в различные периоды своего существования в рамках исследуемого дискурса, следует выделить лексико-семантические поля и соответствующие им когнитивные признаки концепта и построить модели фрейма на исследуемых этапах (т.е. выделить понятийную составляющую концепта). Следующим этапом является выделение образного компонента концепта путём исследования и анализа метафоризации концепта, который может являться сферой-мишенью и сферой-источником метафорического переноса. На финальном этапе происходит исследование ценностной составляющей концепта путём анализа количества и частоты апелляций к данному концепту в различные периоды его существования и его аксиологической составляющей.

В ходе исследования была построена следующая гипотеза: несмотря на то, что современное глобальное противостояние является новым, оно имеет непосредственные корни в старом конфликте и сходно с ним по структуре, однако из-за эволюции дискурсивных условий, компоненты концепта изменились. Для достижения цели исследования, заключающейся в построении фреймовой модели концепта NEW COLD WAR и её сравнении с соответствующей моделью концепта COLD WAR, были решены следующие задачи: проанализировать лексико-семантические поля, репрезентирующие концепт, с целью выделения его понятийного компонента, провести анализ метафоризации концепта для определения его образного компонента, выделить ценностный компонент и провести сравнительный анализ моделей концептов-сценариев COLD WAR и NEW COLD WAR.

Материалами исследования послужили публикации англоязычной качественной прессы, вышедшие в период 2019–2021 гг., в частности, в таких изданиях, как *Agence France-Presse*, *BBC*, *Bloomberg*, *Business Insider*, *Foreign Policy*, *Fox News*, *Global Times*, *Los Angeles Times*, *Observer Research Foundation*, *Responsible Statecraft*, *The Guardian*, *The Nation*, *The New Statesman*, *The New Yorker*, *The Washington Post*, а также интернет-ресурсы www.aa.com.tr/en, www.dw.com/en, euobserver.com, www.marketwatch.com, www.mei.edu, www.news.com.au, theconversation.com/uk, www.wired.com.

Ход исследования

Понятийный компонент концепта NEW COLD WAR. Словосочетание “*new cold war*” появилось ещё в конце 1970-х гг. Тогда соответствующая лексико-семантическая группа репрезентировала слот **New cold war** в составе концепта COLD WAR, впоследствии эволюционировавший в субфрейм, а позднее ставший самостоятельным концептом. Из-за своей сравнительной новизны лексическая единица, номинирующая нынешнее глобальное противостояние, не представлена в лексикографических источниках. Для решения исследовательских задач мы проанализировали языковую репрезентацию концепта, взятую из публикаций англоязычной прессы общим объёмом примерно 6 печатных листов (около 240000 печатных знаков). Было выделено **лексико-се-**

мантическое поле Новая холодная война, включившее в себя следующие лексические единицы: *a new Cold War, a future China-U.S. cold war, A U.S. Cold War with China, US-China cold war, "Cold War 2.0.", an anti-China cold war, a cold war between the two, Biden's superpower competition with China, a Cold War redux, a second Cold War, another conflict akin to the Cold War, a competition with China, US-China rivalry, a Sino-American rivalry, «great fracture»*. *"It's no longer debatable that the United States and China, tacit allies during the last half of the last Cold War, are entering their own new cold war"* [10]. Более того, можно проследить оппозицию «старое-новое» в номинации нынешнего конфликта, проведённую рядом зарубежных политических исследователей: *"Unlike during the first cold war, [Europeans] do not see an immediate, existential threat to Europe's neighbourhood or a sense of ideological cohesion within the free world"* [16].

В ходе анализа примеров из прессы были выделены **ЛСП участники** и **ЛСП география**, характеризующие противоборствующие стороны и места ведения конфронтации. Стоит отметить, что особый акцент был сделан на противостоянии Соединённых Штатов Америки с Китайской Народной Республикой, а не с Российской Федерацией, в отличие от холодной войны, закончившейся в конце XX века, которая велась между западным и восточным блоками под руководством США и СССР. Особенно чётко это прослеживается после объявленной президентом США Дональдом Трампом «торговой войны» с Китаем и, впоследствии, началом пандемии коронавируса, пришедшей из КНР. Отмечается, что в отличие от «старой» холодной войны нынешний конфликт отличается не стремлением завоевать доминирование в Европе, которая больше не является разделённой между противоборствующими блоками, а получить контроль над рынками по всему миру.

ЛСП участники представлен следующими примерами: *"A majority of Europeans believe a new cold war is under way between the US and its chief geopolitical rivals, China and Russia but few view their own country as a direct participant... Washington and Brussels were preparing for an "all of society", generational struggle against autocracies in Beijing and Moscow"* [16]. *"Today, all major U.S. allies in and around Asia, including Australia, want to foster cooperation... with China. A U.S. Cold War with China could be quite lonely"* [26].

Примерами **ЛСП география** могут послужить следующие контексты: *"For the United States, world power all began with the Caribbean, and for China, it all begins with the South China Sea"* [17]. *"... Beijing has expanded its influence largely by investing in development projects, from as far afield as Ecuador and Kenya"* [26].

Претерпело изменение и **ЛСП Идеология**. Если во времена холодной войны прослеживалась чёткая оппозиция между демократией и коммунизмом, то теперь, после краха СССР и коммунистической системы, ситуация поменялась. На современном этапе в политическом дискурсе наблюдается чёткое разделение между так называемыми демократическими и недемократическими ценностями, например: *"You know what we've seen over the last 15 years is unfortunately something of a democratic recession around the world: countries falling back on the basic metrics of democracy. The United States has had its own challenges visible for the world to see when it comes to democracy"* [15].

Изменения неизбежно произошли и в методах ведения холодной войны. На первый план выходят не военные методы (хотя они и остаются важной составляющей ведения противостояния), а новые современные методы, связанные с экономическими санкциями и контрсанкциями, доминированием национального бизнеса, а также методы ведения кибервойны, такие как хакерские атаки, использование искусственного интеллекта, и модернизация технологии в целом. Выделенное **ЛСП Методы** (*tit-for-tat consulate closures in Houston and Chengdu, the expulsion of journalists, ideological rhetoric from the likes of US Secretary of State Mike Pompeo; a cold-warrish dynamic of mutual isolation and segregation*), включает в себя **ЛСП Дипломатические методы** (*dialogue and negotiation, multilateralism*), в рамках которых предлагается достигать поставленных целей путём многостороннего подхода, диалога и ведения переговоров, **ЛСП Военные методы** (*U.S. troops would face adversaries largely armed with light infantry weapons and homemade bombs*) и **ЛСП Методы противостояния в киберпространстве** (*constant, interminable Chinese computer hacks of*

American warships' maintenance records, Pentagon personnel records, and so forth; emerging technologies like artificial intelligence, robotics, hypersonics, and cyber warfare), которые являются достаточно обширными. На смену гонке вооружений на современном этапе приходит гонка технологий, например: *"Launching a technology arms race. This marks the start of what Capri calls "essentially a technology Cold War" – a battle between the US and China not only for tech supremacy, but also between two competing ideologies"* [9].

Тесную связь с методами ведения данного противостояния имеют сферы, в рамках которых ведётся конфронтация, и эти сферы становятся всё более многочисленными. Акцент делается и на то, что нынешний конфликт является в значительной мере более всеобъемлющим и комплексным. В ЛСП **Сферы** можно включить следующие лексические единицы, относящиеся к сферам технологии, экономики, здравоохранения и международного взаимодействия: *5G networks and the US-China cold war, Unlike the Soviet Union, China is too integrated into the world economy; Trump withdrew from the World Health Organization, Trump withdrew from the Trans-Pacific Partnership; "President Donald Trump's America First foreign policy has seen the US thumb its nose at multilateral agreements from the Paris Climate accord to the Iran nuclear deal, while China is visibly positioning itself as the new supporter of the United Nations"* [24]. ЛСП **Комплексность** иллюстрируют такие примеры, как: *"The China-US rivalry is not a new Cold War. It is way more complex and could last much longer"* [25]. *"Today's strategists, however, imagine far more multidimensional (or "multi-domain") warfare extending to the air and well into rear areas, as well as into space and cyberspace"* [18].

Что касается ЛСП **Время**, то входящие в него лексические единицы указывают на затяжной характер противостояния и предупреждают о «вечной войне», например: *the new cold war is permanent; the phrase "forever war" could gain a new, far grimmer meaning; "endless wars we are caught in now"* [18]. И, наконец, можно выделить ЛСП **Опасность**, характерное для холодной войны и присущее любому конфликту из-за неопределённости его разрешения и состоящее из таких лексических единиц и контекстов, как: *potentially catastrophic cold war with China and Russia; "America's involvement in its twenty-first-century "forever wars" – the fruitless, relentless, mind-crushing military campaigns to fight an all-out, cataclysmic, potentially nuclear war with China and/or Russia"* [18].

В результате анализа выделенных лексико-семантических полей, репрезентирующих понятийную составляющую концепта NEW COLD WAR, удалось выделить его когнитивные признаки и включить их в виде структурных компонентов в соответствующий фрейм с ячейкой-именем **New Cold War** в виде вершины. Так, в состав фрейма входит субфрейм **Parties**, включающий в себя слоты **Places**, **US**, субфрейм **US rivals**, состоящий из слотов **Russia** и **China**; субфрейм **Methods**, включающий в себя слоты **Economic methods**, **Cybernetic methods**, **Diplomatic methods**, **Warfare**; субфрейм **Spheres**, состоящий из слотов **Cybersphere**, **Finance**, **Healthcare**; субфрейм **Time** с входящим в него слотом **Endlessness**; субфрейм **Ideology**; слоты **Danger** и **Complexity**.

Образный компонент концепта NEW COLD WAR. Образная составляющая является обязательной частью сложных концептов и отображает «зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отражённых в нашей памяти» [3, с. 5] и находит отражение в их метафоризации. Анализ упоминаний новой холодной войны в проанализированных примерах из прессы показал, что сценарный концепт NEW COLD WAR подвергается активной метафоризации, причём выступает и сферой-источником, и сферой-мишенью метафорического переноса.

NEW COLD WAR в качестве сферы-источника метафорического переноса

Температурная метафора. Прежде всего, словосочетание *"cold war"* само по себе является метафорой, в которой признак температуры, заложенный в сенсорное прилагательное *cold* коррелирует с признаком интенсивности и враждебности. Таким образом, перенос состояния конфронтации на повышение или понижение температуры свидетельствует об ухудшении или улучшении взаимоотношений между противниками (*"China's President Xi Jinping actually declared at the virtual general debate that «China has no intention to fight either a Cold War or a hot one with any country"* [24]. *"And America's cold civil war has already grown noticeably warmer in recent weeks"* [12]).

Интересным является появление и такой метафоры как «холодный мир», обозначающей состояние относительного мира между странами, заключившими мирный договор, но при этом правительство или население одной из сторон договора продолжают относиться к договору с явным неприятием (*"The Trump administration also moved the needle from a cold war to a "cold peace" between Qatar and the Arab Quartet of Saudi Arabia, the UAE, Egypt, and Bahrain"* [22]).

Милитарная метафора играет значительную роль в существовании и функционировании концепта NEW COLD WAR. Несмотря на то, что военная лексика в основном представляет репрезентацию концепта WAR, её в значительной степени употребляют и для метафорического описания невоенных конфликтов (*"Biden inherits a tech Cold War with China after Trump ratcheted up the battle"* [21]).

NEW COLD WAR в качестве сферы-мишени метафорического переноса

Политическая метафора. Концепт-сценарий NEW COLD WAR переносится на сферу внутренней политики, в отличие от противостояния на глобальном уровне. Сема ненасильственного конфликта удачно передаёт положение вещей на внутривнутриполитической арене. Например, волнения в США в январе 2021 года, вызванные недовольством результатами президентских выборов и закончившиеся попыткой захвата Капитолия, описываются как «холодная гражданская война» (*"America's cold civil war has already grown noticeably warmer in recent weeks – and whoever wins on November 3, it looks like the chaos will only get worse"* [12]).

Метафора межличностных отношений. Особую роль играет персонификация внутривнутриполитических баталий в США. Противники Дональда Трампа апеллировали к возврату к риторике холодной войны и обвиняли его в разжигании личной войны против всех американских граждан. Апелляция к личному часто используется в политическом дискурсе для более широкого охвата аудитории с целью манипулирования общественным мнением (*"... collectively Donald Trump has waged personal war against every citizen who has ever believed in the idea of America"* [14]).

Также новая холодная война послужила сферой-мишенью для многочисленных аспектов ведения международной конфронтации, таких как торговля (*a trade war with China*), технологии (*Technology Cold War, a tech Cold War*), система здравоохранения и борьба с пандемией, в частности, в ходе распределения и взаимного непризнания иностранных вакцин (*"The race is on to vaccinate Europeans, and it's a competition between East vs West. There's a reason the contest has been termed "a new Cold War"... This is the theory behind vaccine diplomacy"* [11]. *"How elimination versus suppression became Covid's cold war"* [23]). Всё это свидетельствует о глубоком вхождении концепта в массовое сознание не только в рамках политического дискурса, но и в рамках обыденной жизни англоязычных реципиентов.

Случаев деметафоризации концепта, то есть использования репрезентирующих его лексических единиц в буквальном значении, в исследуемом материале выявлено не было. Это свидетельствует, с одной стороны, о сравнительной новизне концепта, а с другой – о том, что словосочетание *cold war* представляет собой стёртую метафору, то есть её внутренняя форма и семантическая двуплановость не ощущается носителями языка.

Эти метафорические модели нашли отражение в структуре концепта NEW COLD WAR. Температурная метафора концепта соответствует слоту **Temperature**, милитарная метафора структурно отражена в слоте **Warfare** субфрейма **Methods**, политическая метафора, метафора торговли, здравоохранения и межличностных отношений дополняют субфрейм **Spheres** слотами **Politics**, **Trade**, **Healthcare** и **Personal relationships** соответственно.

Ценностный компонент концепта NEW COLD WAR.

Большинство исследователей-когнитологов сходятся во мнении о ключевой роли ценностного компонента концепта. В.И. Карасик пишет, что «совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы. Ценностные доминанты, совокупность которых и образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [3, с. 5]. Мощным средством выражения оценки является метафора, которая акцентуализирует оценочные смыслы, отражая сущность познаваемого. Ценностный компонент концепта

та NEW COLD WAR представлен частотностью упоминаний его лексических репрезентантов в исследуемом материале (362 случая), значительной метафоризацией, а также наличием положительной и отрицательной оценки.

Положительно окрашенная лексика является менее частотной, но в отличие от репрезентации концепта COLD WAR, она всё же представлена и отображает широту возможностей развития, которую предоставляет нынешнее глобальное противостояние, а именно экономический рост США при условии победы над Китаем в торговых и технологических войнах, а также укрепление демократии и влияния США на мировой арене. К тому же отмечается, что риск мировой войны, в отличие от ситуации во второй половине XX века, значительно более низок, например: *“But it’s already arrived, and it isn’t likely to become the terrifying kind. Rather than a race to build warheads, this competition involves an infrastructure race, a gross domestic product race and arguments over whose political system is superior”* [19]. Положительно окрашенная лексика репрезентирует слот **Opportunities** в структуре фрейма.

Негативная оценка концепта вызвана опасностью дальнейшей военной эскалации конфликта и многочисленных человеческих жертв, а также с колоссальными средствами, вложенными в противостояние с Китаем, и угрозе деглобализации, связанной с протекционистскими мерами, направленными на защиту собственных политических и экономических интересов. Отрицательно окрашенная лексика в основном представлена в ЛСП **Опасность** понятийного компонента концепта, репрезентирующим слот **Danger**.

Результаты исследования

Структурно концепт NEW COLD WAR схож с концептом COLD WAR [4, с. 143–148], они оба являются комплексными и обладают понятийным, образным и ценностным компонентами и представляют собой динамические фреймы с иерархической структурой. Понятийные составляющие данных концептов отображают стороны конфликтов, места их ведения, методы противостояний и сферы, в которых они ведутся, равно как и отсутствие открытого военного противостояния, временную составляющую конфликтов и атмосферу опасности. Оба концепта подвергаются активной метафоризации и плотно входят не только в политическую жизнь, но и в массовое сознание. Концепты представляют ценность, о чём свидетельствует частота апелляций к ним в прессе, и, в целом, репрезентирующая их лексика является негативно окрашенной. Функционирование данных концептов необходимо рассматривать в политическом и социокультурном контексте.

Однако можно отметить и ряд различий исследуемых концептов. Так, в рамках концепта NEW COLD WAR произошла структурная замена части слотов субфрейма **Parties**, а именно появление Китая как основного конкурента США в мире, появились новые высокотехнологичные методы и сферы ведения противостояния, нашедшие отражения в субфреймах **Methods** и **Spheres**. Следует упомянуть и изменения в идеологической составляющей конфликта (субфрейм **Ideology**), которая тоже поменялась. Концепт NEW COLD WAR не подвергается деме́тафоризации и в ряде случаев оценивается положительно, рассматриваясь как некий толчок для развития технологий и экономики. Таким образом, концепт NEW COLD WAR, хоть и является схожим по структуре с концептом COLD WAR, не может полностью с ним отождествляться, так как изменения прослеживаются как во всех трёх компонентах концептов, так и в их фреймовых схемах.

Выводы

Полученные результаты исследования свидетельствуют о перспективности дальнейшего изучения концептов COLD WAR и NEW COLD WAR, равно как и смежных с ними концептов INFORMATION WAR и HYBRID WAR, а также SOFT POWER, апелляции к которым в политическом дискурсе сегодня происходят всё чаще. Это даст возможность получить более чёткое пони-

мание о средствах и методах ведения конфронтации как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе, и минимизировать негативные последствия нынешних и будущих конфликтов. Также настоящее исследование даёт перспективу для изучения и анализа концептуального поля «новая холодная война» в различных лингвистических культурах на фоне роста напряжённости в глобальной политике.

© Ковалев Н.А., 2022

Список литературы

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. 104 с.
2. Гусельникова О. В. Возможности фреймового анализа. Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2009. 5 (17). С. 29–32.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
4. Ковалев Н.А. Эволюция концепта COLD WAR в американском политическом дискурсе (на материалах СМИ) Дисс. канд. филол. наук. М. МГИМО, 2020. 173 с.
5. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г., М.: МГУ, 1996. 245 с.
6. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
7. Руднев Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка. [Электронный ресурс]. URL: http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm (Accessed 29 March 2022).
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 40–42.
9. Borrett A. Donald Trump has taken the US to the brink of a tech cold war. 27 January 2021. URL: <https://www.newstatesman.com/business/sectors/2021/01/donald-trump-has-taken-us-brink-tech-cold-war> (Accessed 29 March 2022).
10. Brands H., Gaddis J. L. The New Cold War. America, China, and the Echoes of History. November/December 2021. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-10-19/new-cold-war?utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20220112 (Accessed 29 March 2022).
11. Carragher A. The 'Cold War' diplomacy behind Covid-19 vaccines. 11 March 2021. URL: <https://euobserver.com/opinion/151187> (Accessed 29 March 2022).
12. Chung F. America's cold civil war is getting warmer. 6 September 2020. URL: <https://www.news.com.au/world/north-america/us-politics/americas-cold-civil-war-is-getting-warmer/news-story/7fe63779e26ab082d8db79e977e99f45> (Accessed 29 March 2022).
13. Fillmore, Ch. J. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 1985. 6 (2). P. 222–254.
14. Graff G.M. Donald Trump Is Attacking the Very Core of America. 1 November 2020. URL: <https://www.wired.com/story/opinion-donald-trump-is-attacking-the-very-core-of-america/> (Accessed 29 March 2022).
15. Haltiwanger J. Blinken refuses to call Biden's superpower competition with China a 'new Cold War'. 5 May 2021. URL: <https://www.businessinsider.in/politics/world/news/blinken-refuses-to-call-bidens-superpower-competition-with-china-a-new-cold-war/articleshow/82395066.cms> (Accessed 29 March 2022).
16. Henley J. Most Europeans believe US in new cold war with China and Russia – poll. 22 September 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/sep/22/most-europeans-believe-us-in-new-cold-war-with-china-and-russia-poll> (Accessed 29 March 2022).
17. Kaplan R.D. A New Cold War Has Begun. 7 January 2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/01/07/a-new-cold-war-has-begun/> (Accessed 29 March 2022).
18. Klare M. T. Trump Is Leaving Us with a New Cold War 8 December 2020. URL: <https://www.thenation.com/article/world/trump-biden-china-russia/> (Accessed 29 March 2022).
19. McManus D. Column: Here's why our new cold war with China could be a good thing. 24 March 2021. URL: <https://www.latimes.com/politics/story/2021-03-24/column-heres-why-our-new-cold-war-with-china-could-be-a-good-thing> (Accessed 29 March 2022).
20. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. Winston, Patrick, ed. *The Psychology of Computer Vision*. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 211–277.
21. Poletti Th. Opinion: Biden inherits a tech Cold War with China after Trump ratcheted up the battle. 18 December 2020. URL: <https://www.marketwatch.com/story/biden-inherits-a-tech-cold-war-with-china-after-trump-ratcheted-up-the-battle-11608251509> (Accessed 29 March 2022).
22. Soliman M. The coming US-China cold war: The view from the Gulf. 15 March 2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/coming-us-china-cold-war-view-gulf> (Accessed 29 March 2022).
23. Spinney L. How elimination versus suppression became Covid's cold war. 3 March 2021. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/mar/03/covid-19-elimination-versus-suppression> (Accessed 29 March 2022).

24. Trevelyan L. Is the world entering a new Cold War? 22 September 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-54244011> (Accessed 29 March 2022).
25. Walsh S. The China-US rivalry is not a new Cold War. It is way more complex and could last much longer. 26 August 2020. URL: <https://theconversation.com/the-china-us-rivalry-is-not-a-new-cold-war-it-is-way-more-complex-and-could-last-much-longer-144912> (Accessed 29 March 2022).
26. Wright R. Why Trump Will Never Win His New Cold War with China. 29 July 2020. URL: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/why-trump-will-never-win-his-new-cold-war-with-china> (Accessed 29 March 2022).

References

1. Babushkin, A.P. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike iazyka* [Types of concepts in lexical and phraseological semantics of the language] / A.P. Babushkin. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1996. 104 s.
2. Gusel'nikova, O.V. *Vozmozhnosti freimovogo analiza* [Opportunities of framework analysis] / O.V. Gusel'nikova. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. [The world of science, culture and education] Gorno-Altai, 2009. 5 (17). S. 29–32.
3. Karasik, V.I. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse] / V.I. Karasik. Volgograd: Peremena, 2002. 476 s.
4. Kovalev, N.A. *Evolutsiia kontsepta COLD WAR v amerikanskom politicheskom diskurse (na materialakh SMI)* [Evolution of COLD WAR concept in American political discourse (based on media materials)] Diss. kand. filol. nauk. [Evolution of COLD WAR concept in American political discourse (based on media materials)] Diss. kand. filol. nauk. M. MGIMO, 2020. 173 s.
5. Kubriakova, E.S. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms] / E.S. Kubriakova, V.Z. Dem'iankov, Iu.G. Pankrats, L.G. Luzina. M.: MGU, 1996. 245 s.
6. Minskii, M. *Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo. Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious. New in Foreign Linguistics] / M. Minsky. Vyp. XXIII. *Kognitivnye aspekty iazyka* [Cognitive aspects of language]. M.: Progress, 1988. S. 52–92.
7. Rudnev, Iu. *Kontsepsiia diskursa kak elementa literaturovedcheskogo metaiazika* [The concept of discourse as an element of literary metalanguage] / Iu. Rudnev, zhely-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm (Accessed 29 March 2022).
8. Stepanov, Iu.S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of the Russian Culture] / Iu.S. Stepanov. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1997. S. 40–42.
9. Borrett, A. *Donald Trump has taken the US to the brink of a tech cold war*. 27 January 2021, www.newstatesman.com/business/sectors/2021/01/donald-trump-has-taken-us-brink-tech-cold-war (Accessed 29 March 2022).
10. Brands, H., Gaddis, J. L. *The New Cold War. America, China, and the Echoes of History*. November/December 2021, www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-10-19/new-cold-war?utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20220112 (Accessed 29 March 2022).
11. Carragher, A. *The 'Cold War' diplomacy behind Covid-19 vaccines*. 11 March 2021, euobserver.com/opinion/151187 (Accessed 29 March 2022).
12. Chung, F. *America's cold civil war is getting warmer*. 6 September 2020, www.news.com.au/world/north-america/us-politics/americas-cold-civil-war-is-getting-warmer/news-story/7fe63779e26ab082d8db79e977e99f45 (Accessed 29 March 2022).
13. Fillmore, Ch. J. *Frames and the semantics of understanding*. *Quaderni di Semantica*, 1985. 6 (2). P. 222–254.
14. Graff, G.M. *Donald Trump Is Attacking the Very Core of America*. 1 November 2020, www.wired.com/story/opinion-donald-trump-is-attacking-the-very-core-of-america/ (Accessed 29 March 2022).
15. Haltiwanger, J. *Blinken refuses to call Biden's superpower competition with China a 'new Cold War'*. 5 May 2021, www.businessinsider.in/politics/world/news/blinken-refuses-to-call-bidens-superpower-competition-with-china-a-new-cold-war/articleshow/82395066.cms (Accessed 29 March 2022).
16. Henley, J. *Most Europeans believe US in new cold war with China and Russia – poll*. 22 September 2021, www.theguardian.com/world/2021/sep/22/most-europeans-believe-us-in-new-cold-war-with-china-and-russia-poll (Accessed 29 March 2022).
17. Kaplan, R.D. *A New Cold War Has Begun*. 7 January 2019, foreignpolicy.com/2019/01/07/a-new-cold-war-has-begun/ (Accessed 29 March 2022).
18. Klare, M. T. *Trump Is Leaving Us with a New Cold War*. 8 December 2020, www.thenation.com/article/world/trump-biden-china-russia/ (Accessed 29 March 2022).
19. McManus, D. *Column: Here's why our new cold war with China could be a good thing*. 24 March 2021, www.latimes.com/politics/story/2021-03-24/column-heres-why-our-new-cold-war-with-china-could-be-a-good-thing (Accessed 29 March 2022).
20. Minsky, M. *A Framework for Representing Knowledge*. Winston, Patrick, ed. *The Psychology of Computer Vision*. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 211–277.
21. Poletti, Th. *Opinion: Biden inherits a tech Cold War with China after Trump ratcheted up the battle*. 18 December 2020, www.marketwatch.com/story/biden-inherits-a-tech-cold-war-with-china-after-trump-ratcheted-up-the-battle-11608251509 (Accessed 29 March 2022).
22. Soliman M. *The coming US-China cold war: The view from the Gulf*. 15 March 2021, www.mei.edu/publications/coming-us-china-cold-war-view-gulf (Accessed 29 March 2022).
23. Spinney, L. *How elimination versus suppression became Covid's cold war*. 3 March 2021, www.theguardian.com/commentis-free/2021/mar/03/covid-19-elimination-versus-suppression (Accessed 29 March 2022).
24. Trevelyan, L. *Is the world entering a new Cold War?* 22 September 2020, www.bbc.com/news/world-us-canada-54244011 (Accessed 29 March 2022).

25. Walsh, S. *The China-US rivalry is not a new Cold War. It is way more complex and could last much longer*. 26 August 2020, theconversation.com/the-china-us-rivalry-is-not-a-new-cold-war-it-is-way-more-complex-and-could-last-much-longer-144912 (Accessed 29 March 2022).
26. Wright, R. *Why Trump Will Never Win His New Cold War with China*. 29 July 2020, www.newyorker.com/news/our-columnists/why-trump-will-never-win-his-new-cold-war-with-china (Accessed 29 March 2022).

Сведения об авторе:

Ковалев Никита Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, исследования политического и медиа-дискурса.
E-mail: nikitakovalyov@yandex.ru

About the author:

Nikita Kovalev, PhD, is Associate Professor of English Language Department №6, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interests: cognitive linguistics, political linguistics, research of political and media discourse. E-mail: nikitakovalyov@yandex.ru

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 81-25

DOI: 10.24833/2410-2423-2022-2-31-29-39

ACTIVE MODELS IN MODERN PORTUGUESE NEOLOGY: NEW WORDS AND THE PANDEMIC

Olga A. Saprykina

Lomonosov Moscow State University
1, str. 51, Leninskie Gory, MSU, GSP – 1, Moscow, 119991, Russia

Abstract. *In the paper, neology is considered as a heuristic activity that is carried out with the help of language. The article uses materials of modern Portuguese-language media discourse, of the Internet version of the leading media resources in Portugal and Brazil, in particular. The combination of structural, psycholinguistic, functional-stylistic, denotative, cognitive-discursive and lexicographic approaches helps to identify the main active models in the field of Portuguese neology. During the coronavirus pandemic, Portuguese neology develops in a classical way, at the same time some new phenomena are observed. Traditionally, occurring processes include word formation (affixation, abbreviation and word composition), semantic reinterpretations of lexical units, and borrowings. There is a large proportion of initial abbreviations in word formation, both alphabetic (sigla) and phonetic (acronyms). Many initial abbreviations are of international origin. Compound words function alongside scientific symbols. In affixation, prefix word-formation is prevailing. To enrich the dictionary, borrowings are attracted mainly from the English language. New neological models are associated with the determinologization of medicine vocabulary, which migrates into everyday discourse. Proper names are interpreted in a new way. Some anthroponyms, mythonyms and toponyms acquire associative connotations or become part of complex words. Derivation in the field of phraseology, in which the number of fixed combinations increases, is boosting. Paremiology is being renewed with antiproverbs. Linguocreative activity is represented by expressive memes and hashtags. In the pandemic period, along with neologisms, potential words with great expressiveness appear. Portuguese neology actively conceptualizes the events of the coronavirus pandemic. In the field of conceptualization, subdomains of medicine, media and everyday discourse, in the focus of which lies the concept of “disease”, are distinguished. The latter is understood both with the help of conventional lexical means and lexical resources from different styles. During the pandemic, the neological field “coronavirus pandemic” appears as part of the constantly expanding neologosphere of the language.*

Keywords: *neologisms, word production, affixation, abbreviation, word composition, paremiological derivation, determinologization*

For citation: Saprykina, O.A. (2022). Active Models in Modern Portuguese Neology: New Words and the Pandemic. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 29–39. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-29-39>

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОРТУГАЛЬСКОЙ НЕОЛОГИИ: НОВЫЕ СЛОВА И ПАНДЕМИЯ

О.А. Сапрыкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, ГСП – 1, Ленинские горы, МГУ, 1. стр.51

Аннотация. В статье неология рассматривается как эвристическая деятельность, которая осуществляется с помощью языка. Материалом для исследования послужили факты современного португальского медийного дискурса, в частности, интернет-версий ведущих ресурсов СМИ Португалии и Бразилии. Сочетание структурного, психолингвистического, функционально-стилистического, денотативного, когнитивно-дискурсивного и лексикографического подходов даёт возможность выявить основные активные процессы, происходящие в сфере португальской неологии. В период пандемии коронавируса в португальской неологии идут как классические процессы, ведущие к созданию новообразований, так и возникают относительно новые явления. К традиционно протекающим процессам относятся словообразование (аффиксация, аббревиация и словосложение), семантические переосмысления лексических единиц, заимствования. В словообразовании велика доля инициальных аббревиатур, как буквенных (сигл), так и фонетических (акронимов). Многие инициальные сокращения имеют интернациональный характер. Сложносокращённые слова функционируют наряду с научными по происхождению символами. В области аффиксации преобладает префиксация. Для обогащения словаря привлекаются заимствования, в основном из английского языка. Новые неологические модели связаны с детерминологизацией медицинской лексики, которая мигрирует в повседневный дискурс. По-новому осмысляются имена собственные. Некоторые антропонимы, мифонимы и топонимы обретают ассоциативные коннотации или становятся частью сложных слов. Интенсифицируется деривация в области фразеологии, в которой растёт число устойчивых словосочетаний, отражающих новую реальность. Идут преобразования в паремиологии, пополняющейся антипословицами. Лингвокреативная деятельность представлена выразительными мемами и хештегами. В пандемический период наряду с неологизмами появляются потенциальные слова, обладающие большой выразительностью. В португальской неологии активно концептуализируются события пандемии коронавируса. В области концептуализации выделяются поддомены медицины, медийного и бытового дискурса, в фокусе которых стоит понятие «болезнь», которое осмысляется как с помощью узувальных лексических средств, так и лексических ресурсов из разных стилей. В период пандемии появляется неологическое поле «пандемия коронавируса», являющееся частью постоянно расширяющейся неологосферы языка.

Ключевые слова: неологизмы, новообразования, словопроизводство, аффиксация, аббревиация, словосложение, паремиологическая деривация, детерминологизация

Для цитирования: Сапрыкина О.А. (2022). Активные процессы в современной португальской неологии: новые слова и пандемия. *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 29–39. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-29-39>

Введение

Неология связана с осуществляемой с помощью языка эвристической деятельностью. Под эвристической деятельностью в речи понимаются приёмы созидательной мыслительной работы, в процессе которой могут возникать новые лексические единицы в языке (новые слова, новые значения и новые сочетания слов). Неология – сфера активного словотворчества (лингвокреативности). Лексические инновации показывают новые формы жизни, новые предметы и новые понятия. Большую группу среди лексических новообразований составляют неонимы, или терминологические неологизмы.

Активные процессы в португальской неологии идут в нескольких направлениях. В фокусе активизации неологической деятельности находится словообразование, в рамках которого происходят *аббревиация*, *словосложение* и *словослияние* (блендинг). Инновации возникают также в процессе *семантического переосмысления* уже имеющихся в языке лексических единиц, иногда – на основе *фразеологической деривации*. Новейшие пласты лексики стремительно пополняются пришедшими из других языков *заимствованиями* (иностранноязычными неологизмами). К активным процессам в неологии следует отнести *детерминологизацию*, то есть обращение неонимов в новые общеупотребительные слова на основании таких приобретаемых ими свойств, как спонтанность возникновения, форма, распространение, наличие синонимов и происхождение слов. В сфере вариатологии проявляется дифференциация неологической лексики европейского и бразильского вариантов португальского языка только в области потенциальной лексики.

Интенсификация неологических процессов в 2019 и последующих годах произошла в результате начавшейся в мире пандемии коронавируса, своеобразного «чёрного лебедя» мировой цивилизации и культуры [9]. Признаками всемирного кризиса стали аномальность казавшихся сначала непредсказуемыми событий, сила их воздействия и предрасположенность к анализу. Бразильский лингвист академик Эванилдо Бешара отметил, что язык отражает то, что происходит в истории, любое событие – это всегда новый словарь, и пандемия – яркий тому пример [14].

Давая определение *неологизму*, О.С. Ахманова пишет, что это «слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия» [1, с. 261-262]. Слово относится к неологизмам с того самого момента, когда впервые входит в издание словаря того или иного языка. Или может быть новым, если считается таковым в памяти использующего его поколения [6], [7], [10]. В отечественной неологии получила известность теория Н.З. Котеловой, которая разработала типологию словарей новых слов – словари-ежегодники, словари-десятилетники и словари-тридцатилетники. В каждом из таких словарей фиксируются слова, возникшие в соответствующий период [8]. Состав неологизмов постоянно меняется: часть их пополняет активный запас словаря; те же слова, которые не утрачивают новизны и свежести, остаются в пассивном словаре [2]. Наряду с термином *неологизм* в научном обиходе есть близкие по значению термины *инновация* и *новообразование*. Инновации могут возникать на разных уровнях языка, в свою очередь новообразования [3, с. 3] – чаще всего словообразовательные неологизмы.

На изучение неологии в Португалии и в Бразилии заметно повлияла французская лингвистическая традиция, в которой ещё в 1759 году был поставлен вопрос о создании новых слов с целью обогащения языка [5, с. 55]. Вслед за канадским лингвистом Ж.-К. Буланже португалоязычные исследователи И. Алвес, М. Барбоза, М. Ботта, Ж. Гананса и другие [11], [12], [13], [16] считают неологизмами «недавно созданные лексические единицы, новые значения уже существующего слова или слова, недавно заимствованные из системы иностранного языка и принятые в данном языке» [11, с. 101].

Согласно Dicionário eletrônico Houaiss da Língua Portuguesa термин *неология* имеет такие значения, как «процесс создания, характеристики и употребления новых лексических единиц»; «регистрация этих единиц»; «совокупность неологизмов» [16]. Исследователи отмечают, что если *неология* – это процесс создания новых единиц, то *неологизм* – результат, итог этого процесса [17, с. 35]. По образцу созданного во Франции Б. Кемадой (1926-2018) Института неологии в раз-

ных романских странах тоже возникли центры по изучению неологизмов – Obneo в Испании, Onli в Италии. В Португалии в Лиссабоне появился центр Observatório de Neologia do Português, do Instituto de Linguística Teórica Computacional, Iltec, в Бразилии в университете в Сан-Паулу – Observatório de Neologismos do Português Brasileiro Contemporâneo (Projeto TermNeo).

Представление объекта и методов исследования

Лексические инновации в период пандемии широко входят в португальский медийный, медицинский (научный и практический) и бытовой дискурс. Пандемия ковида стала одной из главных тем медиаречи. Связанные с ковидом новости выделяются в португальских медиа в отдельную тематическую рубрику Covid -19 наряду с политикой, культурой, спортом [15], [19] [20]. В печатной и электронной версиях ведущих печатных изданий Португалии Diário de Notícias, Público, Expresso и Бразилии Folha de São Paulo, Veja регулярно происходит обновление соответствующей информации: Avanço da Omicron obriga governo a novas restrições¹ – *распространение омикрона заставляет правительство принять новые ограничительные меры*; Incidência na Alemanha baixa ligeiramente, governo desaconselha viagens² – *заболеваемость в Германии немного снижается, правительство рекомендует отказаться от поездок*.

Объектом данного исследования являются лексические инновации в португальском медиа, медицинском и бытовом дискурсе.

Предмет работы – образование неологизмов, которое происходит различными путями: используются разнообразные модели словообразования, в том числе семантическое переосмысление, преобразования во фразеологизмах, а также заимствования из других языков.

В теории неологизма используется несколько подходов – функционально-стилистический, психолингвистический, денотативный, структурный и лексикографический [8, с. 4–16]. Сочетание этих подходов даёт возможность достаточно полно представить протяжённое в языке «неологическое поле», фрагмент *неологосферы*. В сложный период распространения в мире грозной болезни ковид возникло неологическое поле «пандемия коронавируса», которое содержит новообразования разных видов.

Как эвристическая деятельность неология активна в области концептуализации и категоризации, то есть оформления классов слов и классов концептов. Подход к изучению подобных единиц разрабатывается в когнитивной неологии [4]. Коммуникация в период пандемии коронавируса выдвинула в фокус речевого общения такие понятия, в том числе мифологические, как «болезнь», «катастрофа», «апокалипсис», самыми узуальными словами-выражениями для которых стали *pandemia* – *пандемия*, *doença* (*contagiosa, severa*) – *болезнь (заразная, тяжёлая)*, *apocalipse* – *апокалипсис*.

Анализ и результаты исследования

В португальской неологии в период пандемии идут интенсивные процессы в области словообразования, возникают новые явления во фразеологии и паремиологии, происходит лексическая миграция слов разных языков и разных функциональных стилей.

Словообразовательные неологизмы

К наиболее продуктивному способу образования неологизмов в португальском языке относится *сокращение* слов. Под сокращением слова *truncação, abreviação* понимается процесс словообразования путём устранения части исходного слова. К типам сокращения относятся *усечение, стяжение и комбинированный способ сокращения (контаминация)*.

¹ <https://www.dn.pt/sociedade/avanco-da-variante-omicron-obriga-governos-europeus-a-novas-restricoes-14434638.html>

² <https://www.dn.pt/internacional/covid-19-incidencia-na-alemanha-baixa-ligeiramente-governo-desaconselha-viagens-14381200.html>

В класс сокращённых слов в португальском языке входят инициальные аббревиатуры и сложносокращённые слова. В португальской лингвистике в классе инициальных аббревиатур выделяются *sigla* *сиглы* – буквенные аббревиатуры, *acrônimos* *акронимы* – фонетические аббревиатуры, *abreviaturas* *аббревиатуры* и *símbolos* – *символы*.

Инициальные аббревиатуры в пандемический период имеют в основном интернациональный характер. Сиглы отличаются тем, что предполагают прочтение каждой инициальной буквы в соответствии с правилами алфавита. Широкое распространение в период пандемии получила сигла OMS (o-emi-esi) Organização Mundial da Saude – ВОЗ *Всемирная организация здравоохранения*, как организация, играющая ведущую роль в системе ООН при решении проблем здравоохранения, которые возникают при чрезвычайных ситуациях. Для пояснения механизмов заболевания стали широко использоваться такие детерминологизированные сиглы, как ADN *ácido desoxirribonucleico* (a-de-eni) – (рус.) ДНК – *дезоксирибонуклеиновая кислота*, IG (i- gue) *imunoglobulina* – (рус.) *иммуноглобулин*, Ac (a-se) *anticorpos* – (рус.) *антитела*. Teste RT-PCR (erre-te, pe-ce-erre) < (англ.) *polymerase chain reaction*, (порт.) *reação em cadeia de polimerase* – (рус.) *тест полимерная цепная реакция в реальном времени*. Эти сиглы, известные и до пандемии, были частью медицинской терминологии, однако в разговорной обиходной речи практически не употреблялись.

Акронимы тоже состоят из инициальных букв, но читаются как единое слово. Большую известность в пандемию получили акронимы covid ковид < (англ. *coronavirus disease*; Sars-CoV-2 *coronavirus da síndrome respiratória aguda grave-2* – (рус.) *вирус, вызывающий тяжёлый острый респираторный синдром 2* < (англ.) *severe acute respiratory syndrome related coronavirus-2*. Строго говоря, эти две лексические единицы в португальском языке образованы триединым путём заимствования, акронимии и словосложения. Ещё один пример заимствованного акронима – ЕСМО Oxigenação por Membrana Extracorpórea < (англ. *extracorporeal membrane oxigenation* – (рус.) *экстракорпоральная мембранная оксигенация (инвазивный метод насыщения крови кислородом)*: O doente foi posto em есто. В связи с широким распространением масок и других средств защиты в период коронавируса стал актуальным акроним EPI *equipamento de proteção individual* – (рус.) *средства индивидуальной защиты*. Необходимая в тяжёлых случаях интенсивная терапия ввела в речевой обиход слово UNI *unidade de cuidados intensivos* – (рус.) *отделение реанимации*.

Аббревиатуры обычно состоят из сокращённых начальных элементов словосочетания. Так, в пандемию появились такие аббревиатуры (блендинги), как covidiota < covid+idiota < (англ.) *covidiot* – (рус.) *человек, неадекватно реагирующий на пандемию или пренебрегающий мерами предосторожности*, imunodeprimido – (рус.) *с пониженным иммунитетом*, imunodepressão – (рус.) *понижение иммунитета*, infectocontagioso – (рус.) *инфицированный заразный(нациент)*.

Символами являются общепринятые графические сокращения, которые стали особо актуальными при пандемии коронавируса: Molécula de imunoglobulina tipicamente com a sua forma em Y. Em azul observam-se as cadeias pesadas com quatro domínios Ig, enquanto que em verde mostram-se as cadeias leves. Entre o pé do Y (fracção constante, Fc) e os braços (Fab) existe uma parte mais fina conhecida como a «região de dobradiça»³. Португальская исследовательница Мария де Соуза, погибшая от коронавируса, одной из первых в медицинской науке определила зону Т - *зону лимфатического узла, в котором скапливаются лимфоциты*. В.1.1.7 – *альфа штамм коронавируса*, В.1.526 – *лота вариант коронавируса*.

Среди словообразовательных моделей значительное место занимают аффиксальные структурные образования, которые основаны на суффиксации, префиксации или на словосложении.

В случаях суффиксации используются традиционные суффиксы со значениями «теории, концепции», «места действия» или «качества». Так, в сфере неологической лексики в пандемию в широкое употребление вошли слова negacionismo, covidário, covídico. Negacionismo < negações + ismo – (рус.) *негационизм* как пересмотр сложившихся в медицинской (или в других) сфере концепций, игнорирование установленных фактов: *Luciano Huck diz que negacionismo no combate a*

³ <https://pt.wikipedia.org/wiki/Imunoglobulina>

*coronavirus é inaceitável*⁴. Covidário – (рус.) ковидарий – место, отведённое для лечения больных ковидом, первоначально медицинский термин. Covídico – (рус.) ковидный, имеющий отношение к периоду пандемии ковида. Находящееся на карантине лицо называют quarentener, chloroquiner – (рус.) человек, который принимает для лечения ковида гидроксихлорохин, противомаларийный препарат.

Большую частотность в неологизмах получили интернациональные префиксы pós-, anti-, tele-, sub-, super-, co-: pós-covid 19, o mundo pós-covid – (рус.) постковидный мир; pós-coronavirus – (рус.) посткоронавирусный: é possível imaginar um legado pós-coronavirus – можно представить посткоронавирусное завещание; pós-pandemia – (рус.) постпандемический: o mundo pós-pandemia exigirá novo papel do estado – в постпандемическом мире потребуется новая роль государства; anticoronavirus – (рус.) антикоронавирусный: vacina anticoronavirus – антикоронавирусная вакцина; anticorpos – (рус.) антитела: presença de anticorpos em pessoas já infetadas – наличие антител у инфицированных; antivírico – (рус.) противовирусный; teleescola – (рус.) телешкола, teletrabalho – (рус.) дистанционная работа, профессиональная деятельность, которая осуществляется без пребывания на рабочем месте с помощью специальных средств коммуникации для передачи данных. Оценка случаев заболевания коронавирусом обозначается словом notificação – (рус.) данные. Занижение прироста заболевших называется subnotificação, в то время как заведомое преувеличение их числа именуется supernotificação: Doria rebate suposta supernotificação de mortes em SP⁵ – Дория (мэр Сан-Паулу) опровергает предполагаемое увеличение прироста смертельных исходов в Сан-Паулу. Для обозначения сопутствующих заболеваний, осложняющих течение коронавируса, узуальным стало слово comorbidade <co+morbidade – (рус.) заболеваемость.

В сфере словосложения возникли новые лексические единицы sobre-sapatos – (рус.) бахилы, coronabonds – (рус.) коронабонды – (экономический термин) облигации, выпускаемые в период коронакризиса, coronavirus – (рус.) коронавирус, (лат.) corona viridae – общее название вирусов семейства.

Потенциальные слова в медийном дискурсе

Не все созданные в речи слова сразу становятся частью общего словаря – неологизмами, входят в обращение и воспроизводятся в речи как устной, так и письменной. К незуальным новообразованиям относятся потенциальные слова. В период пандемии в португальской медиаречи, преимущественно в Бразилии, появились выразительные потенциальные слова. Узуальными стали такие лексические единицы, как bolsonaristão, bolsonique. Bolsonaristão < Bolsonaro Болсонаро (Жаир Болсонаро – президент Бразилии), который проявил себя как противник жёстких мер ограничения из-за ковида. Бразилия была названа Болсонористаном по аналогии с Туркменистаном, президент которого тоже выступал против запретительных ограничительных мер. Bolsonique – сторонник Ж. Болсонаро, его взгляды совпадают с идеями президента. В Бразилии особенно на начальном этапе появления коронавируса получили распространение демонстрации на автомобилях в поддержку ограничительных мер – carreata (ср. бр. passeata демонстрация).

К потенциальным словам, возникшим в период пандемии, относятся также сложносокращённые слова: carentena <carência + quarentena – (рус.) лицо, страдающее от изоляции; quarentreino <quarentena+treino – (рус.) спортивные тренировки в условиях карантина; confinastê <confinamento + namastê (приветствие на яз. хинди) – (рус.) карантинный поклон тебе.

Заимствованные неологизмы

Большой пласт новообразований составили заимствования из других языков, в основном английского. Они практически не претерпели ассимиляции в современном португальском узусе

⁴ <https://jovempan.com.br/programas/panico/luciano-huck-negacionismo-coronavirus.html>

⁵ <https://jovempan.com.br/programas/panico/luciano-huck-negacionismo-coronavirus.html>

и пребывают в статусе варваризмов: shutdown *закрытие*; lockdown *локдаун*, *строгие санитарные ограничения*; burnout *выгорание* (*профессиональное выгорание у врачей*); live *очно*; home office *формат офисной работы дома*; homeschooling *дистанционные занятия в школе из дома*; contact tracing *отслеживание заболевших*.

В группу интернациональных слов входят названия штаммов коронавируса, заимствованные из греческого языка и принятые в медицинской терминологии как соответствующие номены: delta *дельта*, ómicron *омикрон*, flurona *флурона*.

Детерминологизация и функционирование новых слов

Детерминологизация – процесс, обратный созданию новых терминов, цель которого, как известно, состоит в обозначении новых понятий и предметов. Если термины обычно являются частью определённого функционального стиля, входят в научную речь, то детерминологизированные единицы узуальны в разговорной повседневной речи. Бывшие терминами слова становятся инновациями в обиходной речи, приобретая таким образом новый стилевой статус. С помощью детерминологизированных единиц достигается эффект речевой интеллектуализации, к которому, возможно, стремятся говорящие. Достоянием узуса в португальском языке стали: portador assintomático – (рус.) *бессимптомный носитель*; período de incubação – (рус.) *инкубационный период*; pandemia – (рус.) *пандемия*; teste PCR para Covid-19 – (рус.) *тест ПЦР на ковид-19*; presença de anticorpos – (рус.) *наличие антител*; vacina – (рус.) *вакцина*; ventilador – (рус.) *аппарат искусственной вентиляции лёгких*.

Неологизация в сфере имён собственных

Особый пласт среди «пандемических» неологизмов составляют имена собственные, главным образом антропонимы. Антропонимы не только называют конкретных людей, которые стали известными в трагический период истории, но и указывают на события, обернувшиеся неприятными вехами в цепи движения болезни. Так, в странах португальской речи стало известным имя Адриано Маранья из Назаре (Adriano Maranhão), который оказался первым португальцем, перенёвшим ковид. Адриано попал в изоляцию на круизном лайнере Diamond Princess у берегов Японии и провёл в карантине 146 дней. По его словам, «мы здесь всего лишь на время, а потом все уйдём».

António Sarmiento (*Антониу Сарменту*) – португальский врач, который первым вакцинировался против ковида, поставив таким образом эксперимент на самом себе. Его имя практически стало именем национального героя.

Butantan (*Бутантан*) – биомедицинский исследовательский центр в Сан-Паулу в Бразилии, который занимается разработкой и производством вакцин, в том числе против коронавируса. В пандемию известность ему принесла национальная вакцина butanvac (*бутанвак*), на которую возлагаются большие надежды. Усечённое имя собственное, ставшее частью сложносокращённого слова для обозначения новейшей вакцины – инновация в неологическом поле пандемии.

Abdala (*Абдалла*) – эффективная вакцина для профилактики коронавирусной инфекции, была разработана на Кубе в Центре геномной инженерии и биотехнологии. Абдалла – имя героя – защитника отечества в поэме кубинского поэта и философа Хосе Марти «Абдалла» о вымышленной стране Нубия. Создатели вакцины выбрали имя героя-освободителя, чтобы выразить свою гордость и веру в отечество, которое, несмотря на все переживаемые трудности, не утратило замечательных научных достижений.

Таким образом, в неологическом поле «пандемия коронавируса» единичные имена собственные обретают новые сигнификаты, на основе метонимического переноса распространяют свои означаемые на появляющиеся в поле зрения новые факты или исторических деятелей. Некоторые имена собственные начинают функционировать как мифонимы, обретая ассоциативную коннотацию «исторического героя».

Неологизмы во фразеологии и в паремиологии

В пандемический период возникли или стали узуальными новые устойчивые словосочетания, в семантике которых отражена новая реальность: *distanciamento social* – (рус.) *социальное дистанцирование*; *ensino à distância* – (рус.) *дистанционное образование*; *fatores de risco* – (рус.) *факторы риска*; *hospital de campanha* – (рус.) *полевой госпиталь (развёрнутое как в боевых условиях лечебное учреждение)*.

В пандемию широкое распространение получили различные паремиологические единицы на коронавирусные темы. Главным образом, это пословицы, в которых сохраняется элемент комического переосмысления мира и назидательное поучение. Ковидная тема вводится с помощью лексики, которая репрезентирует пандемическую реальность⁶:

A corda sempre arrebenta do lado mais fraco ou com a imunidade mais baixa. / Где тонко или низкий иммунитет, там и рвётся.

Água mole em pedra dura, tanto bate até que transmite algo. / Вода камень точит до тех пор, пока что-нибудь не передаст.

Amigos, amigos, negócios e espirros à parte. / Друзья друзьями, а дела и чихание отдельно.

A pressa é inimiga da perfeição, espera até passar a pandemia. / Спешка – враг совершенства, погоди, пока пандемия не закончится.

As aparências enganam, melhor fazer um exame. / Внешность обманчива, лучше сделать тест.

Antes só do que mal acompanhado por algum infectado. / Лучше одному, чем в сопровождении инфицированного.

Cada macaco no seu galho, se possível em outra árvore. / Каждой обезьяне – своя ветка, по возможности, на другом дереве.

Все подобные инновационные единицы можно рассматривать в качестве антипословиц. Антипословицы – это проявление паремиологической вариантности. Они образуются на базе известных паремий [7]. Х. Вальтер и В.М. Мокиенко отмечают, что основа антипословиц – «их собственный паремиологический фонд, отмеченный особыми лингвокультурологическими характеристиками. При этом их аксиологический портрет в целом универсален, ибо диктуется общечеловеческим негативным отношением к коронавирусной пандемии как таковой» [7, с. 38]. Логика антипословицы является продолжением и развитием картины мира, данной в исходной паремии.

Наряду с пословицами и поговорками в условиях новой социальной коммуникации появилось много мемов, коммуникативно значимых единиц (идей, образов), а также лексикализованных хештегов, которые содержат важную для культуры информацию: *#BolsonaroTemRazão* – *Болсонаро прав*; *#EstudoEmCasa* – *занятия дома*; *#UseMascara* – *носи маску*. Несмотря на языковое происхождение этих единиц, их контент часто имеет универсальный характер, так как связан с имеющей глобальный характер пандемической реальностью.

Экспрессивно-стилистическая окраска новообразований

Экспрессивно-стилистическая окраска португальских неологизмов в поле «пандемия коронавируса» мотивирована как семантикой словообразовательных средств, так и связана с неузуальными способами создания новых единиц речи.

Так, в португальском языке появилось новообразование *quarentite* – *карантинит* (*quarentena* + *-ite*), которым обозначается состояние раздражения, тревоги, отчуждения, вызванное добровольной или обязательной изоляцией. *Covinado* < *covinar* – (рус.) *заболеть ковидом, уйти в изоляцию* значит не только *заболевший ковидом*, но и *оказавшийся в изоляции из-за пандемии*. *Covidices* (pl.) – домашние дела, появившиеся в связи с ковидом: *Hoje dei-me ao trabalho de fazer uma grande covidice – fiz pão*⁷. – (рус.) *Сегодня принялась за большую «ковидность» – испекла хлеб*.

⁶ <https://coletiva.net/colunas/proverbios-em-quarentena,354579.jhtml>

⁷ <https://www.trespontos.pt/post/caça-ao-neologismo-nos-tempos-da-pandemia-quem-alinha>

Coronado < coronar (заболеть коронавирусом) – заболевший коронавирусом. Оценочная коннотация возникает у этого слова в связи с его внутренней формой: «корона» – символ монархической власти. И хотя корона в португальском языке известна как *coroa*, латинское происхождение слова «проступает» сквозь форму означающего.

Концептуализация в пандемической неологии

В области концептуализации в пандемический период большую важность приобрели такие домены, как медицинский, медийный и бытовой. В качестве базового концепта актуализировалось понятие «*doença*» – *болезнь, то есть расстройство здоровья, нарушение деятельности организма; изменение в нормальном состоянии здоровья индивида, которое проявляется симптоматически*.

Социально значимым в поле концепта «болезнь» стало слово *pandemia* – *пандемия*. Медицинские репрезентации матричного концепта – *infecção* – (рус.) *инфекция*; *contágio* – (рус.) *заражение*; *contagioso* – (рус.) *контагиозный, заразный*. В медийном дискурсе часто возникают обозначения, называющие фазы в течении болезни: *surto* – (рус.) *взлёт, подъём*; *incidência* – (рус.) *возникновение*. Лечение коронавируса предполагает основательное научное знание: *genoma* – (рус.) *геном*; *imunidade* – (рус.) *иммунитет*; *letalidade* – (рус.) *смертность*.

Константой жизни и когнитивной деятельности в период пандемии стало понятие «карантин» – *quarentena*. Понятие связано с комплексом мероприятий по ограничению распространения эпидемии. Слово *quarentena* ранее использовалось для обозначения сорокадневного периода изоляции для предотвращения распространения инфекционных заболеваний (первоначально оспы и чумы). В то же время этим словом (наряду с *Quaresma*) обозначался Великий пост до Вербного воскресенья. В общественной жизни большую роль получила *generosidade, caridade* – (рус.) *разные виды социального поведения в новых условиях, прежде всего благотворительная деятельность, которая оказывается больницам или самым уязвимым, или по возрасту, или по социально-экономическому положению слоям населения*.

Кроме *quarentena* в португальской традиции узальными стали слова *confinamento* – *удаление в изоляцию, ограничение свободы по причинам здоровья*: *Não se justificam novas medidas de confinamento*⁸; *isolamento* – *изоляция*; *autorreclusão* – *самоизоляция*; *clausura* – *уединённая затворническая жизнь (ранее – в монастыре)*.

В Португалии и в Бразилии пандемия коронавируса (как и в других странах) вызвала расширение пространства инфодемии, или переизбытка информации, главным объектом которой стал коронавирус. *Infodemia* (*инфодемия*) < англ. *infodemic* < *info*+*demic* (*информация+эпидемия*). Инфодемия распространяется по различным каналам средств массовой коммуникации – в СМИ и в социальных сетях. Значительную часть инфодемии составляют недостоверные новости в виде фейков, слухов, алармистских предупреждений. В Португалии инфодемия пользуется новыми научными терминами, которые часто придают сообщениям псевдонаучный характер.

Выводы

Словообразовательные процессы в современной португальской неологии отличаются гибкостью, динамичностью и многообразием. Неологизмы создаются по различным словообразовательным моделям – аббревиации, аффиксации, словосложения и словослияния. Фонд неологизмов постоянно пополняется иноязычными заимствованиями. Неология проявляется во фразеологии и в паремиологии. В когнитивной неологии в доменах медицинского, медийного и бытового дискурсов формируются новые концепты – события, ситуации и факты. Прагмати-

⁸ https://www.rtp.pt/noticias/pais/medidas-gerais-de-confinamento-ja-nao-se-justificam-defendem-medicos-farmaceuticos-e-enfermeiros-em-carta-aberta_a1335888

чески релевантными являются активные процессы детерминологизации и стилевой неологизации. В современном португальском языке в условиях пандемии возникло лексико-семантическое поле, которое имеет особый лингвистический статус – неологического поля, лексика в котором очень слабо дифференцирована по вариантам португальского языка.

© Сапрыкина О.А., 2022

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
2. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М.: Наука. 1973. 224 с.
3. Виноградов В.В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 47-68. [Электронный ресурс]. – URL: <http://philology.ru/linguistics2/vinogradov-77h.htm>
4. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка М.: Высшая школа. 1990. 124 с.
5. Косович О.В. К проблеме новизны неологизмов. Вестник ТвГУ, 2014. № 3. Стр.184-189.
6. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. Л.: Наука, 1983. 456 с.
7. Новые слова и словари новых слов 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 220 с.
8. Попова Т.В. Русская неология и неография. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. 96 с.
9. Талейб, Нассим Николас Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Пер. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова. М.: Колибри, 2009. 528 с.
10. Тогоева С.И. Современная лексикография и новые единицы номинации. Тверь, ТвГУ. 2000. 147 с.
11. Alves I.M. O conceito da neologia da descrição lexical a planificação linguística // ALFA: Revista de Linguística, São Paulo, v. 40, 2001. URL: <https://periodicos.fclar.unesp.br/alfa/article/view/3992>. (Acesso em: 30 jan. 2022).
12. Barbosa M.A. Aspetos da dinâmica do neologismo. URL: <https://www.revistas.usp.br/linguaeliteratura/article/view/138126> (Acesso em: 20 jan. 2022).
13. Botta M.J Os usos do neologismo spoiler no português brasileiro. URL: <https://seer.ufu.br/index.php/GTLex/article/view/54463> (Acesso em: 30 jan. 2022).
14. Capobianco, Marcela Está em carentena? Como surgiram as gírias nascidas durante a pandemia. URL: <https://vejario.abril.com.br/cidade/gurias-pandemia/> (Acesso em: 30 jan. 2022).
15. A covid-19 na língua, URL: <https://ciberduvidas.iscte-iul.pt/artigos/rubricas/idioma/covid-19-na-lingua/4059> (Acesso em: 25 jan. 2022).
16. Dicionário eletrônico Houaiss da Língua Portuguesa, URL: https://houaiss.uol.com.br/corporativo/apps/uol_www/v6-0/html/index.php#0 (Acesso em: 11 jan. 2022).
17. Fraga, Patricia da Silva Provêbios em quarentena, URL: <https://coletiva.net/colunas/proverbios-em-quarentena,354579.jhtml> (Acesso em: 27 jan. 2022).
18. Ganança J.H.L. Neologia e neologismos no português brasileiro principais ideias. URL: <https://seer.ufu.br/index.php/GTLex/article/view/48441> (Acesso em: 27 jan. 2022).
19. Moreno da Silva, Fernando, Sobral da Silva Maia, Jorge Neologismos na mídia em meio a pandemia da covid-19 <https://periodicos.ufsc.br/index.php/forum/article/view/73727/47286> (Acesso em: 25jan. 2022).
20. Mutchnik, Leticia. Coronavirus Pandemia infla entrada de novas paavras no dicionário. URL: <https://educacao.uol.com.br/noticias/2021/10/17/pandemia-coronavirus-novas-palavras-dicionario.htm> (Acesso em: 21 out. 2021).

References

1. Akhmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of the linguistic terms]. M: Editorial URSS, 2004. 576 p.
2. Bragina, A.A. *Neologismy v russkom iazyke* [Neologisms in the Russian language]. M.: Nauka, 1973. 224 p.
3. Vinogradov, V.V. Ob osnovnom slovarnom fonde i ego slovoobrazuieshej roli v istorii iazyka [About the basic word fund and its word-formation role in the history of language] // *Izbranye Trudy. Leksikologiya i leksikografia*. M., 1977. P. 47-68, <http://philology.ru/linguistics2/vinogradov-77h.htm>
4. Zabotkina, V.I. *Novaia leksika sovremenogo angliiskogo iazyka* [New lexis of the modern English language]. M.: Vysshaia shkola. 1990. 124 p.
5. Kosovitch, O.V. *K probleme novizny neologismov* [On the problem of the novelty of neologisms] / *Vestnik TvGU*, 2014, n.3, p. 184-189.
6. Kotelova, N.Z. *Pervy opyt lexicograficheskogo opisania russkikh neologismov* [First experience of the lexicographic description of Russian neologisms]. L.: Nauka. 1983. 456 p.
7. *Novye slova i slovari novykh slov 2020* [New words and vocabularies of new words]: Sbornik nauchnykh statei/ otv.red. N.V. Kozlovskaja/ Institut lingvisticheskikh issledovani RAN. SPb.: ILI RAN, 2020. 220 p.
8. Popova, T.V. *Russkaia neologiya i neografia* [Russian neology and neography]. Ekaterinburg: GOU VPO UGTU-UPI, 2005. 96 p.

9. Taleb, N.N. *Cherny lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti* [The black swan. Sob a sign of unpredictability]. M.: Kolibri. 2009. 529 p.
10. Togoëva, S.I. *Sovremennaiia leksicografiia i novye edinitsy nominatsii* [Modern lexicography and new unities of nomination]. Tver: TvGU, 2000. 147 p.
11. Alves, I.M. O conceito da neologia da descrição lexical a planificação linguística // *ALFA: Revista de Linguística*, São Paulo, v. 40, 2001, <https://periodicos.fclar.unesp.br/alfa/article/view/3992>. (Acesso em: 30 jan. 2022).
12. Barbosa, M.A. Aspetos da dinâmica do neologismo, <https://www.revistas.usp.br/linguaeliteratura/article/view/138126> (Acesso em: 20 jan. 2022).
13. Botta, M.J Os usos do neologismo spoiler no português brasileiro, <https://seer.ufu.br/index.php/GTLex/article/view/54463> (Acesso em: 30 jan. 2022).
14. Capobianco, Marcela Está em carentena? Como surgiram as gírias nascidas durante a pandemia, <https://vejario.abril.com.br/cidade/girias-pandemia/> (Acesso em: 30 jan. 2022).
15. A covid-19 na língua, <https://ciberduvidas.iscte-iul.pt/artigos/rubricas/idioma/covid-19-na-lingua/4059> (Acesso em: 25 jan. 2022).
16. Dicionário eletrônico Houaiss da Língua Portuguesa, https://houaiss.uol.com.br/corporativo/apps/uol_www/v6-0/html/index.php#0 (Acesso em: 11 jan. 2022).
17. Fraga, Patricia da Silva. Provérbios em quarentena, <https://coletiva.net/colunas/proverbios-em-quarentena,354579.jhtml> (Acesso em: 27 jan. 2022).
18. Ganança, J.H.L. Neologia e neologismos no português brasileiro principais ideias, <https://seer.ufu.br/index.php/GTLex/article/view/48441> (Acesso em: 27 jan. 2022).
19. Moreno da Silva, Fernando, Sobral da Silva Maia, Jorge Neologismos na mídia em meio a pandemia da covid-19, <https://periodicos.ufsc.br/index.php/forum/article/view/73727/47286> (Acesso em: 25jan. 2022).
20. Mutchnik, Letícia. Coronavirus Pandemia infla entrada de novas paavras no dicionário, <https://educacao.uol.com.br/noticias/2021/10/17/pandemia-coronavirus-novas-palavras-dicionario.htm> (Acesso em: 21 out. 2021).

Сведения об авторе:

Сапрыкина Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Сфера интересов: лексикология, стилистика, история культуры;
e-mail: olgasaprykina@mail.ru

About the author:

Olga Saprykina, Dr.Sci (Philology), is Prof. at the Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Moscow State University; area of interests: lexicology, stylistics, history of the culture;
e-mail: olgasaprykina@mail.ru

* * *

HEDGING IN THE SWISS VERSION OF ECONOMIC DISCOURSE

Anna V. Sedova

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *This article explores the linguo-pragmatic potential of hedging, which is a means of speech insurance. The purpose of the study is to identify and describe linguistically the means of hedging used by journalists in Swiss articles on economic issues, taking into account the peculiarities of the language situation in German-speaking Switzerland. An attempt is made to determine the pragmatic function of the identified hedging instruments. The materials of the study are fragments from economic articles of the major Swiss media containing various hedging markers. So far, no attempts have been made in Russian and foreign German studies to describe linguistically the means of hedging in Swiss economic discourse. The study identified lexical and grammatical hedging: Konjunktiv I as a marker of indirect speech; hypothetical constructions with Konjunktiv II; means of implementing ambiguity and approximation; impersonal constructions; concessive structures; lexical means of realization of subjective forecast; modal words. The analysis showed that most often the authors of news reports use Konjunktiv I as a marker of indirect speech, as well as hypothetical constructions with Konjunktiv II.*

The conducted linguo-pragmatic analysis revealed that the authors of journalistic texts use these linguistic means in order to minimize their responsibility for what is being reported, referring to an external source of information, to express doubt, non-categorical assumption about future events, to label uncertainty and shirk responsibility when in doubt about exact facts or figures.

The use of hedging in journalism also contributes to the dedramatization of the situation, to the preservation of the reputation of companies and the prevention of critical reviews and the growth of panic on the part of readers.

The data obtained as a result of the analysis can be used in linguistic analysis and interpretation of economic texts to identify the linguistic features of the Swiss economic discourse.

Keywords: *hedging, economic discourse, Swiss German, ambiguity marker, pragmatic function, approximation marker, mass media discourse*

For citation: Sedova, A.V. (2022). Hedging in the Swiss Version of Economic Discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 40–52. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-40-52>

ХЕДЖИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕЙЦАРСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

А.В. Седова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В настоящей статье исследуется лингвопрагматический потенциал хеджей, являющихся средством речевого страхования. В лингвистику данный термин был введён американским учёным Дж. Лакоффом. Сегодня понятие «хеджирование» используется для обозначения языковых средств, видоизменяющих высказывание автора путём добавления оттенка неясности. Цель исследования состоит в выявлении и лингвистическом описании средств хеджирования, которые используются журналистами в швейцарских статьях, посвящённых экономической проблематике, с учётом особенностей языковой ситуации в немецкоязычной Швейцарии. Предпринимается попытка определить прагматическую функцию выявленных средств хеджирования. Материалом исследования послужили фрагменты экономических статей крупных швейцарских СМИ, содержащие в себе различные хедж-маркеры. До сих пор в отечественной и зарубежной германистике не было предпринято попыток лингвистического описания средств хеджирования в швейцарском экономическом дискурсе. В рамках исследования были выявлены лексические и грамматические хеджи: *Konjunktiv I* как маркер косвенной речи; гипотетические конструкции с использованием *Konjunktiv II*; средства реализации неясности и приблизительности; безличные конструкции; уступительные конструкции; лексические средства реализации субъективного прогноза; модальные слова. Анализ показал, что чаще всего авторы новостных сообщений прибегают к использованию *Konjunktiv I* в качестве маркера косвенной речи, а также гипотетических конструкций с использованием *Konjunktiv II*.

Проведённый лингвопрагматический анализ позволил выявить, что авторы публицистических текстов используют данные лингвистические средства для того, чтобы минимизировать свою ответственность за сообщаемое, сославшись на внешний источник информации; выразить сомнение, некатегоричное предположение о будущих событиях; маркировать неуверенность и уйти от ответственности в случае сомнения в точных фактах или цифрах. Употребление хеджей в публицистике способствует также дедраматизации ситуации, сохранению репутации компаний, предотвращению критических отзывов и роста паники со стороны читателей. Полученные в результате анализа данные могут быть использованы при лингвистическом анализе и интерпретации экономических текстов для выявления языковых особенностей швейцарского экономического дискурса.

Ключевые слова: хеджирование, экономический дискурс, швейцарский вариант немецкого языка, маркер неясности, прагматическая функция, маркер приблизительности, публицистический дискурс

Для цитирования: Седова А.В. (2022). Хеджи в экономическом дискурсе (на материале швейцарского варианта немецкого языка). *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 40–52. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-40-52>

1. Введение

В последние десятилетия стремительно развивается цифровизация, что влечёт за собой увеличение объёма доступной информации. Одним из основных источников, открывающих людям доступ к ней, являются современные СМИ. Значительное внимание в них уделяется экономическим новостям, освещающим положение дел как в отдельных компаниях, так и на рынке в целом. Опубликованная информация, наряду с отчётностью предприятий, используется аналитиками при составлении прогнозов, которые, в свою очередь, формируют ожидания рынка относительно динамики развития тех или иных компаний. Таким образом, информационный фон влияет на стоимость акций компании на бирже и на её имидж. Из-за негативных новостей компании зачастую теряют часть капитализации. Неаккуратно представленная информация может сыграть ключевую роль и повлиять негативно на оценку компании на бирже. Информация же, представленная в более мягкой форме, позволяет избежать паники, резких скачков биржевых индексов и драматичных последствий для компании, вызванных импульсным уходом инвесторов [9]. В данном контексте на первый план выходят различные коммуникативно-прагматические средства, позволяющие сгладить или смягчить высказывание. Одним из таких средств является хеджирование.

Цель исследования автора данной статьи состоит в выявлении и лингвистическом описании средств хеджирования, встречающихся в швейцарских статьях и посвящённых экономической проблематике, с учётом особенностей языковой ситуации в немецкоязычной Швейцарии.

Новизна исследования заключается в том, что до сих пор в отечественной и зарубежной германистике не было предпринято попыток лингвистического описания средств хеджирования в швейцарском экономическом дискурсе.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных по теории хеджирования G. Lakoff, G. Clemen, Г.Р. Власян, А.П. Марюхина, О.Д. Пастуховой, B. Fraser, A. Hübler, K. Hyland, E. Prince, U. Weinreich, L. Zadeh и др.

Материалом для исследования послужили статьи по экономике из швейцарских электронных изданий: *Finanz und Wirtschaft, Basler Zeitung, Finanzen. ch*.

Обработка материала заключалась в выявлении и лингвистическом описании наиболее частотных средств хеджирования в швейцарской экономической прессе.

2. Понятие хеджирование в отечественной и зарубежной литературе

Понятия *хедж* и *хеджирование* являются для лингвистики относительно новыми. Данные термины были заимствованы из экономики, где под *хеджированием* принято понимать способ страхования от неблагоприятного движения цен на рынке, с помощью которого инвестор может ограничить риски для своих вложений. Лингвистическая трактовка понятия созвучна с его экономической трактовкой.

Однако ещё до того, как *хеджирование* закрепился в лингвистике, рядом учёных были проведены исследования этого феномена. Одни из первых работ, посвящённых проблеме хеджирования, принадлежат американскому математику и логичу Л. Заде и американскому лингвисту У. Вайнрайху.

В своей работе «On the Semantic Structure of English» в 1966 году У. Вайнрайх говорит о металингвистических операторах, универсальных для всех языков. Однако элементы языка, относящиеся к данному феномену, не могут быть охарактеризованы ни с грамматической, ни с морфологической стороны. Такие элементы он определяет как *металингвистические операторы*. К ним он относит такие лексические единицы, как, *real, so-called, true* [16].

Л. Заде также не использовал само понятие *хеджирование*, а говорил о теории нечётких множеств «fuzzy set theory» для моделирования особенностей структуры языка [17].

В лингвистику термин *хеджирование* был введён американским лингвистом Дж. Лакоффом для описания слов и оборотов, «функция которых заключается в том, чтобы сделать понятия

более или менее «неясными» [14]. По мнению учёного, данные средства используются в первую очередь, если говорящий не полностью уверен в точности излагаемой информации. Они позволяют представить высказывание менее категорично и скрыть неуверенность говорящего. Среди хедж-маркеров со значением неясности Дж. Лакофф выделял следующие лексические единицы: *sort of* (своего рода), *kind of* (вроде), *more or less* (более или менее), *roughly* (что-то около), *pretty (much)* (практически), *relatively* (в общем и целом), *somewhat* (в какой-то степени), *rather* (до некоторой степени), *mostly* (по большей части) и др. [14, с. 471].

В последующие годы большую роль в исследованиях играет прагматический аспект и дискурсивный анализ. Хеджи больше не воспринимаются как простые модификаторы в семантическом аспекте. Данные средства рассматриваются учёными в рамках стратегии вежливости как средство выражения неточности и опосредованности. Возникает вопрос о категоризации и разграничении, о том, как упорядочить эти лексические средства реализации отдельных коммуникативных стратегий, чем мотивировано употребление хеджей, какое воздействие оказывается в изменяющемся социальном и культурном окружении на говорящих и слушателей.

Сегодня в лингвистике термин *хеджирование* используется для обозначения лексических средств, видоизменяющих высказывание автора путём добавления оттенка неясности [15, с. 85]. В отечественной лингвистике под хеджированием понимаются лексические единицы, которые способны ограничить ответственность говорящего за сказанное, индивидуализировать высказывание, ограничить степень достоверности или действительности суждения [1, с. 166], [3, с. 45]. Для обозначения отдельных средств, выполняющих функцию хеджирования, отечественными лингвистами наряду с понятием *средства хеджирования* употребляется термин хедж [2], [7], [8].

Г.Р. Власян отмечает, что лингвистическое хеджирование представляет собой прагматическую стратегию, употребление которой позволяет смягчать иллокутивную силу речевого акта с целью сохранения позитивного коммуникативного баланса и снижать возможные коммуникативные риски. По мнению автора, хеджи делают выражение неточным, смягчают категоричность высказывания, могут ослаблять или полностью снимать ответственность с говорящего за высказывание [2].

В своей работе немецкий лингвист Г. Клемен делает попытку составить наиболее полный список средств хеджирования. Однако Г. Клемен отмечает, что невозможно создать единую классификацию, охватывающую все средства хеджирования, так как только в контексте можно определить, какую функцию выполняет лексическая единица. В зависимости от коммуникативного контекста слова могут приобретать свойства хеджей. Таким образом, практически любое слово может быть интерпретировано как хедж в определённой коммуникативной ситуации [11].

3. Языковая ситуация в немецкоязычной Швейцарии

Исследуя особенности функционирования средств хеджирования в швейцарской прессе, нельзя не затронуть языковую ситуацию в немецкоязычной Швейцарии. Важно отметить, что в современной лингвистике немецкий язык относится наряду с английским, испанским и другими языками к плюрицентрическим языкам. Такие языки имеют несколько центров распространения и представлены равноправными национальными вариантами, каждый из которых имеет свои особенности на лексическом, грамматическом, синтаксическом, семантическом, фонетическом и парадигматическом уровне [4, с. 43]. Центрами распространения национальных вариантов немецкого литературного языка являются Германия, немецкоязычная часть Швейцарии и Австрия.

Для языковой ситуации в немецкоязычной Швейцарии характерна диглоссия. Это означает, что в Швейцарии существуют две формы языка, каждая из которых употребляется в определённой коммуникативной ситуации [12, с. 325].

Немецкий литературный язык используется швейцарцами в письменной речи, являясь основным средством письменного общения. Также данная форма языка является языком художественной и научной литературы, и публицистики, и используется при официальном общении [10].

В устной же речи в сфере неофициального общения используется швейцарско-немецкий диалект, *Schwyzertütsch*, на котором жители Швейцарии говорят большую часть времени. Литературный язык в Швейцарии начинают изучать только в школе, и зачастую он воспринимается швейцарцами как иностранный язык. Такое разделение приводит к тому, что литературной формой языка швейцарцы владеют хуже, чем жители Германии, которые используют немецкий литературный язык как при устной, так и при письменной коммуникации [18, с. 21], [13, с. 1373]. В связи с этим в Швейцарии наблюдается асимметрия в уровне владения письменным и устным регистром литературного языка. Недостаточность употребления языкового стандарта в повседневной жизни влияет на языковое самосознание германошвейцарцев: некоторые отмечают, что чувствуют себя в немецком языке как «на ходулях» [5, с. 345].

Исходя из вышеперечисленных особенностей швейцарского варианта немецкого литературного языка, мы предполагаем, что арсенал средств хеджирования, используемых авторами швейцарских статей, может отличаться от тех средств, что используют немецкие публицисты. Различия могут наблюдаться как в выборе самих средств хеджирования, так и в частоте их использования. Однако это требует проведения специального исследования, направленного на сравнение качественного и количественного состава корпуса хеджей в нововерхненемецком языке с его швейцарским вариантом.

4. Коммуникативно-прагматическая функция средств хеджирования

Исследование корпуса периодики показало, что наибольшим количеством примеров в швейцарском экономическом публицистическом дискурсе представлен маркер косвенной речи **Konjunktiv I**, выступающий в функции хеджирования. В немецком языке косвенная речь может быть оформлена как придаточное предложение, вводится подчинительными союзами, а также с помощью модальных глаголов *sollen*, *mögen* или же глаголов в форме *Konjunktiv*. Сама форма **Konjunktiv I** является показателем косвенной речи, маркирует слова как принадлежащие третьему лицу и не требует обязательного указания на источник информации и вводных слов, оформляющих чужую речь. С помощью глаголов в форме **Konjunktiv I** автор маркирует информацию как полученную из вторых рук, ссылается на внешний источник информации и снимает с себя ответственность за сказанное, подчёркивая, что не является автором пропозиции, а выступает лишь медиатором информации.

Так, автор статьи, где речь идёт о планах крупного французского гостиничного холдинга Accor на ближайшие два года, прибегает к использованию косвенной речи. Компания планирует расширить своё присутствие в Швейцарии, открыв там до 40 новых отелей. С помощью *Konjunktiv I* (*es handle*) автор статьи передаёт слова главы подразделения относительно планов компании. По его словам, речь идёт не только об открытии крупных отелей. Управление некоторыми отелями под брендами *Mövenpick*, *Swissôtel* и *Pullman* концерн просто возьмёт на себя:

(1) *Es **handle** sich nicht überall um grosse Hotels, und einige würde der Konzern mit Marken wie einfach übernehmen* [21].

Журналист не знаком со стратегией компании изнутри и не может обладать полной информацией о планах дальнейшего развития. Не имея достоверных сведений о размере и потенциальных возможностях новых отелей, автор не берёт на себя полную ответственность за предоставляемые сведения и, используя глагол в форме *Konjunktiv I*, указывает на то, что источником информации является глава концерна.

Также, говоря о прогнозах для отрасли в целом, автор снова прибегает к использованию косвенной речи. Публицист лишь передаёт мнение эксперта о том, что в сфере гостиничного бизнеса будет иметь место консолидация:

(2) *Es **werde** eine Konsolidierung **geben*** [21].

С помощью косвенной речи, выраженной глаголом *werden* в форме *Konjunktiv I* (*werde geben*), автор хеджирует достоверность прогнозов и снимает с себя ответственность за вероятность их

реализации. Тем самым он отстраняется от высказанной пропозиции и не выражает своего отношения к предоставленной информации.

Такая консолидация, подразумевающая объединение маленьких отелей с более крупными, по мнению главы подразделения, в текущих рыночных условиях небольшим гостиницам снизить цены на проживание:

(3) *Das **helfe** ihnen, die Preise zu senken, sagte O'Rourke* [21].

Объективность этого суждения не является абсолютной, это лишь мнение главы подразделения, что автор и подчёркивает используя глагол в форме Konjunktiv I (*helfe*).

Говоря о потенциальных прогнозах рынка относительно роста люкс-сегмента, автор снова использует хеджирование:

(4) *Er äusserte sich auch überzeugt, dass das Luxus-Segment **zulegen werde*** [21].

Прогноз выгоден для руководителя компании и, возможно, не является объективным, а выражает лишь частное мнение, подкрепляющее планы компании по экспансии на Швейцарский рынок. Кроме того, автор, скорее всего, не обладает полной информацией, так как не является экспертом в данной области и, говоря о возможностях роста, использует Konjunktiv I (*zulegen werde*), ссылаясь на слова более осведомлённого представителя холдинга.

Для выражения сомнения или предположения относительно событий будущего публицисты зачастую прибегают к использованию *гипотетических конструкций с Konjunktiv II*, претеритальной формой сослагательного наклонения. Так, например, автор статьи, где речь шла о выходе гостиничного холдинга Ассор на Швейцарский рынок, для выражения предположения относительно изменений, которые в будущем коснутся сферы гостиничного бизнеса, использует данное средство хеджирования. По мнению эксперта, маленькие отели смогли бы извлечь выгоду (*könnten profitieren*) из сотрудничества с более крупными, в частности из экономии за счёт эффекта масштаба, а также, участвуя в программах лояльности:

(5) *Wenn die kleinen Häuser mit dem Grosskonzern **zusammenarbeiten würden, könnten** diese von Skaleneffekten oder Loyalitätsprogrammen **profitieren*** [21].

Однако, автор не может знать наверняка о возможностях, открывающихся для маленьких отелей при объединении с большими концернами и не может гарантировать, что у них, действительно, получится сэкономить на всех видах услуг. Возможно, некоторые отели уже имеют лучшие цены от подрядчиков и увеличение масштаба не приведёт к ещё большему снижению стоимости услуг, так как цены уже максимально низкие, а в каких-то случаях и вовсе не зависят от объёма. Таким образом, не для всех маленьких отелей данное сотрудничество принесёт ожидаемую выгоду, и при помощи конструкции с Konjunktiv II (*könnten profitieren, würden zusammenarbeiten*) журналист выражает лишь предположение, основанное на словах эксперта.

Рассмотрим пример (6), взятый из статьи, в которой речь идёт о готовности европейских банков к возможному экономическому кризису. По результатам стресс-теста европейское банковское управление высоко оценивает шансы европейского банковского сектора противостоять кризису. Однако при развитии наиболее пессимистичного сценария и снижении объёма производства во всех странах Европейского Союза, по мнению экспертов, ВВП в ЕС упал бы (*würde zurückgehen*) более чем на 3 процента за 3 года:

(6) *Bei diesem Modell **würde** das Bruttoinlandprodukt der EU in drei Jahren um mehr als 3 Prozent **zurückgehen**, bei sinkender Wirtschaftsleistung in allen EU-Staaten* [20].

Для описания потенциально возможного сценария автор использует сослагательное наклонение. Форма Konditionalis I (*würde zurückgehen*) указывает на то, что данная информация является прогнозом, который может быть реализован лишь с некоторой долей вероятности при определённом стечении обстоятельств. Автор не гарантирует наступление такого сценария.

В этом же примере используется ещё одно средство хеджирования, распространённое в экономической прессе, а именно *средство реализации значения неясности и приблизительности*. Авторы публицистических текстов часто прибегают к использованию неопределённых местоимений (*manche, einige, viele, mehrere, sämtliche, wenige*) и наречий, выражающих приблизительность

(*fast, rund, etwa, ungefähr, circa, mehr/weniger als*). Такие лексические средства с размытым значением маркируют эпистемическую неопределённость. Таким образом может выражаться неуверенность в точных фактах или цифрах. Маркеры неопределённости помогают автору уйти от ответственности в случае сомнения в точности предоставляемой информации, представив её размыто.

Так, в примере (7), говоря о возможном падении ВВП более чем на 3 процента в случае экономического кризиса, автор употребляет наречие со значением приблизительности *mehr als* (более чем):

(7) *Bei diesem Modell würde das Bruttoinlandprodukt der EU in drei Jahren um **mehr als** 3 Prozent zurückgehen, bei sinkender Wirtschaftsleistung in allen EU-Staaten* [20].

Возможно, автор не обладает более точными данными или же не хочет их предоставлять, потому что речь идёт только о прогнозе и достоверно не известно, как будет развиваться ситуация в случае реального экономического кризиса. Журналист округляет значение до меньшего числа, чтобы сгладить масштаб ожидаемого кризиса. В реальности за наречием приблизительности *mehr als* (более чем) может скрываться как число близкое к трём процентам, так и значение, приближённое к четырём процентам. Когда речь идёт о новостях, связанных с банковским сектором, журналистам необходимо быть особенно осторожными и тактичными, чтобы избежать паники среди вкладчиков. Неаккуратно донесённая информация может способствовать формированию мнения у банковских клиентов о том, что банковский сектор не в состоянии противостоять кризису, что, в свою очередь, может повлечь за собой вывод средств из банков.

В другой статье речь идёт о росте цен на нефть вследствие возросшего спроса и восстановления экономики. В связи с этим странами-членами ОПЕК обсуждается повышение квот на добычу нефти. Однако между некоторыми странами прослеживаются разногласия по данному вопросу. В интересах Саудовской Аравии приостановить добычу нефти в ожидании более высоких цен, Россия же готова продавать нефть по более низкой цене, только чтобы не останавливать добычу:

(8) *Um ihren Staatshaushalt zu balancieren, brauchen die Saudiaraber **rund** 80 Dollar je Fass, die Russen jedoch kaum **mehr als** 40 Dollar* [24].

Описывая расхождение интересов стран-членов ОПЕК, журналист использует наречия со значением приблизительности. Для поддержания экономики страны Саудовская Аравия заинтересована в цене около (*rund*) 80 долларов за баррель, а Россию устраивает цена, едва ли превышающая (*kaum mehr als*) 40 долларов. Автор не имеет точной информации о формировании бюджетов стран. Он даёт лишь грубую оценку соотношения желаемых цен на нефть, удовлетворяющих интересы каждой из стран. Приблизительность данных автор маркирует с помощью наречий со значением неопределённости (*rund, mehr als*).

Ещё одним распространённым средством хеджирования оказались **модальные слова**, сигнализирующие об отказе автора текста брать на себя полную ответственность за сообщаемую информацию. Зачастую они выражают сомнение и уменьшают степень достоверности текстовых утверждений [6].

К ним относятся такие слова как *offenbar* (по-видимому), *möglicherweise* (возможно), *vielleicht* (может быть), *wohl* (пожалуй, вероятно), *offensichtlich* (по-видимому), *voraussichtlich* (вероятно), *vermutlich* (вероятно, предположительно). Каждая лексическая единица выражает различную степень сомнения и позволяет некатегорично выразить неуверенность в точности данных.

Автор статьи об экспансии международного гостиничного холдинга Accor на швейцарский рынок прибегает к использованию данного лексического средства. В примере (9) речь идёт о том, что, несмотря на пандемию коронавируса и, возможно (*möglicherweise*), лишь частичное восстановление делового туризма, эксперт видит возможности для дальнейшего роста компании Accor:

(9) *Trotz Corona-Pandemie und einer **möglicherweise** nur teilweisen Erholung bei den Geschäftsreisen sieht der Experte für Accor Wachstumsmöglichkeiten* [21].

Журналист использует наречие с модальным значением вероятности *möglicherweise* (возможно), чтобы выразить неуверенность относительно восстановления индустрии делового туризма после пандемии, а, следовательно, и относительно потенциального успеха кампании по расширению холдинга. Автор ставит под сомнение восстановление рынка в такие короткие сроки. Кро-

ме того, в результате пандемии изменился формат работы во многих компаниях: предприятия перешли на онлайн-формат мероприятий, отпала необходимость в столь частых командировках. Таким образом, индустрия делового туризма, возможно, полностью трансформируется и уже не восстановится до прежнего уровня.

Ещё в одной статье речь идёт о продаже швейцарской хлебобулочной компанией своего бизнеса в Бразилии с целью привлечь дополнительное финансирование. Согласно заявлениям, продажа должна быть, предположительно (*voraussichtlich*), завершена к концу второго квартала:

(10) *Laut der Mitteilung wird der Verkauf voraussichtlich bis zum Ende des zweiten Quartals abgeschlossen* [19].

Так как продажа ещё не состоялась и информация касается события, которое только с некоторой долей вероятности произойдёт в будущем, автор преподносит её осторожно, ограничивая степень уверенности в сообщаемом с помощью наречия *voraussichtlich* (вероятно, предположительно). Автор не может гарантировать, что продажа действительно случится, и употребление хедж-маркера даёт ему возможность представить информацию более мягко, ограничив степень её достоверности.

С целью выражения предположения о возможном, на взгляд автора, варианте развития событий зачастую используются **лексические средства реализации субъективного прогноза**. В немецком языке к таким средствам относятся глаголы *rechnen mit*, *erwarten*, *planen*, *beabsichtigen*. Информация, отнесённая к будущему, не может являться констатацией факта и воспринимается, в первую очередь, как прогноз, намерение или предположение. Высказывания, содержащие такие лексические единицы, основаны на ожиданиях. Фактические результаты могут и не совпасть с первоначальными прогнозами, так как деятельность компаний часто сопряжена с рисками.

Рассмотрим примеры (11), (12), (13). Из-за изменения климата в мире увеличилось количество природных катастроф. Ввиду возросших климатических рисков одна из крупнейших мировых перестраховочных компаний Swiss Re рассчитывает (*rechnet mit*) на повышенный спрос на свои услуги. Чтобы бизнес оставался прибыльным, страховые компании вынуждены повышать цены. По словам руководителя одного из направлений компании Swiss Re, после разрушительных гроз и наводнений в июне и июле можно рассчитывать (*es sei zu rechnen*) на дальнейший рост цен на услуги перестраховщиков в январе:

(11) *Der Versicherer rechnet mit einer steigenden Nachfrage, vor allem gegen Klimarisiken ist das Bedürfnis nach Versicherungsschutz gross* [23].

(12) *Mit starkem Wachstum rechnet man bei der Swiss Re auch im Geschäft mit Naturkatastrophen* [23].

(13) *Nach den verheerenden Gewitter und Flutkatastrophen im Juni und Juli sei im Januar mit einem weiteren Anstieg der Rückversicherungspreisen zu rechnen*, sagte Léger [23].

Автор статьи выдвигает прогноз относительно перспектив развития компании. Прогноз – это всегда вероятностное суждение о будущем состоянии чего-либо. В статье несколько раз используется глагол *rechnen mit* (рассчитывать на), таким образом автор сигнализирует о том, что описывается лишь вероятный сценарий развития событий, основанный на ожиданиях увеличения спроса и роста цен на услуги перестрахования по причине роста числа природных катастроф. Журналист не уверен, что прогноз сбудется, поэтому использует некатегоричный глагол со значением «считать возможным, вероятным, ожидать» (Duden), имплицитно указывающий на то, что предоставленная информация не является констатацией факта.

В примере (12) журналист также прибегает к ещё одному распространённому средству хеджирования, а именно к **деперсонализации**. Деперсонализация может быть реализована с помощью пассивных конструкций, неопределённо-личного местоимения *man* и безличных конструкций.

В данном примере (12), где речь идёт о возможном росте спроса на услуги компании Swiss Re в связи с природными катастрофами, автор использует неопределённо-личное местоимение *man*:

(12) *Mit starkem Wachstum rechnet man bei der Swiss Re auch im Geschäft mit Naturkatastrophen* [23].

Журналист указывает на тот факт, что в компании в целом рассчитывают на увеличение спроса, однако конкретных лиц, дающих столь неоднозначные прогнозы, он при этом не называет,

заменяя их местоимением *man*. Автор не раскрывает, кто именно в компании стал источником данной информации, возможно, потому что не обладает этими сведениями или же по какой-то причине желает это скрыть.

Уступительные конструкции с союзами *obschon, obwohl, wenngleich, trotzdem* также могут выступать в качестве средства хеджирования. Уступительные предложения строятся на противоречии, указывают на препятствие, вопреки которому совершается действие, выраженное во второй части предложения. Выражая мысль таким образом, автор смягчает однозначность и окончательность пропозиции.

Вернёмся к статье, посвящённой готовности европейских банков к экономическому кризису. Оба крупнейших швейцарских банка UBS и Credit Suisse хорошо подготовлены к возможному кризису. Однако, несмотря на это (*trotzdem*), банковский регулятор выдвигает повышенные требования к сумме капитала, которую должны иметь банки:

(14) *Die beiden Grossbanken UBS und Credit Suisse seien gut aufgestellt. **Trotzdem** brauche es die hohen Kapitalanforderungen* [20].

В данном примере конструкция с союзом *trotzdem* несёт значение уступки. Неблагоприятная информация о необходимости иметь повышенную сумму капитала представляется в противовес позитивной (банки хорошо подготовлены) в предыдущем предложении. Подчёркивая в первом предложении хорошую готовность банков к возможному экономическому кризису, автор смягчает эффект от констатации факта, что требования к банкам всё же повышены. На фоне позитивной информации, негативные сведения будут восприняты читателями не так остро, как если бы информация была представлена прямо, не смягчённо.

В аспекте хеджирования большим потенциалом обладают **модальные глаголы** в их субъективном значении. С помощью модальных глаголов журналист сигнализирует читателю, что не является первоисточником информации. Употребление модальных глаголов также позволяет избежать излишней категоричности суждений и выразить авторское мнение об истинности и достоверности высказывания, а также указать степень полноты знания говорящего о событии.

В примере (15) речь идёт о планах крупного швейцарского производителя шоколада Lindt & Sprüngli объединить две свои итальянские дочерние компании. После объединения процессы будут интегрированы, некоторые же останутся отдельными. Такое слияние, по мнению главы компании, должно усилить (*solle stärken*) существующее взаимодействие между двумя организациями, так как они будут действовать в рамках единой бизнес-стратегии:

(15) *Der Zusammenschluss **solle** die bereits bestehende Zusammenarbeit zwischen den beiden Organisationen stärken* [22].

В данном примере (15) автор ссылается на слова представителей компании. Модальный глагол *sollen* в форме Konjunktiv I Präsens маркирует высказывание как слова третьих лиц. Таким образом журналист подчёркивает, что выражает чужое мнение без гарантии его подлинности. Как стороннее лицо, не информированное о всех аспектах бизнеса предприятия, он не может знать наверняка, будет ли объединение дочерних компаний столь успешным, как ожидается. С помощью модального глагола автор дистанцируется от высказанной пропозиции, отмечая, что информация передана с чужих слов.

Слияние Lindt & Sprüngli объясняется необходимостью, возникшей из-за экономических трудностей, с которыми компания столкнулась в последнее время, а также из-за пандемии, которая поставила многие бизнесы под удар. Объединение организаций необходимо для успешного функционирования компании в будущем и для обеспечения непрерывности бизнеса. Однако объединений двух дочерних компаний, помимо ожидаемых улучшений, закономерно приведёт к сокращению рабочих мест в компании. Прогнозируются дальнейшие увольнения сотрудников. По словам пресс-секретаря компании, будут приняты меры, чтобы изменения прошли наиболее мягко для тех коллег, которых они коснутся, а также чтобы сократить количество увольнений в будущем и обеспечить занятость других работников в долгосрочной перспективе:

(16) *Es dürfte indes zu weiteren Kündigungen kommen: «Die Integration von Caffarel in die Lindt & Sprüngli SpA sowie die gute Akzeptanz des Programms zur freiwilligen Entlassung ermöglichen es uns aber, die Zahl der künftigen Entlassungen weiter zu senken», meinte die Sprecherin weiter [22].*

Для выражения субъективного вероятностного прогноза в примере (16) автор использует модальный глагол *dürfen* в форме Konjunktiv II Präteritum. Таким образом он выдвигает осторожное предположение о планирующихся в ближайшем будущем увольнениях. Журналист не может утверждать однозначно, что компания столкнётся с сокращениями, он в мягкой форме сообщает информацию, основывающуюся на словах представителей концерна. Глагол *dürfte* имеет в данном контексте вероятностное значение и сопровождается прямой цитатой пресс-секретаря компании: именно на основании этих слов автором было выдвинуто предположение о грядущих изменениях в кадровой политике.

5. Заключение

Проведённый анализ позволил выявить наиболее распространённые средства хеджирования, к которым прибегают авторы экономических статей, а также определить их коммуникативно-прагматический потенциал.

В результате исследования установлено, что авторы экономических статей в современном швейцарском медийном дискурсе активно используют различные средства хеджирования. В проанализированных текстах были выявлены следующие лексические и грамматические средства хеджирования: *Konjunktiv I как маркер косвенной речи; гипотетические конструкции с использованием Konjunktiv II; средства реализации неясности и приблизительности; безличные конструкции; уступительные конструкции; лексические средства реализации субъективного прогноза; модальные слова и модальные глаголы*. Проведённый анализ показал, что как в немецком, так и в швейцарском варианте немецкого языка публицисты охотно прибегают к таким лексическим и грамматическим средствам хеджирования как маркер косвенной речи, а именно Konjunktiv I, а также гипотетические конструкции с использованием Konjunktiv II.

Однако, можно отметить, что арсенал средств хеджирования, используемых авторами швейцарских статей является менее разнообразным. Также по сравнению с немецкими экономическими статьями были выявлены различия в частоте использования хеджей. Авторы швейцарских статей реже прибегают к использованию этого прагматического средства, что может объясняться тем, что большинством швейцарцев немецкий литературный язык воспринимается как иностранный, публицисты стремятся к более простым и однозначным конструкциям, не требующим хеджирования.

Использование средств хеджирования журналистами может быть мотивировано различными прагматическими факторами. Наш анализ показал, что, в первую очередь, авторы публицистических текстов используют данные средства, для того чтобы минимизировать свою ответственность за сообщаемое, сославшись на внешний источник информации; выразить сомнение, некатегоричное предположение о будущих событиях; маркировать неуверенность и уйти от ответственности в случае сомнения в точных фактах или цифрах. Также умелое использование хеджей способствует дедраматизации ситуации, сохранению репутации компаний, предотвращению критических отзывов и роста паники со стороны читателей.

Исследование имеет практическое значение, так как полученные в результате анализа данные могут быть использованы при лингвистическом анализе и интерпретации экономических текстов для выявления языковых особенностей швейцарского экономического дискурса. Кроме того, выводы, сделанные в ходе настоящего исследования, и описанные лексические и грамматические средства хеджирования могут найти применение на практических занятиях по языку, позволят познакомить студентов с прагматическими стратегиями, которые используются носителями языка. Владение данными стратегиями является необходимым условием грамотной и вежливой коммуникации.

Перспективой для дальнейшего изучения темы может стать выявление средств хеджирования в экономическом дискурсе немецкого литературного языка и австрийского варианта немецкого языка.

© Седова А.В., 2022

Список литературы

1. Баранов А.Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов и др. // под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Изд.-е 2-е, испр. и доп., Москва: Азбуковник, 2003. 642 с.
2. Власян Г. Р. Лингвистическое хеджирование как средство реализации стратегий вежливости в разговорном диалоге / Г.Р. Власян, Е.М. Петрова // Культура и текст. 2021. №. 1 (44). С. 216-227.
3. Горина О. Г. Лингвистический хеджинг как коммуникативная структура (в русле корпусных исследований) / О. Г. Горина, В. Е. Храброва // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 3. С. 44-53. DOI: 10.25205/1818-7935-2017-15-3-44-53.
4. Клиенкова И. Б. Лексико-грамматические свойства субстантивных словосочетаний в швейцарском варианте немецкого литературного языка (по материалам прессы) : дис. Московский государственный институт международных отношений (университет), 2015.
5. Копчук Л. Б. Проблема языкового стандарта в условиях диглоссии немецкого языка Швейцарии //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №. 11-2 (89). С. 343-350.
6. Нефёдов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) //Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. №. 4.
7. Пастухова О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков): дис. Челябинский государственный университет //Челябинск. 2019.
8. Ручкина Е. М. Хеджирование как лингвистическое средство минимизации речевого конфликта в английском и русском языках //Educatio. 2015. №. 9 (16). С. 22-27.
9. Шубина Э. Л. Хедж-эвфемизмы как инструменты экономического дискурса / Э. Л. Шубина, А. В. Седова // Научный диалог. 2021. № 11. С. 183-200. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-183-200.
10. Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin, New York: de Gruyter, 1995. 340S.
11. Clemen, Gudrun. "Hecken in deutschen und englischen Texten der Wirtschaftskommunikation: Eine kontrastive Analyse." 1998.
12. Ferguson C. A. Diglossia / Ferguson C.A. // Word: Journal of the linguistic circle of New York / Martinet A., Weinreich U. (eds.). 1959. Vol. 15, № 2. P. 325-340.
13. Haas W. Schweiz // Sociolinguistics. Soziolinguistik. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft: in 3 Bänden / hrsg. von U. Ammon, N. Dittmar, K. J. Mattheier. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 1988. Bd. 2. S. 1365-1383.
14. Lakoff, G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. 1973. № 2. P. 458-508.
15. Prince, E. F. On hedging in physician discourse. Linguistics and the professions, 8. Norwood / Frader, J., Bosk, C., Di Pietro, R. J. (ed.). (1982). // New Jersey: Albex Publishing Corporation. 83-97.
16. Weinreich, U. Languages in contact: findings and problems / by Uriel Weinreich, with a preface by Andre Martinet. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. 140 p.
17. Zadeh, L.A. Fuzzy Sets / L.A. Zadeh // Information and Control. 1965. № 8. P. 338-353.
18. Zinsli, P. Vom Werden und Wesen der mehrsprachigen Schweiz. Schriften des deutschschweizerischen Sprachvereins / Zinsli P. Bern: Feuz, 1964. 35 S.
19. „Aryzta verkauft brasilianisches Geschäft und sichert sich neuen Kredit“. Finanz und Wirtschaft, 19. Aug. 2021, <https://www.fuw.ch/newsticker/202108190321/aryzta-verkauft-brasilianisches-geschafft-und-sichert-sich-neuen-kredit/> (Accessed 05.03.2022)
20. „Bankenaufsicht sieht Europas Banken für schwere Krisen gerüstet“. Finanz und Wirtschaft, 31. Jul. 2021, <https://www.fuw.ch/newsticker/202107310102/bankenaufsicht-sieht-europas-banken-fur-schwere-krisen-gerustet/> (Accessed 05.03.2022)
21. „Hotelkonzern Accor will in der Schweiz expandieren“. Finanzen.ch, 31. Jul. 2021, <https://www.finanzen.ch/nachrichten/aktien/hotelkonzern-accor-will-in-der-schweiz-expandieren-1030669938> (Accessed 05.03.2022)
22. „Lindt & Sprüngli legt Töchter zusammen und baut Stellen ab“. Finanz und Wirtschaft, 24. Sept. 2021, <https://www.fuw.ch/newsticker/202109240541/lindt-sprungli-legt-tochter-zusammen-und-baut-stellen-ab/> (Accessed 11.03.2022)
23. „Swiss Re rechnet mit weiterem Wachstum“. 09. Sept. 2021, Finanz und Wirtschaft, <https://www.fuw.ch/article/swiss-re-rechnet-mit-weiterem-wachstum/> (Accessed 05.03.2022)
24. „Warum Öl und Benzin immer teurer werden“. Basler Zeitung, 03. Jul. 2021, <https://www.bazonline.ch/warum-oel-und-benzin-immer-teurer-werden-747560981476> (Accessed 05.03.2022)

References

1. Baranov, A.N., Dobrovolskiy, D.O. *Anglo-russkiy slovar' po lingvistike i semiotike* [The English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics]. Izd-e 2-e, ispr. i dop [Second revised and enlarged edition]. Moskva: Azbukovnik. 2003. 642 p.
2. Vlasian, G. R., Petrova, E. M. Lingvisticheskoe hedzhirovanie kak sredstvo realizatsii strategiy vezhlivosti v razgovornom dialoge // *Kul'tura i tekst* [Linguistic hedging as a means of implementing politeness strategies in conversational dialogue // Culture and text], 2021. № 1 (44). P. 216-227.
3. Gorina, O.G. Khrabrova, V.E. Lingvisticheskii hedzhing kak kommunikativnaia struktura (v rusle korpusnykh issledovaniy) [Linguistic Hedging as a Communicative Strategy (within the Scope of Corpus Studies)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Vestnik Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2017. №15 (3). P. 44-53.
4. Klienikova, I. B. *Leksiko-grammaticheskie svoistva substantivnykh slovosochetaniy v shveysarskom variante nemetskogo literaturnogo iazyka (po materialam pressy)* [Lexico-grammatical properties of substantive phrases in the Swiss version of the German standard language (based on materials of mass media)]: Diss. Moscow State Institute of International Relations (University), 2015.
5. Kopchuk, L. B. Problema iazykovogo standart v usloviakh diglossii nemetskogo iazyka Shveysarii // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [The problem of the language standard in the conditions of the diglossia of the German language in Switzerland //Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2018. №. 11-2 (89). P. 343-350.
6. Nefedov, S. T. Restriktivnaia argumentatsiia: modal'nye slova somneniia i obshchepochimosti (na materiale nemetskoiazychnykh lingvisticheskikh statey) [Restrictive argumentation: modal words of doubt and general validity (on the material of German-language linguistic articles)]. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*. 2017. V. 14. №. 4.
7. Pastukhova, O. D. *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti evfemizmov v politicheskom mediadiskurse (na materiale angliyskogo i russkogo iazykov)* [Communicative and pragmatic features of euphemisms in political media discourse (on the material of English and Russian languages)]: Diss. Chelyabinsk State University. 2019.
8. Ruchkina, E. M. Hedzhirovanie kak lingvisticheskoe sredstvo minimizatsii rechevogo konflikta v angliyskom i russkom iazykakh [Hedging as a Linguistic Means of Minimizing Speech Conflict in English and Russian] // *Educatio*. 2015. №. 9 (16)-2.
9. Shubina, E. L., Sedova, A. V. Hedzh-evfemizmy kak instrumenty ekonomicheskogo diskursa [Hedge Euphemisms as Tools of Economic Discourse]. *Nauchny dialog*, 2021. №11. P.183-200.
10. Ammon, U. *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten*. Berlin, New York: de Gruyter, 1995. 340S.
11. Clemen, Gudrun. "Hecken in deutschen und englischen Texten der Wirtschaftskommunikation: Eine kontrastive Analyse." 1998.
12. Ferguson, C. A. Diglossia / Ferguson C.A. // *Word: Journal of the linguistic circle of New York* / Martinet A., Weinreich U. (eds.). 1959. Vol. 15, № 2. P. 325-340.
13. Haas W. Schweiz // *Sociolinguistics. Soziolinguistik. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft: in 3 Bänden* / hrsg. von U. Ammon, N. Dittmar, K. J. Mattheier. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 1988. Bd. 2. S. 1365-1383.
14. Lakoff, G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff // *Journal of Philosophical Logic*. 1973. № 2. P. 458-508.
15. Prince, E. F., Frader, J., Bosk, C., et al. (ed.). On hedging in physician discourse. Linguistics and the professions, 8. Norwood / New Jersey: Albex Publishing Corporation. 1982. P. 83-97.
16. Weinreich, U. *Languages in contact: findings and problems* / by Uriel Weinreich, with a preface by Andre Martinet. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. 140 p.
17. Zadeh, L.A. Fuzzy Sets / L.A. Zadeh // *Information and Control*. 1965. № 8. P. 338-353.
18. Zinsli, P. *Vom Werden und Wesen der mehrsprachigen Schweiz. Schriften des deutschschweizerischen Sprachvereins* / Zinsli P. Bern: Feuz, 1964. 35 S.
19. „Aryzta verkauft brasilianisches Geschäft und sichert sich neuen Kredit“. Finanz und Wirtschaft, 19. Aug. 2021, <https://www.fuw.ch/newsticker/202108190321/aryzta-verkauft-brasilianisches-geschaft-und-sichert-sich-neuen-kredit/> (Accessed 05.03.2022)
20. „Bankenaufsicht sieht Europas Banken für schwere Krisen gerüstet“. Finanz und Wirtschaft, 31. Jul. 2021, <https://www.fuw.ch/newsticker/202107310102/bankenaufsicht-sieht-europas-banken-fur-schwere-krisen-gerustet/> (Accessed 05.03.2022)
21. „Hotelkonzern Accor will in der Schweiz expandieren“. Finanzen.ch, 31. Jul. 2021, <https://www.finanzen.ch/nachrichten/aktien/hotelkonzern-accor-will-in-der-schweiz-expandieren-1030669938> (Accessed 05.03.2022)
22. „Lindt & Sprüngli legt Töchter zusammen und baut Stellen ab“. Finanz und Wirtschaft, 24. Sept. 2021, <https://www.fuw.ch/newsticker/202109240541/lindt-sprungli-legt-tochter-zusammen-und-baut-stellen-ab/> (Accessed 11.03.2022)
23. „Swiss Re rechnet mit weiterem Wachstum“. 09. Sept. 2021, Finanz und Wirtschaft, <https://www.fuw.ch/article/swiss-re-rechnet-mit-weiterem-wachstum/> (Accessed 05.03.2022)
24. „Warum Öl und Benzin immer teurer werden“. Basler Zeitung, 03. Jul. 2021, <https://www.bazonline.ch/warum-oel-und-benzin-immer-teurer-werden-747560981476> (Accessed 05.03.2022)

Сведения об авторе:

Седова Анна Витальевна – преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО. Сфера научных и профессиональных интересов: экономический дискурс, лингвопрагматика, перевод.

E-mail: annysedova@gmail.com

About the author:

Anna Sedova is Teacher of German Language Department, MGIMO. Spheres of research and professional interests: economic discourse, pragmatics in linguistics, translation. E-mail: annysedova@gmail.com

* * *

SYNCHRONISM AND DIACHRONISM OF ANTIQUE ORIGIN IDIOMS IN THE ENGLISH LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

T.P. Filichkina

Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation,
35, Priborostroitel'naia St, 302024, Russia

Abstract. *The article examines the semantics of idioms of antique origin in media discourse from the standpoint of synchrony and diachrony. The study of media discourse as a phenomenon of language and as an extralinguistic entity enables us to consider it using methods of cognitive and discourse analyses. Phraseological units as inherent elements of mediatexts have a powerful connotative (evaluative) potential at the synchronic level that is identified by referring to the source of the expression at the diachronic level. Cognitive analysis determines the evaluative potential in the semantics of idioms associated with subjective modalities. Axiological modality represents rational (positive or negative) evaluation of real situations. Emotive modality embraces the whole range of emotions (condemnation, approval, admiration, disapproval). Deontic modality relates to the system of norms that regulate the behavior of people in the society. Being originally precedent phenomena, phraseological units of antique origin store in their semantics a considerable volume of information about the events of past epochs, about the value system of the ancient world. The study of idioms of antique origin as a synchronous unit does not give a complete idea of its modern meaning. The combination of cognitive analysis method that examines the synchronic semantics of the phraseological unit from the position of diachronic approach, and discourse analysis method, which takes into account the extralinguistic situation, can determine the actual sense and connotative potential of the idiom of antique origin in the mediatext.*

Keywords: *media discourse, idiom, precedent phenomenon, synchronic approach, diachronic approach, subjective modality, cognitive analysis, discourse analysis*

For citation: Filichkina, T.P. (2022). Synchronism and diachronism of antique origin idioms in the English language media discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 53–62. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-53-62>

СИНХРОНИЗМ И ДИАХРОНИЗМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНТИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Т.П. Филичкина

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302034, г. Орел, ул. Приборостроительная, 35.

Аннотация. В статье анализируется семантика фразеологических единиц (ФЕ) античного происхождения в медийном дискурсе с позиций синхронии и диахронии. Исследование медиадискурса как явления языка и как экстралингвистической сущности позволяет рассматривать его, используя методы когнитивного и дискурсивного анализа. Фразеологические единицы, являясь неотъемлемыми элементами медиатекстов, обладают мощным коннотативным (оценочным) потенциалом на уровне синхронии, который устанавливается при обращении к истокам возникновения выражения (уровень диахронии). Когнитивный анализ определяет оценочность в семантике фразеологизмов, которая связана с субъективными модальностями. Аксиологическая модальность представляет рациональную (положительную или отрицательную) оценку событий реального мира. Эмотивная модальность включает весь спектр эмоций (осуждение, одобрение, восхищение, порицание). Деонтическая модальность связана с системой норм, которые регулируют поведение людей в социуме. Представляя собой изначально прецедентные феномены, фразеологизмы античного происхождения хранят в своей семантике значительный объём информации о событиях прошлых эпох, о системе ценностей древнего мира. Исследование фразеологизма античного происхождения как синхронной единицы не даёт полного представления о его современном значении. Сочетание когнитивного анализа, который рассматривает синхронный семантический ярус фразеологизма с позиций диахронического подхода, и дискурсивного анализа, учитывающего экстралингвистическую ситуацию, позволяет определить актуальный смысл и коннотативный потенциал ФЕ в медийном тексте.

Ключевые слова: медийный дискурс, фразеологизм, прецедентный феномен, синхронический подход, диахронический подход, субъективная модальность, когнитивный анализ, дискурсивный анализ

Для цитирования: Филичкина Т.П. (2022). Синхронизм и диахронизм фразеологизмов античного происхождения в англоязычном медийном дискурсе. *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 53–62. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-53-62>

Введение

Невозможно представить современное общество без средств массовой информации. Реальность сегодня создаётся в медийном пространстве, и практически всю информацию о мире мы получаем из СМИ. Медийный дискурс формирует картину мира социума, диктует обществу и каждому человеку жизненные приоритеты, определяет стереотипы поведения, «навязывает» оценки событий и действующих лиц. Именно медийные ресурсы управляют социальными действиями и поступками людей в современном мире.

В настоящее время в лингвистике акцентируется внимание не на формальной, а на содержательной стороне языка, которая является результатом его эволюции и в то же время продуктом прошлого. С точки зрения синхронии, явления языка изучаются в конкретный период времени. В случае диахронии языковые сущности исследуются в своей динамике. Эти два направления неразрывно связаны и взаимообусловлены.

Фразеологизмы занимают особое место на страницах англоязычной прессы как коннотативно окрашенные средства языка, которые способствуют формированию определённого отношения, позитивного или негативного, к происходящим событиям и их участникам. Информация во фразеологических единицах содержится в свёрнутом виде, поэтому семантику фразеологизма античного происхождения сложно проанализировать на уровне синхронии. Для выявления смысла таких выражений необходимо обращение к истокам ФЕ, поскольку «след диахронии» сохраняется в семантике языковых единиц, функционирующих в медийном дискурсе, определяя многие их семантические особенности.

Целью статьи является исследование коннотативного (оценочного) потенциала семантики фразеологизмов античного происхождения на синхроническом и диахроническом уровне в англоязычном медийном дискурсе с использованием когнитивного и дискурсивного методов анализа.

Описание методики исследования

Изучение дискурса как лингвистического явления связано с именами многих известных учёных. Н.Д. Арутюнова понимает дискурс как «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими ... факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах)» [1]. По мнению Т.А. ван Дейка, дискурс – это «речь, погружённая в жизнь, в социальный контекст» [3].

Т.Г. Добросклонская определяет медийный дискурс как «функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [5, с. 182].

Таким образом, медиадискурс – это медиатекст в его взаимосвязи с внелингвистическими факторами, которые включают политическую и экономическую обстановку в стране и в мире, предстоящие и текущие события, идеологическую ориентацию издания, политические взгляды автора текста. Медийный дискурс – это явление языка, с одной стороны, с другой стороны – это экстралингвистическая реальность, связанная с прагматическими, социальными, культурными и другими факторами. Когнитивный анализ медиатекста соотносит языковые процессы с когнитивной обработкой информации в сознании индивида, её категоризацией и концептуализацией, в которых отражаются представления о мире лингвокультурного сообщества. Метод дискурсивного анализа позволяет исследовать связь языковой составляющей с внелингвистической реальностью при создании и актуализации медийного текста.

Когнитивную и дискурсивную сущность медийного текста и его языковых аспектов необходимо анализировать, применяя синхронический и диахронический подходы. Синхрония и диахрония в изучении языка связаны с понятием времени. С точки зрения синхронии, язык рассматривается как статическая система и изучается его состояние в конкретный период времени. В случае диахронии исследуется эволюция языкового явления, динамика, в конце которой представлено его текущее, статическое состояние.

Медийные тексты, являясь средством информирования и воздействия, используют широкий диапазон средств языка, которые обладают коннотативным потенциалом. Основная функция фразеологических единиц на страницах СМИ – способность быть средством номинации и оценки фрагмента внеязыковой действительности. В недрах семантики фразеологизмов хранится огромный пласт экстралингвистической информации, которая связана с историческими, куль-

турными, социальными событиями социума. В.М. Мокиенко считает, что «фразеологизм, с одной стороны, – единица ретроспективная, кумулятивная, поглотившая в процессе своего развития сложную культурологическую и языковую информацию прошлого. ... С другой стороны, фразеологизм – единица синхронная, обладающая сложной семантикой, которая не зависит от значения её компонентов и от понятий прошлого, которые её породили» [7, с.18].

Следовательно, исследование семантики фразеологической единицы предполагает сочетание синхронического и диахронического подходов, поскольку именно диахронический аспект семантики ФЕ определяет своеобразие семантического значения в синхронии и является источником экстралингвистического знания, содержит информацию о ходе истории, формировании культуры и системе ценностей нации и человечества в целом. С точки зрения диахронии, происходит трансформация номинативной составляющей фразеологической единицы, но коннотативный (оценочный) компонент, как правило, остаётся неизменным.

Фразеологические единицы вообще и фразеологизмы античного происхождения в частности изначально являются прецедентными феноменами, среди которых выделяют прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентную ситуацию [4, с. 106]. Такое разделение является условным, поскольку прецедентное имя, как правило, связано с прецедентной ситуацией или прецедентным текстом, а прецедентное высказывание принадлежит какому-либо деятелю, литературному персонажу (прецедентное имя) или встречается в прецедентном тексте.

В.Н. Телия определяет прецедент как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», имевший место в прошлом и являющийся значимым для определённого лингвокультурного сообщества и регулярно актуализирующийся в процессе коммуникации [12]. По уровню прецедентности различают социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные феномены [4, с. 104].

Фразеологизмы античного происхождения, относящиеся к универсально-прецедентным феноменам, представляют собой когнитивную структуру и хранятся в виде «инварианта восприятия» в когнитивной базе не только одного лингвокультурного сообщества, но и входят в универсальное когнитивное пространство человечества и принадлежат культуре всего мира [6, с. 45]. Эти фразеологизмы восходят к историческим событиям древности или к античной мифологии.

Целью когнитивного научного направления является смысловая сторона языка, которая связана с истоками возникновения языкового знака, то есть с диахронией. В когнитивной лингвистике семантика языковой единицы объясняется с учётом всей информации, включая экстралингвистическую, которой располагает лингвокультурное сообщество [2].

В когнитивном пространстве человечества античные фразеологизмы сохраняют в своей синхронной семантике оценочность, которая связана с ретроспективной (диахронической) семантикой прецедентных феноменов, являющихся источниками фразеологизмов. Диахронизм фразеологических единиц античного происхождения как частный случай диахронии в лингвистике состоит в том, что интерпретация их актуального содержания (на уровне синхронизма) не представляется возможной без анализа пресуппозиции, то есть предварительного знания, позволяющего понять значение фразеологизма и его оценочный потенциал.

Когнитивный анализ фразеологизма – это определение оценочного потенциала ФЕ. Оценочность связана с субъективной модальностью. В лингвистике рассматривают объективную и субъективную модальность. Объективная модальность представляет отношение высказывания к действительности и соотносится с денотативным компонентом семантики. Субъективная модальность отражает отношение к содержанию высказывания, то есть является оценкой сообщаемого. Субъективная модальность в семантике фразеологических единиц представлена аксиологической модальностью (рациональная оценка), эмотивной модальностью (эмоциональная оценка) и деонтической модальностью (нормативная оценка). Рациональная оценка устанавливается с помощью когнитивно-модальных операторов «считай, что хорошо, плохо, нейтрально». Эмотивную модальность, отражающую весь спектр эмоций человека, можно описать применяя когнитивно-модальные операторы «испытай одобрение, неодобрение, восхищение, осуждение,

уничужение, восторг». Деонтическая модальность представляет оценку соответствия поведения, состояния или действия нормам социума (моральным, правовым, международным нормам взаимодействия). Деонтические нормы связаны с характеристикой социального поведения людей (когнитивно-модальные операторы «разрешено», «запрещено», «следует») [13].

Следует отметить, что в естественном языке наблюдается асимметричность оценки. Положительный полюс оценочной шкалы означает как соответствие норме, так и превышение её. Норма, как правило, не вызывает интереса в сознании говорящего и имеет слабое отражение как в лексике, так и во фразеологии. Большинство фразеологизмов, в том числе ФЕ античного происхождения, фиксируют отклонение от нормы, подвергающееся отрицательной рациональной и эмоциональной оценке. Этим объясняется преобладание единиц с негативной коннотацией во фразеологической картине мира социума.

Таким образом, определение денотативного значения и оценочного потенциала фразеологизмов возможно с использованием метода когнитивного анализа семантики ФЕ с учётом экстралингвистических факторов (дискурсивный анализ).

Сочетание когнитивного и дискурсивного подходов для анализа семантики фразеологизмов античного происхождения предлагается рассмотреть на примерах из текстов англоязычного медийного дискурса, которые представляют издания различных стран и различной идеологической ориентации.

Авторитетный американский финансово-экономический журнал *Forbes* опубликовал статью **Can U.S. And China Escape The Thucydides Trap?**, в которой представлены современные отношения США и Китая.

If both countries have fallen into the trap already, going by the ongoing trade conflict and signs that other fronts – from trade and technology to human rights and capital – will open up, one way forward is a fuller reading of The History of the Peloponnesian War by Thucydides [16].

Фразеологизм *the Thucydides Trap* (ловушка Фукидида) восходит к прецедентному имени древнегреческого историка Фукидида и его «Истории Пелопонесской войны». В своей книге автор доказывал фатальную неизбежность войны из-за страха государства Спарты потерять своё влияние перед ростом могущества Афин, то есть неотвратимость войны.

Это выражение было популяризировано известным американским политологом Грэхам Аллисоном для описания очевидной тенденции к войне, когда у одной из конкурирующих держав растёт могущество, а другая опасается утраты своего политического веса на международной арене [14].

Аксиологическая модальность в семантике данного фразеологизма находится на отрицательном полюсе, то есть опасно оказаться в ситуации, которая может привести к военному столкновению (когнитивно-модальный оператор «плохо»). Противостояние двух могущественных держав вызывает осуждение (эмотивная модальность), поскольку это противостояние затрагивает интересы других государств. Конфликты между странами происходят в истории, но их следует избегать (деонтическая модальность). Когнитивный анализ данного фразеологизма с позиций диахронического подхода позволяет определить коннотации и интерпретировать семантику фразеологической единицы в медиатексте на синхронном уровне.

США и Китай находятся в состоянии торговой войны, которая может перерасти в противостояние в других сферах: технологической, правовой, финансовой, или в полномасштабные военные действия. Это вызывает озабоченность в мире, поскольку может привести к глобальному экономическому кризису.

Китайский англоязычный таблоид *The Global Times*, специализирующийся на освещении международных событий, опубликовал статью **US Space Force Devt Risks New Arms Race In Outer Space**, в которой сообщается о создании космических сил США.

In a worst case scenario, an arms race in space might result in space militarization. This would make every person on Earth under threat of the Sword of Damocles and more terrible than nukes [19].

Американский президент Дональд Трамп заявил, что космос в будущем станет пространством военного противостояния. Это приведёт к милитаризации космоса и новой гонке вооружений,

которая может выйти из-под контроля и привести к столкновению космических аппаратов на орбите и падению их на землю. Каждый житель планеты будет находиться под дамокловым мечом более опасным, чем ядерное оружие.

Дамоклов меч – это символ опасности, постоянная угроза при видимом благополучии. Фразеологизм восходит к прецедентной ситуации и прецедентному имени из древнегреческого предания. Сиракузский тиран Дионисий предложил своему вельможе Дамоклу, считавшему своего повелителя счастливейшим из смертных, на один день свой престол. Во время пира Дамокл внезапно увидел над головой обнажённый острый меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия правителя [11].

В данной статье фразеологическая единица *the Sword of Damocles* используется для характеристики опасной ситуации, к которой может привести милитаризация космоса. Когнитивный анализ фразеологизма на диахроническом уровне позволяет оценить ситуацию из античного предания. Рациональная оценка находится на отрицательном полюсе, то есть «плохо» постоянно находится под угрозой уничтожения (аксиологическая модальность). Эмоциональная оценка отражает неодобрение (когнитивно-модальный оператор «осуждение»). Деонтическая модальность определяется когнитивно-модальным оператором «не следует» подвергать себя и других смертельной опасности. Когнитивный анализ семантики прецедентного феномена, лежащего в основе фразеологизма, позволяет экстраполировать оценки на синхронный уровень значения.

Интернет-сайт *AllAfrica* публикует новости политики, экономики, культуры африканского континента. В статье **Nigeria: How China Is Exploiting Nigeria With Greek Gifts, Economic Sabotage** даётся представление об экономической экспансии Китая в Африке вообще и в Нигерии в частности.

With stakes worth billions of dollars in businesses ranging from agriculture to oil, gas, and construction, China's Greek-gift economic assistance is increasing unemployment and worsening job creation in Nigeria. ... China's exploitative business model is hinged on economic sabotage and security breaches. ... In Nigeria and across Africa, Chinese investments evoke and provoke widespread suspicion of a new form of colonialism ... 18].

В статье представлена точка зрения издания на деятельность Китая в Нигерии. Следует отметить, что интернет-сайт *AllAfrica* – это аффилированный с западными странами медийный ресурс, который продвигает европейские и американские интересы на африканском континенте и не одобряет экспансию Поднебесной в Африке.

Бурно развивающийся Китай нуждается в сырьевых ресурсах и рынках сбыта. Африканский континент находится в центре внимания Поднебесной. Китайские компании инвестируют миллиарды долларов в африканские проекты с целью получения прибыли. В Нигерии Китай занимается добычей полезных ископаемых и другими проектами, причём часто нарушая законы страны. С точки зрения издания, это новая форма колонизации континента, эксплуатации населения и извлечения ценных ресурсов. Экономическую помощь Китая в данном медиатексте характеризуют как дары данайцев, то есть благодеяние, представляющее для Нигерии потенциальную опасность, которая ведёт к росту коррупции, безработице, разрушению экономики страны.

Фразеологизм *Greek Gifts* употребляется в значении: коварные дары, несущие с собой гибель для тех, кто их получает. Это выражение связано с прецедентными текстами греческих сказаний Гомера («Одиссея») и Вергилия («Энеида»). Данайцы после длительной и безуспешной осады Трои прибегли к хитрости: они сделали огромного деревянного коня, посадили в него воинов и оставили у ворот Трои. Троянцы завезли дар в город, а ночью воины выбрались из коня и открыли ворота. Войска данайцев ворвались в город. Так пала Троя [8].

Оценочный потенциал семантики фразеологизма содержит аксиологическую модальность, то есть «плохо», что под видом инвестиций и инфраструктурных проектов скрывается новая форма колонизации (порабощения) страны. С точки зрения эмоций, эксплуатация природных и людских ресурсов вызывает осуждение (эмотивная модальность). Такая экономическая помощь не способствует развитию страны и не является нормой в международных отношениях (деонтическая модальность).

Когнитивный анализ семантики фразеологизма дары данайцев на диахроническом уровне позволяет понять актуальный смысл этого выражения в тексте.

В статье **China's 'Common Prosperity': The Maoism of Xi Jinping** международного новостного онлайн журнала *The Diplomat* со штаб-квартирой в США, освещающего политические, культурные, общественные события Азиатско-Тихоокеанского региона, даётся характеристика лидера Китая Си Дзиньпина. Лидер Поднебесной представлен как руководитель, за лозунгом которого «Всеобщее процветание» скрывается стремление к культу личности и личной диктатуре, централизации власти и нейтрализации инакомыслия.

How are Xi and the CCP using "common prosperity" to centralize power and neutralize dissent? In his pursuit of power, Xi has navigated through a dangerous strait of Scylla and Charybdis and survived what he said "raging waves and stormy seas," including attempted assassination [17].

Идеологическая направленность журнала влияет на оценку Китая и его лидера. Автор статьи Мерси А. Куо, эксперт по американо-китайским отношениям в Соединённых Штатах, представляет Китай соперником США, страной, в которой подавляются свободы и права человека, а самого руководителя Си Дзиньпина сравнивает с фашистским диктатором Гитлером.

Фразеологизм *between (through) Scylla and Charybdis* используется для характеристики руководителя Поднебесной, которому удалось взять под контроль олигархов, подавить оппозицию и добиться укрепления положения Коммунистической партии Китая.

Истоки данного фразеологизма восходят к древнегреческой мифологии. Чудища Сцилла и Харибда обитали рядом, перекрывая Мессинский пролив. Пройти мимо них не представлялось возможным. Фразеологизм между Сциллой и Харибдой означает «оказаться между двух опасностей», «находиться в тяжёлом положении, когда опасность угрожает с двух сторон» [9].

Рациональная оценка (аксиологическая модальность) в словарном толковании данного фразеологизма находится на отрицательном полюсе, то есть «плохо» подвергать себя опасности. Рискованная ситуация не вызывает одобрения. Эмотивная модальность представлена когнитивно-модальным оператором «испытай осуждение». Смертельный риск не является нормой в жизни, в обществе, в политике (деонтическая модальность).

В данной статье фразеологизм *through Scylla and Charybdis* означает «удачно избежать сразу нескольких опасностей, выбраться из почти безвыходной ситуации». В данном контексте это означает, что Си Дзиньпину удалось решить проблемы внутри страны, укрепить положение Китая на международной арене. Это имплицитно создаёт положительную оценку образа китайского руководителя.

В статье **Boris Johnson's Brexit win was a Pyrrhic victory**, опубликованной серьёзной британской газетой *The Financial Times*, анализируется состояние экономики Великобритании после выхода её из Евросоюза.

Johnson won the referendum on UK membership of the EU ... He has re-made his country. But has he remade it for the better or for the worse? Has he increased opportunities for British people, or diminished them? Has he made the UK more influential and prosperous, or less so? My answer to all these questions is: "the latter".... In the longer run, Brexit is likely to damage the UK, perhaps split it, while strengthening EU solidarity. If so, it will surely be judged a Pyrrhic victory [15].

Экономический обозреватель газеты Мартин Вулф считает, что на данном этапе Брексит привёл к ухудшению экономического положения страны, уменьшению возможностей для британцев из-за разрыва связей со странами Европейского Союза. Таким образом, победа на референдуме сторонников выхода из ЕС является *пирровой победой*. В долгосрочной перспективе Брексит, скорее всего, нанесёт ущерб Великобритании, возможно, даже расколёт её.

Пиррова победа – победа, давшаяся очень дорогой ценой; успех, равный поражению; сомнительная победа, не оправдывающая принесённых ради неё жертв [11].

Крылатое выражение обязано своим появлением эпирскому царю Пирру, который в III веке до н.э. одержал победу над римской армией при Аускуле с огромными потерями. «Ещё одна такая победа, и я останусь без войска», – сказал царь, по словам известного историка Плутарха. По другой версии, он произнес: «Ещё одна такая победа, и мы погибли!» [10].

Анализ субъективных модальностей в семантике фразеологизма *a Pyrrhic victory* позволяет определить коннотативный потенциал выражения. С точки зрения аксиологической модальности, рациональная оценка находится на отрицательном полюсе, то есть «плохо», если победа достаётся слишком высокой ценой или её последствия могут быть губительными для страны. Результаты такой победы вызывают негативные эмоции (осуждение). Сомнительная победа, не оправдавшая принесённых ради неё жертв, не соответствует нормам общества (деонтическая модальность), поскольку победа должна приносить какие-то выгоды для выигравшей стороны.

Заключение

В статье рассматриваются фразеологические единицы античного происхождения с позиций синхронического и диахронического подходов на примерах из англоязычных медиатекстов.

Фразеологизмы античного происхождения занимают особое место в общечеловеческом когнитивном пространстве, известны большинству современных людей. Исследование таких фразеологизмов в диахроническом ракурсе позволяет раскрыть не только денотативное значение, но и коннотативный потенциал, посмотреть на мир с точки зрения жизненных ориентиров и сквозь призму оценки событий представителей древнего мира. Диахронический подход даёт представление об истоках фразеологизмов, которые изначально были прецедентными феноменами, а анализ на синхронном уровне отражает актуальную семантику и оценочность ФЕ.

Многие фразеологизмы античного происхождения утратили связь с исходными прецедентными феноменами и сохранили только оценочный компонент семантики в целом. Интерпретацию смысла фразеологических единиц античного происхождения сложно осуществить, анализируя только синхронный семантический уровень, поскольку значение фразеологизма не является суммой значений его компонентов. Исследование ФЕ с использованием методов когнитивного и дискурсивного анализа позволяет определить его современный смысл в медийном тексте с учётом экстралингвистических и исторических факторов.

В заключении следует отметить, что фразеологическая система языка представляет собой систему ценностных ориентиров общества, а фразеологизмы являются субститутами событий, фактов, когнитивной репрезентацией и формой кодирования и хранения экстралингвистической информации прошлого.

© Филичкина Т.П., 2022

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь Н.Д. Арутюнова / М.: Сов. энциклопедия, 1990. [Электронный ресурс] – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (Дата доступа: 17.11.2021).
2. Беляевская Е.Г. Синхрония и диахрония в когнитивной научной парадигме / Е.Г. Беляевская [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinhroniya-i-diahroniya-v-kognitivnoy-nauchnoy-paradigme> (Дата доступа: 30.11.2021).
3. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса / пер. с англ. А. Дерябина / Т.А. Ван Дейк [Электронный ресурс] – URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm> (Дата доступа: 17.11.2021).
4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с. .
5. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки / Т.Г. Добросклонская Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. № 13. Выпуск 22. С.181-187.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. М.: ИТДГК Гнозис, 2002. 284 с.
7. Мокиенко В.М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии // Фразеология и когнитивистика: материалы 1 Международной научной конференции (Белгород. 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / В.М. Мокиенко. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. Т. 1. Идиоматика и познание. 362 с.
8. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/698/%D0%94%D0%B0%D1%80%D1%8B (Дата доступа: 08.04.2021).

9. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] – URL: https://phraseology.academic.ru/12632/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83_%D0%A1%D1%86%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%BE%D0%B9_%D0%B8_%D0%A5%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B1%D0%B4%D0%BE%D0%B9 (Дата доступа: 19.10.2021).
10. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2073/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0 (Дата доступа: 07.11.2021).
11. Словарь ABBYY Lingvo x5. Электронный словарь.
12. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия. М., 1988. С. 173–203.
13. Филичкина Т.П. Деонтические нормы в семантике фразеологических единиц русского и английского языков (на материале глагольных фразеологизмов, содержащих наименования головных уборов). Диссертация ...кандидата филологических наук: 10.02.19 / Т.П. Филичкина. Орел. 2006. 222 с.
14. Электронная энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: https://www.wikiwand.com/ru/%D0%9B%D0%BE%D0%B2%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0_%D0%A4%D1%83%D0%BA%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%B4%D0%B0 (Дата доступа: 05.04.2021).
15. Boris Johnson's Brexit win was a Pyrrhic victory [Электронный ресурс] – URL: <https://www.ft.com/content/af15b3fa-ca28-43eb-8c54-bae72d0d58dd> (Дата доступа: 07.11.2021).
16. Can U.S. And China Escape The Thucydides Trap? [Электронный ресурс] – URL: <https://www.forbes.com/sites/da-vidyu/2020/02/21/can-us-and-china-escape-the-thucydides-trap/#7976e9c014d9> Feb 21, 2020, (Дата доступа: 05.04.2021).
17. China's 'Common Prosperity': The Maoism of Xi Jinping [Электронный ресурс] – URL: <https://thediplomat.com/2021/09/chinas-common-prosperity-the-maoism-of-xi-jinping/> (Дата доступа: 19.10.2021).
18. Nigeria: How China Is Exploiting Nigeria With Greek Gifts, Economic Sabotage [Электронный ресурс] – URL: <https://allaf-rica.com/stories/201908050046.html> 4 AUGUST 2019 (Дата доступа: 08.04.2021).
19. US Space Force devt risks new arms race in outer space [Электронный ресурс] – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1188977.shtml> 2020/5/20 (Дата доступа: 08.04.2021).

References

1. Arutiunova, N.D. Diskurs // *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / N.D. Arutiunova. M.: Sov. entsiklopediia, 1990, <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (Accessed 17 November 2021).
2. Beliaevskaia, E.G. *Sinkhroniia i diakhroniia v kognitivnoi nauchnoi paradigme* [Synchrony and diachrony in the cognitive scientific paradigm] / E.G. Beliaevskaia, cyberleninka.ru/article/n/sinhroniya-i-diahroniya-v-kognitivnoy-nauchnoy-paradigme (Accessed 30 November 2021).
3. Van Deik, T.A. *K opredeleniiu diskursa* / per. s angl. A. Deriabina [To the Definition of Discourse / translated from English by A. Deryabin] / T.A. Van Deik, www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm (Accessed 17 November 2021).
4. Gudkov, D.B. *Teoriia i praktika mezhekul'turnoi kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication] / D.B. Gudkov. M.: ITDGG «Gnozis», 2003. 288 s.
5. Dobrosklonskaia, T.G. Massmediinyi diskurs kak ob'ekt nauchnogo opisaniia // *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki BelGU* [Mass Media Discourse as an Object of Scientific Description // BelSU Scientific Bulletin. The Humanities Series] / T.G. Dobrosklonskaia. Belgorod: «Belgorod National Research University», 2014. № 13. Issue 22. S. 181–187.
6. Krasnykh, V.V. *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiia: Kurs lektsii* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology: A Course of Lectures] / V.V. Krasnykh. M.: ITDGG «Gnozis», 2002. 284 s.
7. Mokienko, V.M. Kognitivnoe i akognitivnoe vo frazeologii // *Frazeologiia i kognitivistika: materialy 1 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Belgorod. 4-6 maya 2008 goda): v 2 t. [Cognitive and acognitive in phraseology // Phraseology and cognitive science: proceedings of the 1st International Scientific Conference (Belgorod. May 4-6, 2008): in 2 vol.] / V.M. Mokienko. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2008. T. 1. Idiomatika i poznanie. 362 s. S. 13–26.
8. *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on the Academic], dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/698/%D0%94%D0%B0%D1%80%D1%8B (Accessed 8 April 2021).
9. *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on the Academic], phraseology.academic.ru/12632/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83_%D0%A1%D1%86%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%BE%D0%B9_%D0%B8_%D0%A5%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B1%D0%B4%D0%BE%D0%B9 (Accessed 19 October 2021).
10. *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on the Academic], dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2073/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0 (Accessed 7 November 2021).
11. *Slovar' ABBYY Lingvo x5. Elektronnyi slovar'* [ABBYY Lingvo x5. Electronic Dictionary].
12. Teliia, V.N. Metaforizatsiia i ee rol' v iazykovo kartine mira // *Chelovecheskiy faktor v iazyke: Iazykovye mekhanizmy ekspresivnosti* [Metaphorization and Its Role in the Language Picture of the World // *The Human Factor in Language: Linguistic Mechanisms of Expressiveness*] / V.N. Teliia. M., 1988. S. 173–203.
13. Filichkina, T.P. *Deonticheskie normy v semantike frazeologicheskikh edinits russkogo i angliiskogo iazykov (na materiale glagol'nykh frazeologizmov, soderzhashchikh naimenovaniia glavnykh uborov)*. Dissertatsiia ...kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 [Deontic norms in the semantics of Russian and English phraseological units (on the material of verbal idioms with names of headgear)] / T.P. Filichkina. Orel. 2006. 222 s.
14. *Elektronnaia entsiklopediia*, www.wikiwand.com/ru/%D0%9B%D0%BE%D0%B2%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0_%D0%A4%D1%83%D0%BA%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%B4%D0%B0 (Accessed 5 April 2021).
15. Boris Johnson's Brexit win was a Pyrrhic victory, www.ft.com/content/af15b3fa-ca28-43eb-8c54-bae72d0d58dd (Accessed 7 November 2021).

16. Can U.S. And China Escape The Thucydides Trap? forbes.com/sites/davidyu/2020/02/21/can-us-and-china-escape-the-thucydides-trap/#7976e9c014d9 Feb 21, 2020, (Accessed 5 April 2021).
17. China's 'Common Prosperity': The Maoism of Xi Jinping, thediplomat.com/2021/09/chinas-common-prosperity-the-maoism-of-xi-jinping/ (Accessed 19 October 2021).
18. Nigeria: How China Is Exploiting Nigeria With Greek Gifts, Economic Sabotage, allafrica.com/stories/201908050046.html 4 AUGUST 2019 (Accessed 8 April 2021).
19. US Space Force devt risks new arms race in outer space, www.globaltimes.cn/content/1188977.shtml 2020/5/20 (Accessed 8 April 2021).

Сведения об авторе:

Филичкина Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент, сотрудник Академии ФСО России (г. Орёл). Сфера научных интересов: фразеология, медийный дискурс, межкультурная коммуникация. E-Mail: filitchkina_orel@mail.ru

About the author:

Tatiana Filichkina, Candidate of Philology (PhD), a staffer at FSO Academy (Orel, Russia). Spheres of research and professional interests: phraseology, media discourse, cross-cultural communication. E-mail: filitchkina_orel@mail.ru

* * *

PHONOESTHETICS OF GERMAN SPEECH IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN SPEAKING RECIPIENTS

Elena A. Shesterina

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The purpose of this article is to study the aesthetic side of sounding German speech perceived by native speakers of the Russian language, as well as to determine the linguistic mechanisms that determine the nature of their assessment. Current changes in Russian-speaking recipients' perception of the sounding German speech are revealed. The posts in the Internet forums are analyzed, and negative stereotypes are identified which determine the assessment of the aesthetics of German pronunciation, and its origin, with a special role played by feature films about the war against Nazi Germany and documentary chronicles with the speeches of National Socialism leaders. The conclusion is made about the excessive emotionality and aggressiveness of such speeches, however, this manner of speaking is a "stage language" (Bühnensprache) which is not typical of everyday German communication. This aggressively stylized sounding of the German language is used today in popular culture often to create a feeling of rudeness among foreign-language recipients. At the segment level, the negative assessment of sounding German speech by Russian-speaking recipients is associated with the pronunciation of the uvular trembling consonant [ʀ] and the voiced uvular spirant [ʁ]. Aspirates and glottal stops in the German language foster the participants of the experiment and the authors of the posts on the Internet to characterize German speech as clear, but in terms of its melody – as torn or "barking". Due to the aspiration of voiceless plosives, as well as voiceless palatal spirant [ç], Russian-speaking recipients characterize German speech as hissing and whistling. At the suprasegmental level, greater tension in the pronunciation of sounds, along with a rising tone in neutral communication, make Russian-speaking recipients qualify German speech as rough and aggressive.*

Keywords: *phonoaesthetics, sounding speech, sound aesthetics, speech perception, internet forum, associative experiment, staccato and legato, segmental and suprasegmental levels*

For citation: Shesterina, E.A. (2022). Phonoesthetics of German Speech in the Perception of Russian Speaking Recipients. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 63–74. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-63-74>

ФОНОЭСТЕТИКА НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГОВОРЯЩИХ РЕЦИПИЕНТОВ

Е.А. Шестерина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Целью настоящей статьи является изучение эстетической стороны звучания немецкой речи в сознании носителей русского языка, а также определение лингвистических механизмов, которые обуславливают характер оценки. Выявляются изменения в восприятии русскоязычными реципиентами эстетики звучания немецкой речи на современном этапе. Анализируются посты на интернет-форумах, выявляются негативные стереотипы, определяющие оценки эстетической стороны немецкого произношения, и их истоки, среди которых особое значение отводится художественным фильмам на тему Второй мировой войны и документальные фильмы с демонстрацией речей лидеров германского национал-социализма. Делается вывод о высокой эмоциональности и агрессивности подобных речей. Однако такая манера речи является «сценическим языком» (*Bühnensprache*) и не типична для повседневного общения немцев. Это агрессивно стилизованное звучание немецкого языка используется сегодня в продуктах массовой культуры и часто создаёт у иноязычных реципиентов представление о грубости звучания немецкого языка. На сегментном уровне негативная оценка звучания немецкой речи русскоязычными реципиентами связана с произношением увулярного дрожащего согласного [ʀ] и звонкого увулярного спираанта [ʁ]. Придыхание и твёрдый приступ в немецком языке дают основания испытуемым эксперимента и посетителями форумов характеризовать немецкую речь как чёткую, но с точки зрения её мелодики звучания – как рваную или «лающую». Из-за наличия аспирации глухих взрывных, а также глухого палатального спираанта [ç] русскоязычные реципиенты характеризуют немецкую речь как шипящую и свистящую. На супraseгментном уровне большая напряжённость при произнесении звуков наряду с восходящим движением тона в нейтральной коммуникации побуждает русскоговорящих реципиентов квалифицировать немецкую речь как грубую и агрессивную.

Ключевые слова: фоноэстетика, звучащая речь, эстетика звучания, восприятие речи, интернет-форум, ассоциативный эксперимент, стаккато и легато, сегментный и супraseгментный уровни

Для цитирования: Шестерина Е.А. (2022). Фоноэстетика немецкой речи в восприятии русскоговорящих реципиентов. *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 63–74. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-63-74>

1. Введение (INTRODUCTION)

Фоноэстетика, или оценка немецкой звучащей речи и связанных с ней сегментных и супraseгментных параметров, объясняющих восприятие русскоязычными реципиентами благозвучности или неблагозвучности немецкого произношения, до настоящего времени слабо представлены как в фоностилистике, так и в теории стереотипов. Решение данной проблемы представляется **актуальным**, так как в повседневном общении распознавание звучащей иностранной речи и идентификация говорящего как представителя определённого этноса может

активизировать ассоциируемые с ним стереотипы и, как следствие, вызвать положительные или отрицательные эмоции в отношении иностранцев. Знание лингвистических механизмов, определяющих специфику восприятия иностранной звучащей речи, может способствовать разрушению негативных стереотипов, которые бытуют в одной лингвокультурной общности по отношению к представителям другой.

Исследования фоноэстетики проводились на материале различных языков. Так, например, Е.Г. Мусаева обращается к позитивной фоноэстетике слоговых и сегментных маркеров английского языка [7]. Было установлено также, что одни звуки английского языка воспринимаются иностранцами как приятные, ритмичные и гармоничные, а другие – как резкие, неприятные, хаотичные и т.п. [14].

Эвфонии как благозвучию звуковых цепочек посвящён ряд работ Ю.А. Тамбовцева. Автор пытается с помощью статистических процедур определить величину эвфонии (минимальную, максимальную или среднюю) в индоевропейских, палеоазиатских, урало-алтайских и других языках мира. Он приходит к выводу, что эвфония, или благозвучие, основывается на звуковой цепочке гласных и сонорных согласных и является языковой универсалией, так как в той или иной степени присуща любому естественному языку [13, с. 114].

В последнее время наблюдается интерес к искусственным и вымышленным языкам художественной действительности – фантастическим языкам, существующим только в рамках определённого литературного произведения. Одним из аспектов изучения таких языков является фоноэстетика и, в частности, зависимость между особенностями искусственных фонетических систем и их влиянием на благозвучность вымышленных слов [см., напр.: 6].

В аспекте изучения оценки восприятия звучащей немецкой и русской речи необходимо, в первую очередь, назвать исследования, посвящённые эмоциональности звучания [см. напр.: 1; 2]. В университете имени Мартина Лютера Галле-Виттенберг ведутся активные аудитивные и акустические исследования оценки произношения звучащей речи [см. напр.: 16; 17]. Аудитивный аспект спонтанной устной речи исследуется также в рамках экспериментальной фонетики на материале детской речи носителей русского и немецкого языков, например, при разработке каталога оценивания просодических маркеров спонтанной звучащей речи в немецком и русском языках [10].

Если речь идёт о характеристиках звучащей речи, то нельзя обойти вниманием теорию Ф. Трояна об отнесении произносительных систем всех языков либо к «стаккато», либо к «легато» [18]. Так, комплексная картина немецкого произношения удачно вписывается в представление о ней как о «стаккато», так как характеризуется напряжённым артикулированием, форсированным голосообразованием (твёрдым приступом и сильным отступом), толчкообразной динамикой слогов, узким мелодическим диапазоном, тяготением к монотонности звучания и т.п. Произношение в русском языке соответствует представлению о «легато»: ненапряжённая артикуляция, нефорсированное голосообразование, расширенный мелодический диапазон, неупорядоченный ритмический рисунок и т.п. [11, с. 208–209].

Изучение характеристик устной звучащей речи совершается, как правило, лингвистами-профессионалами, которые привлекают современные компьютерные программы, базирующиеся на объективных фонетико-фонологических параметрах. Как отмечает Т.М. Николаева, полученные таким образом результаты зачастую разнятся с наивными представлениями рядовых носителей языка о звучащей иностранной речи [8, с. 39]. Чтобы заполнить этот недостаток, в настоящем исследовании мы определяем цель – составить наивную картину эстетической оценки звучания немецкой речи, представленную в сознании носителей русского языка, объяснить лингвистические механизмы, обуславливающие характер оценки, и выявить изменения в восприятии русскоязычными реципиентами фоноэстетики звучания немецкой речи за последние 15 лет (2007–2022).

Теоретическая значимость проведённого исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы для развития теории когнитивного восприятия окружающей действительности, усовершенствования лингвистических процедур оценивания реципиентом фоноэстетики звучащей речи как родного, так и иностранного языка. **Практическая ценность** исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы как мотивирую-

щий фактор для изучения немецкого языка, на бизнес-тренингах по подготовке специалистов, ведущих дела с немецкими фирмами, а также на других мероприятиях в русле межкультурной коммуникации с целью избавления русскоязычных участников от негативных стереотипов о Германии и немцах, в том числе о звучании немецкой устной речи.

2. Материал и методика исследования (METHODOLOGY AND MATERIALS)

В качестве материала исследования послужили посты на русскоязычных интернет-платформах, посвящённых оценке звучания немецкой речи: видео «Почему немецкий звучит так жёстко?» (<https://www.youtube.com/watch?v=00I72E5T3TU>) и текст «Самый грубый язык» (<https://zen.yandex.ru/media/itrexru/samyi-grubyi-iazyk-5ec54400fc887676265f4885>). Было проанализировано 2543 комментария к видео и 519 комментариев к тексту. Выбор данных источников обусловлен тем, что они вызвали оживлённую и массовую (в общей сложности 3062 реакции) дискуссию зрителей и читателей, в то время как другие дискуссии по материалам доступных в Интернете публикаций на тему восприятия благозвучности немецкой речи включают в себя менее 20 комментариев. При этом авторы взятых для исследования материалов в отличие от других источников не производили цензуру высказываний, о чём свидетельствует отсутствие указаний на удаление комментариев. Таким образом, представилось возможным проанализировать все высказывания зрителей и читателей, даже если они могли не совпадать с позицией авторов материалов и даже быть некорректными.

На начальном этапе исследования проводился контент-анализ комментариев посетителей форумов и посредством сплошной выборки определялись высказывания, в которых даётся отсылка к фоноэстетике немецкого языка. При этом отбирались ответы как с положительной, так и с отрицательной оценкой русскоязычными реципиентами эстетической стороны немецкого произношения.

На втором этапе проведения исследования все выявленные высказывания, касающиеся фоноэстетики немецкого языка, были распределены по видам оценок – благозвучности или неблагозвучности немецкого произношения, например: грубый, мелодичный, резкий, певучий и т.п.

В дальнейшем проводилась работа по установлению связи между определёнными оценками русскоязычными реципиентами звучания немецкой устной речи и фонетическими особенностями немецкого языка. Кроме того, в дискуссионном модуле была предпринята попытка объяснить существующее представление русскоязычных реципиентов о фоноэстетике немецкой устной речи, в том числе и в связи с экстралингвистическими факторами.

На заключительном этапе были выполнены статистические подсчёты проанализированного корпуса высказываний и произведено сравнение со статистическими данными более ранних исследований для выявления возможного изменения модуля оценивания эстетической стороны немецкого звучания русскоязычными реципиентами.

3. Результаты исследования (RESULTS)

В анализируемых интернет-форумах, насчитывающих 3062 комментария общим объёмом 204 стандартных страниц (1 стандартная страница = 1800 печатных знаков с пробелами), было отобрано 317 высказываний (21 стандартная страница), в которых даётся оценка немецкому языку в совокупности всех лингвистических аспектов, из которых 135 высказываний (9 стандартных страниц) содержат фоноэстетическую оценку немецкой речи участниками русскоязычных интернет-форумов.

Распределение выбранных высказываний на положительные и отрицательные оценки немецкого произношения позволило выявить следующую картину: 43 высказывания посетителей интернет-форумов имеют позитивную, а 92 – негативную коннотацию. Распределение высказываний по характеру оценки и источнику представлено в Таблице 1:

Таблица 1. Положительные и отрицательные оценки немецкого произношения русскоязычными посетителями интернет-форумов

	zen.yandex.ru	youtube.com
Положительная оценка	11	32
Отрицательная оценка	26	66

Для определения возможной зависимости оценки фоноэстетики немецкого языка от специфики состава участников обоих форумов мы воспользовались статистической процедурой вычисления коэффициента взаимной сопряжённости Пирсона¹. Полученное значение 0,028 даёт основание утверждать, что связь между принадлежностью участников к одному из анализируемых форумов и производимой оценкой является несущественной и ей можно пренебречь. Это говорит о том, что для дальнейшего анализа отобранного материала все примеры можно суммировать и рассматривать как единое целое.

Все выявленные фоноэстетические оценки образуют бинарные оппозиции на основе критерия благозвучности или неблагозвучности устной немецкой речи. В Таблице 2 представлены бинарные оппозиции фоноэстетических оценок и их количественный состав в анализируемом корпусе примеров:

Таблица 2. Бинарные оппозиции фоноэстетических оценок устной немецкой речи

№ п/п	Эстетичное звучание	Неэстетичное звучание
1.	брутально, хрипло, мужественно (если переднеязычный [r]) – 12	картаво (если увулярные варианты [ʀ] и [ʁ]) – 14
2.	чётко, внятно, выразительно – 10	резко – 15
3.	мелодично – 6	немелодично – 10
4.	нежно – 3	грубо – 19
5.	мягко – 2	жёстко – 14
6.	спокойно – 2	агрессивно – 17
7.	плавно – 1	отрывисто / «лающе» – 6
8.	звонко – 1	шипяще, свистяще – 3
Итого:	37 оценок – 27 %	98 оценок – 73 %

В следующей части статьи проанализируем связи между оценками русскоязычных реципиентов определённых параметров немецкого произношения и их фонетической реализацией в немецкой звучащей речи.

4. Анализ результатов исследования (ANALYSIS)

Несмотря на доминирующее влияние сложившегося в русском лингвокультурном обществе стереотипного императива преимущественно негативного оценивания эстетики звучания устной немецкой речи, существуют, тем не менее, и объективные лингвистические причины, почему носители русского языка наделяют немецкое произношение нелицеприятными характеристиками.

В обоих сравниваемых языках есть специфические звуки, присущие только одному языку. На негативное восприятие русскоязычными реципиентами немецкого звучания влияет, в первую очередь, наличие в последнем увулярного дрожащего согласного [ʀ] и звонкого увулярного спиранта [ʁ]. Эти звуки являются аллофонами и воспринимаются носителями русского языка как «картавый русский [ʀ]», который и в русском языке воспринимается как неэстетичный звук, например:

*Что вообще красивого в этой **картавости**!?*²

¹ Подсчёт проводился с помощью онлайн-калькулятора на вебсайте <https://medstatistic.ru/calculators/calchi.html>.

² Высказывания приводятся в орфографии и пунктуации их авторов.

*Их **картавое** р меня бесит, а **хриплое** немецкое р очень нравится.*

*Мне кажется, такие языки как русский, немецкий в принципе достаточно **ЖЁСТКО** звучат из-за Р, Г и других **грубых** звуков.*

Рассматриваемые согласные часто выступают в качестве средства стилизации немецкой речи в выступлениях российских комиков.

Следует отметить, что наблюдается более лояльное отношение русскоговорящих к альвеолярному дрожащему согласному [r], имеющему территориальные и жанровые ограничения. С одной стороны, он похож на соответствующий русский звук, с другой стороны, он представлен в массовой культуре, как, например, у культовой для многих российских слушателей немецкой группы «Rammstein», о чём говорится в следующем высказывании:

*По большому счёту при использовании немецкого языка метал группам даже гроулинг или скриминг не нужно применять, на столько **брутально** он звучит за счёт обилия согласных и **рычащей «р»**.*

Последний пример содержит в себе отсылку к сложным слогам в немецком языке, которые характеризуются наличием большого количества согласных звуков при одном кратком гласном, как например: *Strand, Wurst, Spruch, Trumpf, schwitzt, tanzt* и т.п. Такое большое скопление согласных лишает слова протяжности, певучести, что даёт основание некоторым русскоязычным реципиентам приписать немецкому звучанию такую характеристику как «немелодичность», «отрывистость» и «резкость». В русском языке тоже имеются слова с большим скоплением согласных, но они не являются многочисленными, часто заимствованные, в том числе и из немецкого, и при произнесении могут выпадать, как например: *солнце, ягдташ, масштаб* и т.п. Большое количество согласных является, тем не менее, фактором, способствующим оценить немецкое звучание, с одной стороны, как резкое и неплавное, а с другой, как чёткое и выразительное, например:

*Но обратите внимание что все слова закрытые, т. к. заканчиваются на согл буквы. Это уже **жёсткость**.*

*По мне английский звучит как абсолютно не имеющий ни одного твёрдого звука ни «Т» ни «Р» ни «К» ни одного внятного звука, как будто все англоговорящие люди беззубые, французский для меня как гундящий, все звуки через нос, а немецкий **чёткий, внятный и понятный** на слух, а самое главное он легко читается – как написано так и произносится.*

*Теперь я поняла, почему мне так тяжело запоминаются немецкие слова. Все эти **кластеры согласных, чуждые славянским языкам**.*

Восприятие носителями русского языка немецкой звучащей речи как резкой и отрывистой связано также с ещё одной особенностью немецкого произношения – твёрдым приступом, то есть артикуляцией гласного звука в начале слова в результате гортанной смычки и внезапного и энергичного выпуска воздуха. Благодаря этой особенности произнесения гласных в начале слова, а также в корне на гласную после приставки, немецкая речь не является текучей, поскольку слова не соединяются друг с другом, как, например, во французском языке, а разъединяются паузами, которые необходимо сделать говорящему, чтобы произвести гортанные смычки. Как в русском, так и в немецком языке в устной речи присутствует редукция безударных гласных, ассимиляция, оглушение звонких в конце слова. Более того, в немецком языке в отличие от русского оглушение выступает в качестве сигнала разграничения слов как в высказывании, так и внутри слова между приставкой и корнем [12, с. 20]. Благодаря произнесению немецких глухих согласных с придыханием, а гласных в начале слова с твёрдым приступом возникают более долгие, чем в русском языке, паузы, а вместе с ними и более чёткое разграничение между немецкими морфемами и словами. Это позволяет русскоязычному слушателю определить на слух границы слов, что объясняет приписывание немецкой речи участниками ассоциативного эксперимента и посетителями форумов характеристики «чёткая», например:

*Немецкий язык звучит не столько грубо, сколько **чётко и звонко** – как будто такт отбивают.*

Определённую лепту в оценку русскоязычными реципиентами немецкого звучания речи как резкого и отрывистого вносит ещё одна фонетическая особенность немецкого языка – придыхание (аспирация), с которым произносятся глухие взрывные согласные [p], [t], [k], особенно в

конец слова. Если учесть, что звонкие согласные в устной речи оглушаются, то феномен аспирации реализуется часто в звучащей речи. Для того чтобы реализовать аспирированный согласный, говорящему приходится производить придыхание, после которого требуется небольшая пауза, чтобы настроить речевой аппарат на произнесение следующего слова.

Произнесение немецких глухих согласных с придыханием связано с энергичным выбросом струи воздуха из ротовой полости и образованием небольшого шума или присвиста, что может создавать у русскоязычного слушателя ощущение шероховатости и шипения. Похожий эффект наблюдается также при произнесении не менее энергичного *ich-Laut* – глухого палатального спиранта [ç]. В отличие от других германских языков в немецком языке в результате второго передвижения глухих согласных появились аффрикаты, которые дополнительно обогащают восприятие немецкой речи некоторыми испытываемыми в ассоциативном эксперименте и участниками форумов как «шипящей» или «свистящей»:

По звучанию немецкий просто шипящий.

Если используются правила произношения так сказать из hoch Deutsch, то есть человек не шипит как змея (ишь мощьтэ usw.) и не забывает про мягкость некоторых звуков по умолчанию, то я просто обожаю такой немецкий.

Я прям свист какой-то слышу, когда немцы говорят. Особенно женщины.

Характеристики звучаний немецкой речи как грубой и жёсткой относятся к одним из самых частотных в высказываниях посетителей интернет-форумов. Однако фактор «грубости немецкого звучания» не представляется возможным объяснить с позиций одного определённого лингвистического феномена. Часто свою оценку немецкого языка как грубого русскоязычные реципиенты уточняют с помощью других характеристик немецкого произношения, которые, с их точки зрения, звучат неэстетично для русского уха, как это представлено в следующих высказываниях участников форумов:

Немецкий язык грубый с большим количеством шипящих.

По сравнению с испанским или итальянским немецкий звучит грубо. Когда я слышу испанца или итальянца, я слышу эмоции, мелодию, речь звучит словно бурный лесной ручей. Когда я слышу немецкий язык я слышу отрывистые звуки, как будто снег с крыши падает. Отдельные бух бух!

Да немецкий немного грубовато звучит... Чем больше согласных в слове и чем чётче выговаривается каждая буква, тем язык будет грубее.

Да казахский язык тоже не менее жёстко звучит чем немецкий, т.к. тоже очень много гортанных звуков, согласных и слова всегда заканчиваются на согласные буквы с носовым произношением ng.

На русскоязычных интернет-форумах по теме фоноэстетики немецкого языка часто называется такая характеристика немецкой звучащей речи как «агрессивность»:

Немецкий язык слишком агрессивный!

Немецкий язык звучит сильно, агрессивно и иногда грубо.

Не знающий язык человек говорящий на славянской группе языков воспринимает немецкий как агрессивный.

Совокупность представленных фонетических признаков немецкого произношения (придыхание, твёрдый приступ) и особого ритма немецких высказываний с резким скачком тона в месте фразового ударения побуждают носителей русского языка квалифицировать немецкую речь как отрывистую, чеканную или лающую:

Послушайте записи выступлений Гитлера, сплошной лай!

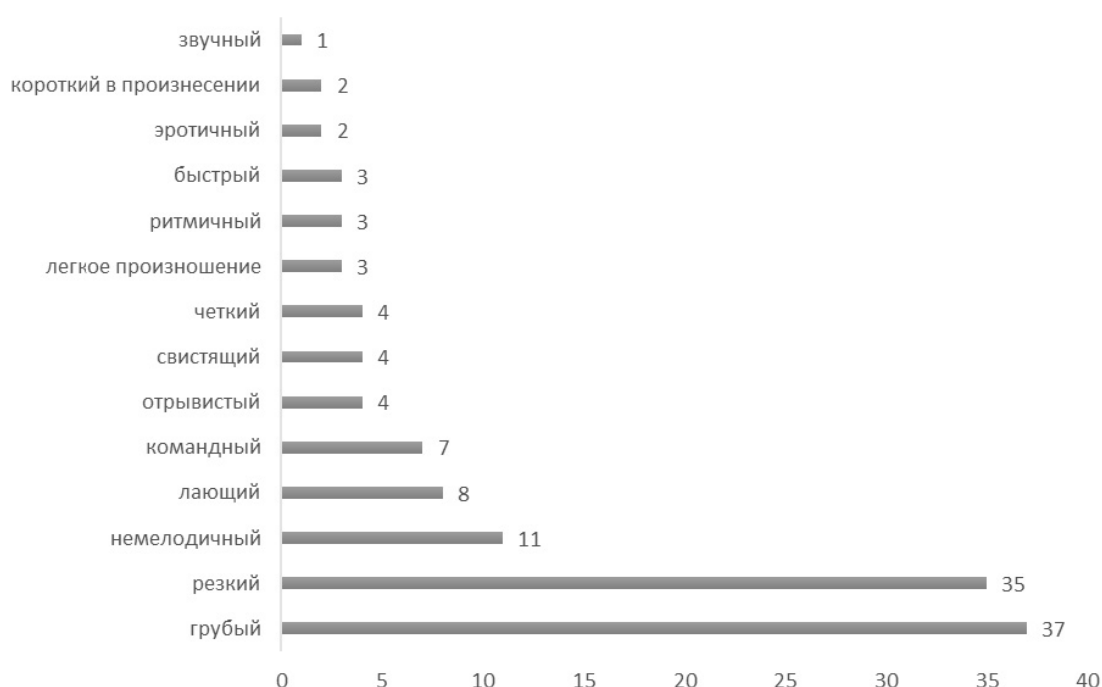
Английский мелодичен, а немецкий прерывистый. Его ещё ассоциируют с лаем собаки.

Если звучит немецкий в мужском исполнении, сразу всплывают в сознании шепелявые автоматные очереди, и собачий лай.

5. Обсуждение результатов исследования (DISCUSSION)

Полученные нами результаты могут быть использованы при определении тенденции возможного изменения модуса оценивания русскоязычными реципиентами эстетической стороны немецкого звучания за последние два десятилетия. Для этого мы сравним статистические данные, полученные в настоящем исследовании, с данными более ранних трудов. Наиболее подходящей для нашей цели представляется работа З.Д. Поповой и И.А. Стернина, датируемая 2007 годом. В отличие от других комплексных исследований стереотипов о немцах в русской лингвокультуре [ср., напр.: 4] в монографии З.Д. Поповой и И.А. Стернина содержатся среди прочего результаты ассоциативного эксперимента о восприятии немецкого языка носителями русского языка как родного [9, с. 51–53]. Представим в виде диаграммы (Диаграмма 1) те реакции (121 ответ), которые характеризуют только звучание устной немецкой речи, а не лексико-грамматическое строение языка:

Диаграмма 1. Результаты ассоциативного эксперимента З.Д. Поповой и И.А. Стернина: характеристики звучания устной немецкой речи

Если рассмотреть коннотацию отдельных характеристик устной немецкой речи, то становится очевидным, что русскоязычные реципиенты не дают единой оценки эстетике звучания немецкого языка. Полученные в результате ассоциативного эксперимента реакции могут быть сгруппированы по критерию коннотации оценки, которую дают им испытуемые, и представлены графически следующим образом (Таблица 3):

Сравнение статистических данных, полученных нами в результате анализа высказываний посетителей интернет-форумов, с результатами исследования З.Д. Поповой и И.А. Стернина, позволяет говорить о тенденции к изменению восприятия русскоязычными реципиентами фоноэстетики звучания немецкой речи в период с 2007 по 2022 годы. В этот период наблюдается рост положительных оценок благозвучности немецкого произношения с 12% до 27% и уменьшение оценок неблагозвучности с 88% до 73%. Тем не менее, полученный результат является лишь предварительным и требует своего подтверждения на материале специальных комплексных исследований психолингвистического характера, так как он указывает на возможные изменения в сознании носителей русского языка в отношении фоноэстетики немецкого произношения.

**Таблица 3. Результаты ассоциативного эксперимента З.Д. Поповой и И.А. Стернина:
эмоциональная оценка звучания устной немецкой речи**

Эстетичное звучание	Неэстетичное звучание
чёткий – 4 лёгкое произношение – 3 ритмичный – 3 эротичный – 2 короткий в произнесении – 2 звучный – 1	грубый – 37 резкий – 35 немелодичный – 11 лающий – 8 командный – 7 отрывистый – 4 свистящий – 4
15 ответов = 12%	106 ответов = 88%

Результаты, полученные нами на материале фоноэстетики немецкой речи, согласуются с выводами З.Д. Поповой и И.А. Стернина об общей тенденции доминирования негативных представлений о различных аспектах немецкого языка среди носителей русского языка. Объяснение такому положению дел предлагает Н.А. Каск. По её мнению, после Великой Отечественной войны сформировалось устойчивое негативное восприятие фонетической стороны немецкого языка, чему также способствовали советские художественные фильмы на военную тематику. Немцев озвучивали в основном русскоговорящие дикторы в агрессивных коммуникативных ситуациях (приказы или угрозы), в которых немецкая речь звучала нарочито жестоко. Эффект антипатии к действиям немцев, а вместе с тем и к их речевому поведению усиливался благодаря жестоким сценам военных действий [5, с. 253-261]. Роль художественных фильмов советского и российского производства на тему Великой Отечественной войны в формировании негативной фоноэстетики немецкого произношения отмечают и посетители проанализированных нами интернет-форумов на тему оценки звучания немецкой речи, например:

А я считаю, что немецкий язык звучит очень ласково и нежно, а наше ложное представление о грубости языка исходит из фильмов на военную тему, где играют русские актёры, грубо (а иногда нарочито грубо) говоря на немецком языке.

Очаровательный язычек! В нем слышится рёв танковых двигателей, лязг металла, военные команды, звон падающих гильз...

В лингвистическом плане причину возможного восприятия немецкой речи в нейтральном модусе как агрессивной можно объяснить различным характером движения тона в обоих языках. В немецком языке агрессивные интенции реализуются посредством восходящего движения тона, а в русском языке – преимущественно нисходящим тоном [1, с. 20]. Следовательно, носители русского языка могут ассоциировать нисходящий тон немцев в модусе нейтрального общения с агрессивными интенциями и таким образом составить неверное представление о фоноэстетике немецкой речи.

Ещё одним фактором, оказывающим существенное влияние на восприятие русскоговорящими реципиентами немецкой речи как агрессивной, являются документальные фильмы с речами нацистских лидеров, в первую очередь, Гитлера, что подмечают также участники форумов:

Это всё стереотипы. Именно из-за того что многие из нас слышали пламенные речи Гитлера, и складывается такое ощущение что немецкий такой.

Это стереотип, который в первую очередь исходит из фильмов про Вторую Мировую, где всегда показаны злые бойцы Вермахта или СС. Ну и ещё один харизматичный тип австрийского происхождения замешан. Есть естественно некая твёрдость в немецком, но без исторического контекста она не была бы столь стереотипной.

Агитационные речи военного времени характеризуются чрезмерной эмоциональностью и агрессивностью. Однако такая манера говорения носит название «сценический язык» (*Bühnensprache*) и не типична для повседневного общения немцев в настоящее время. Появление сценического немецкого языка обязано Т. Зибсу, представившему в 1898 году свои соображения по поводу нормирования немецкого языка, в котором диалектная раздроблённость в то время играла ведущую роль. Немецкая сценическая речь характеризовалась преувеличенной вырази-

тельностью, высоким тоном говорения, пафосностью и была свидетельством того, что оратор отменно владеет сценическим искусством говорения. В таком виде сценический немецкий язык просуществовал до 1940-х годов. Демагогические и человеконенавистнические речи Гитлера привели к исчезновению такой манеры говорения в послевоенной Германии. Как отмечает К. Дёссель, в настоящее время такой стиль является «некорректным» и идеологически подозрительным. Содержание, оформленное в таком стиле, звучит чуждо, искусственно, китчево и в современном сценическом искусстве практически не применяется [15, с. 2016]. Элементы сценического немецкого языка с преувеличенными произносительными характеристиками могут быть использованы как средство комического и иронии, а также как элемент конструирования музыкальных направлений, например, индастриал-метала и немецкой тяжёлой сцены (Neue Deutsche Härte). Это нарочито агрессивно стилизованное звучание немецкого языка в продуктах массовой культуры часто создаёт у иноязычных реципиентов представление о грубости звучания немецкого языка, но может интерпретироваться слушателями как позитивно коннотированный эффект «брутальности», о чём свидетельствуют и высказывания посетителей форумов:

Или же вот Рамштайн тоже добавляет брутальности своим хардрок.

Для меня он звучит грубо (так как вы объяснили на начале видео), но именно этим он меня и привлекает) + я фанат группы Rammstein :)

Среднестатистический русский обыватель слышал немецкий либо из мотивационных речей широко известного австрийского художника, либо из уст некоего Тилля Линдемана (лайк за Mutter!), и в обоих случаях их речь до краёв набита экспрессией.

Ослабление отрицательных стереотипов относительно фоноэстетики немецкого языка может происходить в связи с изменением социально-коммуникативной ситуации. Такая тенденция прослеживается ещё в ассоциативном эксперименте, проведённом З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Если сравнить реакции испытуемых, имеющих контакты с немцами, с реакцией тех, кто с ними не общается, то выясняется, что у первого контингента лиц намного меньше отрицательных отзывов о звучании немецкого языка. У тех, кто переехал на постоянное место жительства в Германию, отсутствуют негативные высказывания относительно звучания немецкой речи, и большинство реакций касаются сложности, логичности или красоты строения языка [9, с. 51–53].

Углубление глобализационных процессов в мире, в которые, несомненно, вовлечены и российские граждане, способствовало появлению изменений в восприятии носителями русского языка звучания иностранных языков и, в частности, немецкого [см., напр.: 3]. Увеличение межличностных контактов граждан России и Германии, возможность близко познакомиться с бытом и культурой друг друга приводит к постепенному ослаблению традиционных негативных стереотипов друг о друге, в том числе об эстетике звучания языков, например:

Мы с детства слышим язык немецкого фельдфебеля. Когда слышишь, как разговаривают немецкие женщины – это совсем другое восприятие.

Раньше, когда я немецкий язык слышала в школе и в фильмах про войну, он мне раздался грубым. Но, когда пришлось поехать в Германию работать (я работаю периодически, уже в течении трёх лет) в немецких семьях, по уходу за пожилыми и больными людьми) я услышала совершенно другой немецкий язык. Оказывается он звучит очень мягко и красиво, особенно, когда говорят дети.

Я считал немецкий грубым языком до пятого класса, пока не начал его учить.

6. Заключение (CONCLUSION)

Проведённое исследование высказываний на интернет-форумах показало, что наивная картина эстетической оценки звучания немецкой речи конструируется в сознании носителей русского языка преимущественно на основе традиционных стереотипов. В то же время обнаружено, что доля негативных оценочных суждений о звучании немецкой речи у русскоговорящих реципиентов за последние 15 лет снижается, что обусловлено процессами глобализации и, как следствие, увеличением частоты непосредственных контактов между носителями различных языков и взаимовыгодным сотрудничеством.

Оценка произношения немецкой речи на сегментном уровне связана с фонетической особенностью увулярного дрожащего согласного [ʀ] и звонкого увулярного спиранта [ʁ], звучание которых представляется русским реципиентам неблагозвучным. Такие особенности немецкой фонетики как придыхание и твёрдый приступ вызывают у посетителей форумов, с одной стороны, ощущение того, что немцы произносят слова чётко, а, с другой стороны, мелодика звучания представляется рваной, или «лающей», что ассоциируется с грубым, агрессивным и немелодичным произношением. К тому же, наличие аспирации глухих взрывных, а также глухого палатального спиранта [ç] даёт основание русскоязычным реципиентам характеризовать немецкую речь как «шипящую» или «свистящую».

На супraseгментном уровне оценивание немецкого произношения носителями русского языка как неэстетичного определяется спецификой ритмического рисунка в немецкой речи. Напряжённость произнесения звуков вкупе с восходящим движением тона в нейтральной коммуникации, что в русской устной речи проявляется при реализации агрессивных интенций, побуждает русскоговорящих реципиентов квалифицировать немецкую речь как «грубую» и «агрессивную».

Дальнейшую перспективу исследования мы видим в изучении воздействия так называемой массовой поп-культуры как культуры быта, развлечений и информации, преобладающей в современном обществе, на характер восприятия благозвучности/неблагозвучности немецкого произношения. Перспективным представляется также рассмотрение оценки фоноэстетики немецкой речи в прикладном аспекте – в поиске путей и способов преодоления негативных стереотипов и формирования позитивных.

© Шестерина Е.А., 2022

Список литературы

1. Величкова Л.В. Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи / Л.В. Величкова // Вопросы психолингвистики. 2007. №5. С. 20–27.
2. Глушак В.М. Роль эмоций в структуре речеповеденческих модусов / В.М. Глушак // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 50–57.
3. Глушак В.М. Стереотипные основания взаимного восприятия русских и немцев: монография [на нем. яз.] / В.М. Глушак. М.: Издательство МГИМО-Университет, 2018. 292 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с.
5. Каск Н.А. Фонетический портрет солдата вермахта в коммуникативном сознании российского зрителя / Н.А. Каск // Collegium linguisticum: материалы ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ, Москва, 14–15 марта 2019 года. 2019. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. С. 253–261.
6. Левшунов Н.Д. Фоноэстетика как один из основополагающих признаков при создании вымышленных языков художественной действительности (на материале сопоставления Клингонского языка и языка Квенья) / Н.Д. Левшунов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №3(57). Ч. 2. С. 100–104.
7. Мусаева Е.Г. Фонетические аспекты речевого воздействия в британской политической речи / Е.Г. Мусаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1. Ч. 1. С. 123–127.
8. Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках / Т.М. Николаева. М.: Наука, 1969. 286 с.
9. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
10. Поспелова С.Н. Аудитивный анализ спонтанной звучащей детской речи с использованием каталога просодических признаков / С.Н. Поспелова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 88–93.
11. Потапова Р.К. Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
12. Рогова М.К. Сопоставление фонетических систем немецкого и русского языков / М.К. Рогова // Русский язык за рубежом. 1979. №1(57). С. 18–23.
13. Тамбовцев Ю.А. Эвфония звуковой цепочки языка / Ю.А. Тамбовцев // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 108–115.
14. Crabtree M., Powers J. Arbitrariness in Language // Linguistics of American Sign Language. Washington, D.C.: Gallaudet Univ. Press, 2000. P. 226–230.
15. Dössel Ch. Schöne Stimmen // Süddeutsche Zeitung. 29.04.2016. URL.: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/theater-schoene-stimmen-1.2973343> (дата обращения: 12.01.2022).

16. Eichinger L.M. Aktuelle Spracheinstellungen in Deutschland: erste Ergebnisse einer bundesweiten Repräsentativumfrage / A.-K. Gärtig, A. Plewnia u.a. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2009. 63 S.
17. Stock E. Wirkungen des Stimm- und Sprechausdrucks / E. Stock // Sprechwirkung: Grundfragen, Methoden und Ergebnisse ihrer Erforschung. Berlin: Akademie Verlag, 1991. S. 59–142.
18. Trojan F. Biophonetik / F. Trojan. Zürich: Bibliographisches Institut AG, 1975. 264 S.

References

1. Velichkova, L.V. "Psikholingvisticheskaia osnova issledovaniia emotsional'nosti zvuchashchei rechi" [Psycholinguistic basis for the study of the emotionality of sounding speech]. *Voprosy psikholingvistiki*, vol. 5, 2007, pp. 20–27.
2. Glushak, V.M. "Rol' emotsii v strukture rechepovedencheskikh modusov" [The role of emotions in the structure of speech behavioral modes]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, vol. 2, 2006, pp. 50–57.
3. Glushak, V.M. *Stereotypenbedingte Einstellungen in der wechselseitigen Wahrnehmung von Deutschen und Russen*. Moscow: MGIMO, 2018.
4. Karaulov, Iu.N. et al. *Russkii assotsiativnyi slovar'*. T. I. *Ot stimula k reaksii: okolo 7000 reaksii*. T. 2. *Ot stimula k reaksii: bolee 100 000 reaksii* [Russian associative dictionary. Vol. I. From stimulus to response: Approx. 7000 incentives. Vol. II. From stimulus to response: Over 100,000 responses]. Moscow: AST-Astrel', 2002.
5. Kask, N.A. "Foneticheskii portret soldata vermakhta v kommunikativnom soznanii rossiiskogo zritelia" [Phonetic portrait of a wehrmacht soldier in the communicative mind of the Russian viewer]. *Collegium linguisticum: materialy ezhegodnoi konferentsii Studencheskogo nauchnogo soobshchestva MGLU, Moscow, March 14–15, 2019*. 2019. Moscow: MGLU, 2019, pp. 253–261.
6. Levshunov, N.D. "Fonoestetika kak odin iz osnovopolagaiushchikh priznakov pri sozdaniii vymyshlennykh iazykov khudozhestvennoi deistvitel'nosti (na materiale sopostavleniia Klingonskogo iazyka i iazyka Kven'ia)" [Phonoeesthetics as one of the fundamental features in the creation of fictitious languages of artistic reality (by comparing the Klingon language and the Quenya language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 3(57), part 2, 2016, pp. 100–104.
7. Musaeva, E.G. "Foneticheskie aspekty rechevogo vozdeistviia v britanskoi politicheskoi rechi" [Phonetic Aspects of Speech Impact in British Political Speech]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 1, part 1, 2016, pp. 123–127.
8. Nikolaeva, T.M. *Intonatsiia slozhnogo predlozheniia v slavyanskikh iazykakh* [Compound sentence intonation in Slavic languages]. Moscow: Nauka, 1969.
9. Popova, Z.D., and Sternin, I.A. *Iazyk i natsional'naia kartina mira* [Language and national picture of the world]. Voronezh: Istoki, 2007.
10. Pospelova, S.N. "Auditivnyi analiz spontannoi zvuchashchei detskoii rechi s ispol'zovaniem kataloga prosodicheskikh priznakov" [Auditory analysis of spontaneous sounding children's speech using a catalog of prosodic features]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, vol. 4, 2018, pp. 88–93.
11. Potapova, R.K., and Potapov, V.V. *Iazyk, rech', lichnost'* [Language, speech, personality]. Moscow: Iazyki slavyanskoi kul'tury, 2006.
12. Rogova, M.K. "Sopostavlenie foneticheskikh sistem nemetskogo i russkogo iazykov" [Comparison of the phonetic systems of the German and Russian languages]. *Russkii iazyk za rubezhom*, vol. 57, no. 1, 1979, pp. 18–23.
13. Tambovtsev, Iu.A. "Evfoniia zvukovoi tsepochnoi iazyka" [Euphony of the sound chain of a language]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, vol. 1, 2010, pp. 108–115.
14. Crabtree, M. and Powers, J. "Arbitrariness in Language". *Linguistics of American Sign Language*. Washington, D.C.: Gallaudet Univ. Press, 2000. pp. 226–230.
15. Dössel, Ch. „Schöne Stimmen“. *Süddeutsche Zeitung*, 29 Apr. 2016, <https://www.sueddeutsche.de/kultur/theater-schoene-stimmen-1.2973343> (accessed: 12.01.2022).
16. Eichinger, L.M. et al. Aktuelle Spracheinstellungen in Deutschland: erste Ergebnisse einer bundesweiten Repräsentativumfrage. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2009.
17. Stock, E. „Wirkungen des Stimm- und Sprechausdrucks“. *Sprechwirkung: Grundfragen, Methoden und Ergebnisse ihrer Erforschung*. Berlin: Akademie Verlag, 1991, pp. 59–142.
18. Trojan, F. *Biophonetik*. Zürich: Bibliographisches Institut AG, 1975.

Сведения об авторе:

Шестерина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: психолингвистика, культура речи, фонетика немецкого языка, методика преподавания немецкого языка. E-mail: niky.07@mail.ru

About the author:

Elena Shesterina, PhD, is Assistant Professor of Department of the German Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: psycholinguistics, culture of speech, German phonetics, German teaching methodology. E-mail: niky.07@mail.ru

* * *

PHRASEOLOGICAL UNITS AS COMPONENTS OF PUN IN ADVERTISING SLOGANS (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

E.L. Shubina, O.O. Semenova

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article examines mechanisms of building up puns in phraseological units in German advertising slogans. The online portal Slogan.de serves as the source for the language material and represents an extensive electronic database of slogans. The material of the electronic archive Slogan.de is presented on the examples from 35 economic branches. The aim of this study is to analyze the processes of building puns through the interaction of phraseological units within the pragmatic aspect of advertising texts, as well as the systematization of these processes. The relevance of the article is based on the fact that phraseological units are the object of special interest to linguists due to their variability. Phraseological units are also considered in this article in the paradigm of such a social and pragmatic phenomenon as the language of advertising. Advertising is designed to influence its recipient – to call for action, to convince, to waive objections. An advertising slogan has an even more specific purpose. Being a pragmatically oriented phenomenon, the slogan has its function to express the company's philosophy as concise as possible, to evoke an emotional response and ensure its memorability. The slogan contains a complex of unique linguistic solutions and is mainly related with a deviation from the norm and building up a wordplay. Phraseological units also have a wide cognitive and linguapragmatic potential. They allow puns into their structure due to their variability. Methods of continuous sampling and semantic analysis were used. The paper analyzes and systematizes the main methods of constructing puns in phraseological units in their direct relationship with the extralinguistic context. The selected examples were divided into two main types of mechanisms: puns built up by changing the word and syntagma (at the phonetic, morphemic, lexical and syntactic levels) and puns built up without changing the word and syntagma. The paper states that a pun is closely related with the context of the advertising slogan and information about the product advertised.*

Keywords: *German language, advertising slogan, wordplay, puns, phraseological units, advertising texts, phraseological modifications*

For citation: Shubina, E.L., Semenova, O.O. (2022). Phraseological Units as Components of Pun in Advertising Slogans (on the Material of the German Language). *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 75–84. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-75-84>

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК КОМПОНЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Э.Л. Шубина, О.О. Семёнова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. *статье рассматриваются механизмы построения языковой игры во фразеологических единицах в немецких рекламных слоганах. Источником языкового материала служит онлайн портал Slogan.de, представляющий собой обширную электронную базу слоганов. Материал электронного архива Slogan.de представлен на примерах 35 экономических отраслей. Целью данного исследования является анализ процессов построения языковой игры посредством взаимодействия фразеологизмов в рамках прагматического аспекта рекламных текстов, а также систематизация этих процессов. Актуальность данной статьи обусловлена прежде всего тем, что фразеологизмы являются объектом особого интереса для лингвистов в силу своей вариативности. В данной статье фразеологические единицы рассматриваются также в парадигме такого социального-прагматического явления как язык рекламы. Реклама призвана воздействовать на её реципиента – призывать к действию, убеждать, закрывать возражения. Ещё более конкретную цель имеет рекламный слоган. Являясь прагматикоориентированным явлением, слоган призван максимально лаконично и ёмко выразить в себе философию предприятия, вызвать эмоциональный отклик и обеспечить запоминаемость. Слоган несёт в себе комплекс уникальных языковых решений, связанных, зачастую, с уходом от нормы и выстраиванием игры слов. Широким когнитивным и лингвопрагматическим потенциалом обладают также и фразеологизмы. Благодаря своей вариативности они допускают в свою структуру языковую игру. Были использованы методы сплошной выборки и семантико-синтаксического анализа. В работе были проанализированы и систематизированы основные приёмы построения языковой игры через фразеологические единицы в их непосредственной взаимосвязи с экстралингвистическим контекстом. Отобранные примеры были разделены на два основных вида механизмов: языковая игра посредством изменения в слове и синтагме (на фонетическом, словообразовательном, лексическом и синтаксическом уровнях) и языковая игра без изменения в слове и синтагме. В работе отмечается, что игра слов тесно связана с контекстом применения рекламного слогана и информацией о рекламируемом продукте.*

Ключевые слова: немецкий язык, рекламный слоган, фразеологические единицы, языковая игра, фразеологические модификации

Для цитирования: Шубина Э.Л., Семёнова О.О. (2022). Фразеологические единицы как компоненты языковой игры в рекламных слоганах (на материале немецкого языка). *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 75–84. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-75-84>

На сегодняшний день реклама представляет собой динамичное, уникальное, прагматично ориентированное социальное явление. Рекламу принято рассматривать в качестве одного из способов воздействия на массовое сознание с целью мотивировать поведение целевой аудитории. Данное явление сопровождает общество, претерпевая изменения вместе с ним. Реклама является своеобразным инструментом как для управления экономическими отношениями (информационное освещение и сбыт товара, конкурентная борьба), так и массовой психологии (побуждение к действиям, убеждение). В работах российских и зарубежных учёных (психологов, лингвистов, социологов) неоднократно подчёркивается социально-прагматическая направленность рекламы: возможность передавать определённую идеологию, апеллировать к области подсознательного, убеждать в необходимости приобретения того или иного товара [3], [11], [12].

Рекламный слоган представляет собой одну из важнейших составляющих рекламного сообщения. Одним из распространённых толкований слогана является следующее – рекламная фраза, в сжатом виде, излагающая основное рекламное предложение и входящая во все сообщения в рамках рекламной кампании [5, с. 7]. Главной отличительной чертой слогана является то, что он ёмко заключает в себе ключевые элементы философии той или иной компании, её особенности по сравнению с предложением на рынке. Таким образом, в качестве основных характеристик рекламного слогана можно выделить его краткость, запоминаемость, выразительность, эмоциональность, а в качестве основной цели – вызвать максимальное эмоциональное реагирование и вовлечение посредством своего языкового оформления.

Стоит отметить, что воздействие рекламы и её восприятие потребителем тесно связано с лингвистическими особенностями текста. Рекламный слоган отражает не только современный язык, но и в некотором смысле предлагает новые языковые решения. Такой эффект достигается путём «игрового» отклонения от нормы, отхода от стандарта, который в свою очередь позволяет тексту достичь эффектности своего оформления, запоминаемости и выразительности.

Одним из лингвистических приёмов, решающих данную задачу, является языковая игра. Реализуемая на всех языковых уровнях, она демонстрирует «ненормированные» случаи функционирования языка. Подобная ненормированность привлекательна для потребителей рекламы, в связи с чем языковая игра всё шире находит своё применение в рекламных текстах.

Известный итальянский писатель, публицист и исследователь семиотики языковых знаков Умберто Эко в своих работах подчёркивает важность отхода от нормы как способ привлечения внимания. Он указывает на двойную цель рекламного сообщения, а именно соответствие рекламным канонам как жанра, с одной стороны (автор называет это «рекламными кодами»), и содержание в себе чего-либо «иного» по отношению к существующей системе знаков и норм, с другой стороны. Таким образом, реклама привлекает к себе внимание и заставляет себя обсуждать [7, с. 223].

Отдельные лингвисты, в частности В.З. Санников и Т.А. Гридина, трактуют языковую игру как эксперимент над языковой нормой, как вариант речевого поведения, апеллирующий к чувству эстетического восприятия ненормированного употребления языковых единиц [6, с. 33], [2, с. 198]. Учёные также указывают на неоднократность использования игровых механизмов для достижения эффекта игры, в связи с чем предлагается даже рассматривать языковую игру не как вариант, а как модель определённого речевого поведения.

Феномен языковой игры в рекламном слогане вызывают у лингвистов неугасающий интерес. Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что данный вид взаимодействия языковых единиц обладает широким прагматическим и эстетическим потенциалом. Процесс построения игры слов обладает обширным когнитивным и лингвопрагматическим потенциалом. Языковая игра креативна и уникальна, и в то же самое время доступна для понимания и узнаваема для своей целевой аудитории.

Целью нашего исследования является анализ и систематизация механизмов создания языковой игры во фразеологических единицах в немецком рекламном слогане.

Материалом для анализа послужили рекламные слоганы, используемые в немецкоговорящем пространстве (Германия, Австрия, Швейцария). Данное исследование позволит нам наиболее точно выявить языковые механизмы и тенденции в современном немецком языке. В работе было

проанализировано более 200 рекламных слоганов. Источником послужила электронная база слоганов Slogans.de [13]. Портал представляет собой обширную онлайн базу рекламных слоганов. Целью хранения данных о рекламных слоганах – год, компания, сфера – является, прежде всего, защита авторских прав, а также возможность ознакомиться с «рекламной» историей компании в режиме реального времени, а также осуществить маркетинговый или лингвистический анализ. В базе Slogans.de собраны слоганы, используемые в различных видах рекламного освещения: от плакатов и печатных изданий до рекламы на телевидении и в сети Интернет. Материал электронной базы Slogans.de представлен на примере 35 экономических отраслей.

В работе нами были использованы методы сплошной выборки и семантико-синтаксического анализа.

В немецком языкознании всесторонний анализ языка рекламы представлен в исследованиях Н. Яних [11]. В области фразеологии немецкого языка (в том числе и в рекламных текстах) стоит отметить работы таких учёных как Г. Бургера, Суликан, Д.О. Добровольского, А.Н. Баранова [9], [14], [4], [1].

Фразеологизмы привлекают к себе внимание многих лингвистов своей уникальной семантической структурой. С одной стороны, они обладают определённой мотивированностью и целостностью, их компоненты существуют во взаимодействии друг с другом. С другой стороны, было бы неверным назвать эти единицы застывшими и неделимыми, так как каждый из их компонентов обладает индивидуальным потенциалом, который в зависимости от языкового контекста может быть реализован по-разному. Рассмотрим эту особенность на примере нашего материала. Фразеологизм „Wer sucht, der findet“ имеет русский эквивалент «Кто ищет, тот всегда найдёт». Немецкая платформа Scout24, ориентированная на помощь в подборе и поиске жилья, использовала данную единицу, модифицировав один из её компонентов – „Wer scoutet, der findet“ (2004) («Кто скаутит, тот всегда найдёт»). Через замену лексемы с „sucht“ («ищет») на лексему „scoutet“ («выведывает, разведывает») обыгрывается название компании. Данный пример наглядно иллюстрирует, что хоть фразеологизм номинативно целостная структура, он всё же допускает варьирование в рамках своей семантики. Немаловажно отметить, что данный тип фразеологической модификации хорошо принимается целевой аудиторией и, следовательно, весьма частотен в использовании у маркетологов. Эта же компания – Scout24 – применяет приведённый в примере слоган ещё несколько раз для рекламы и других своих сфер деятельности: Friendscout24 (2004) (сайт знакомств), Autoscout24 (2005) (покупка и продажа автомобилей), Jobscout24 (2005) (поиск работы).

В силу своей семантической особенности фразеологизмы выступают в качестве очень «удобных» языковых единиц для маркетологов при создании рекламных слоганов. Благодаря своей вариативности они допускают в свою структуру языковую игру. Какие же трансформации фразеологических единиц ведут к образованию этой игры?

На данный момент в науке не представлена отдельная классификация фразеологических модификаций на материале рекламных слоганов. Как правило, в качестве предмета исследования учёных служат рекламные тексты в целом. Мы попытаемся рассмотреть имеющиеся в науке классификации фразеологических механизмов в языковой игре на нашем материале – на материале немецких рекламных слоганов.

С точки зрения фразеологических модификаций на лингвистическом уровне, учёные выделяют два основных механизма [14, с. 182]:

1. Языковая игра посредством изменения в слове или синтагме.

Изменения могут происходить на различных лингвистических уровнях: фонетическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом.

Фонетический уровень

В слогане „Mach dein Xing“ (2021) (букв. «Делай свой Xing») путём фонетической замены *D* на *X* происходит модификация разговорного фразеологизма „jmds Ding sein“. В словаре представлена

следующая интерпретация выражения: *das sein, was jmdn. interessiert, begeistert, wofür sich jmd. engagiert* (быть чем-либо, что кого-либо интересует, вдохновляет, чем кому-либо нравится заниматься). Более того, помимо фонетической замены в ключевом компоненте можно наблюдать и грамматическую трансформацию, выполняющую призывающе-прагматическую функцию – основную глагол „sein“ («быть, являться») меняется на глагол „machen“ («делать») (в разговорной форме императива „Mach“ – „делай“). Таким образом, обращая внимание на своё название, бизнес-ориентированная социальная сеть Xing привлекает целевую аудиторию и предлагает воспользоваться своими услугами (установление бизнес контактов).

Словообразовательный уровень

Весьма понятно желание многих производителей выделить в слогане название своего бренда. В нашем материале подобную модификацию можно встретить на уровне словообразования. Автоконцерн Ford использует для своей рекламы устойчивое выражение „*ein Wolf im Schafspelz*“ («волк в овечьей шкуре»). В словаре «Duden. Redewendungen» приводится следующее толкование данному фразеологизму: *ein Mensch mit üblen Absichten, der sich aber äußerlich sanft und friedlich gibt* (человек с дурными намерениями, который однако выдаёт себя за внешне кроткого и миролюбивого) [10]. Чтобы представить автомобильную марку в выгодном свете, маркетологами был разработан вариант „*Der Wolf im Fordpelz*“ (1991) (букв. «Волк в шкуре Форда»). Важно отметить тот факт, что в данной фразеологической трансформации морфема „schaf-“ (овечий) меняется на морфему „Ford“ – происходит разрыв идиоматической связи и выражение в слогане теряет прежнюю негативную семантику. В новообразованной метафоре даже происходит положительная семантизация в сторону «волка», как животного исключительной силы и статусности. Также хотелось бы обратить внимание и на смену неопределённого артикля „ein“ на определённый артикль „der“, который, во-первых, предполагает, что аудитория понимает, о каком волке идёт речь – тот самый волк. Во-вторых, носители, вероятно, проведут ассоциацию с автомобильным брендом, поскольку марки авто в немецком языке мужского рода – *der Ford*.

Лексический уровень

Замены лексем во фразеологических единицах один из самых частотных механизмов в образовании игры слов. „*Musik für die Augen*“ (1998) – «Музыка для глаз». Слоган австрийской звукозаписывающей компании Amadeo был представлен на обложке одного из компакт дисков, выпущенных компанией. Оригинальная фразеологическая единица „*Musik in jmds Ohren sein*“ (букв. «Музыка в чьих-либо ушах») трактуется в словаре Duden как: *für jmdn. eine äußerst angenehme und willkommene Äußerung, Neuigkeit o. Ä. sein* – услышать особо приятное высказывание или новость [10]. Лексема „die Ohren“ («уши») была трансформирована путём замены на лексему „die Augen“ («глаза»), а предлог „in“ («в») на предлог „für“ («для»).

Синтаксический уровень

В своих работах Н. Яних отмечает, что на синтаксическом уровне превалирует такая особенность трансформаций как неполное предложение – отсутствует один из главных членов предложения. Ещё одной особенностью модификаций в области синтаксиса является употребление повтора [11, с.182]. Обе трансформации рассмотрим на примере слогана компании Volkswagen Financial Services – „*Finanzen im Kopf. Benzin im Blut*“ (2012) – «В голове финансы, в крови бензин». В словаре Duden предлагаются следующие объяснения фразеологизмов: „*etwas im Kopf haben*“ – *etwas auswendig wissen* (знать что-либо наизусть), „*etwas im Blut haben*“ – *für etwas eine angeborene Begabung haben* (иметь талант к чему-либо, быть рождённым для чего-либо). Путём «нанизывания» параллельных синтаксических конструкций с идиоматикой маркетологи выделяют основные характеристики компании, предлагают воспользоваться именно её услугами, усиливают убеждающий эффект. В обоих оригинальных фразеологических выражениях мы можем отметить наличие основного глагола „haben“, выполняющего функцию сказуемого. В слогане сказуемое опускается, так как рекламный слоган лаконичен и стремится к компактности, а отсутствие в

данном случае глагола не влияет на понимание смысла. Стоит отметить необычность данного слогана, создаваемую также за счёт метафоричного олицетворения в синтагме „Benzin im Blut“. Маркетологи переносят характеристику, применяемую по большей части к человеку – «иметь что-то в крови, быть рождённым для чего-либо» на автомобильную марку, олицетворяют его, а затем её буквализируют, намекая на то, что автомобиль сродни человеку с той лишь разницей, что по его жилам течёт не кровь, а бензин.

2. Языковая игра без изменений в слове или синтагме

Слоган финансовой компании BCS Bayern Card-Services *“Immer gute Karten haben”* (2021) можно передать как «Всегда хорошая карта». Интерпретация словаря Duden выражения *„gute Karten haben“* (umg.) – *bei etwas Glück haben* ((разг.) быть удачливым в чём-либо). В данном примере можно наблюдать реализацию двусмысленности через языковую игру с фразеологизмом. Несмотря на сохранение оригинальной формы идиомы, контекст наталкивает нас на буквальное значение – карта как банковский продукт. В этом заключается принцип буквализации фразеологической единицы, который является ещё одним механизмом создания языковой игры. Слоган становится эффектнее, что повышает его запоминаемость у потребительской аудитории.

Выше мы рассмотрели лингвистические механизмы создания игры слов с помощью фразеологизмов. Однако следует заметить, что уникальность слогана также тесно связана с контекстом его актуализации. На решающую роль контекста в построении языковой игры указывают в своих работах Г. Бургер, Н. Яних, Ж. Суликан, Д.О. Добровольский [8], [9], [11], [14], [4]. Эта особенность отличает игру от нестандартного употребления фразеологической единицы.

Чтобы изучить модели работы фразеологических механизмов в языковой игре, нами была взята за основу классификация фразеологических трансформаций в рекламных текстах Г. Бургера [8], которая также встречается в работах Д.О. Добровольского [4, с. 493]. В её основе лежит критерий взаимодействия с контекстом, за счёт понимания которого зачастую и достигается игровой эффект. Рассмотрим модификации на нашем материале рекламных слоганов.

Внутренняя модификация идиоматической единицы

Как правило, данная модификация осуществляется посредством лексической замены.

В слогане авиакомпании Airbus A380 *„Liebe auf den ersten Flug“* (2012) – «Любовь с первого взлёта» игра слов осуществляется путём модификации устойчивого выражения *„Liebe auf den ersten Blick“*, в русском языке – «любовь с первого взгляда». В словаре Duden предлагается следующее объяснение устойчивого выражения *„auf den ersten Blick“*: *bei nur flüchtigem Hinsehen, ohne (noch ausstehende) genauere Untersuchung* (лишь бегло посмотрев, без детального изучения). В процессе модификации была заменена лексема *„der Blick“* («взгляд») на лексему *„der Flug“* («полёт, рейс»), которая характеризует деятельность компании. Эффект игры достигается через ощущение некой двусмысленности новообразованного выражения.

Автомобильная сфера без преувеличения может считаться одной из самых любимых тематик немецких слоганов. Это находит своё отражение и в построении языковой игры: *„Liebe geht durch den Magen“* (2020) – «Путь к сердцу мужчины лежит через машину». В слогане немецкой автомобильной компании Kfz-Manufaktur Luli’co GmbH происходит замена лексической единицы в прецедентном тексте (поговорке) *„Liebe geht durch den Magen“* («Путь к сердцу мужчины лежит через желудок»). В словаре приводится следующее объяснение: (*scherzh.*) *wer gut kochen kann, gewinnt leicht die Zuneigung anderer* ((шутл.) кто умеет вкусно готовить, легко получит расположение других). В слогане *„der Magen“* («желудок») заменяется на созвучный ему *„der Wagen“* («автомобиль»), образуя при этом ещё один вид языковой игры – фонетическую игру на основе рифмы.

Во всех перечисленных примерах, несмотря на разрушение фразеологической единицы, остаётся ассоциативная связь с ней, что вызывает «накладывание» идиоматического значения на новообразованный элемент, создавая своеобразную игру.

Модификация внешней валентности идиомы

Как правило, модифицированная единица меняет свою грамматическую функцию. В своей работе Д. О. Добровольский приводит следующий пример такой модификации, использованной в газетном отрывке.

Sein Blick verrät Selbstbehauptung und Würde, hellwach schweift er weit in die Ferne, als suche er dort die von allen guten Geistern verlassene Vernunft der Menschen. (Mannheimer Morgen, 18.11.1995) [4, с. 493] / Его взгляд, выдающий уверенность и достоинство, живо устремился в даль, словно пытаясь там отыскать давно покинутый здравым смыслом человеческий рассудок.

Идиома „von allen guten Geistern verlassen sein“ (быть не в состоянии здраво рассуждать) претерпевает структурное изменение и в новых условиях приобретает функцию определения к „Vernunft“.

Данная модификация представлена в нашем материале одним примером, а именно слоганом немецкого мотожурнала Morped: „Die abgefahrne Motorrad-Zeitschrift“ (2008) – «Улётный мото журнал». Данная трансформация особенно любопытна сменой своего значения после разрыва идиоматики. Оригинальный фразеологизм звучит „Der Zug ist abgefahren“ (букв. «Поезд ушёл»). Обратимся к словарю: (umg.) es ist zu spät, man kann nichts mehr ändern ((разг.) слишком поздно, невозможно ничего изменить). Принимая на себя функцию определения, единица „abgefahren“ становится омонимична разговорному прилагательному „abgefahren“ («крутой, потрясающий»). Она теряет прежнюю коннотацию «опоздания, невозможности что-то изменить», но, тем не менее, продолжает вызывать у потребителя ассоциативную связь с поездкой, перемещением, скоростью, на что и нацелен слоган мотокомпании.

Стоит отметить, что данная модификация типична более для рекламных текстов, нежели слоганов. Прагматично ориентированный слоган стремится к краткости и ёмкости.

Модификация через добавление «инородного» компонента в целостную структуру идиоматического выражения

Такой пример модификации можно проиллюстрировать в слогане строительной компании, специализирующейся на экологических материалах (преимущественно из дерева): „Häuser. Mit Holz, Sinn & Verstand“ (2000) – «Дома. С деревом, с чувством, с расстановкой». Фразеологическое выражение „Ohne Sinn und Verstand“ объясняется в словаре Duden следующим образом: *ohne jede Überlegung* (бездумно, не подумав). При создании слогана идиома претерпевает изменение в своей структуре: предлог „ohne“ («без») заменяется на антонимичный ему вариант „mit“ («с»), что модифицирует семантику. В формальной структуре также происходит добавление стороннего элемента „Holz“ («дерево»), который, как в примерах предыдущей трансформации, указывает на основной продукт компании.

Как особый случай данной модификации имеет смысл рассмотреть слияние двух фразеологизмов в новую языковую единицу (контаминация).

„Liebe geht unter die Haut“ (2012) – «Путь к сердцу течёт по жилам». В слоган ветеринарной компании, оказывающей услуги чипирования домашних животных, наблюдается слияние пословицы „Liebe geht durch den Magen“ (букв. «Любовь к сердцу мужчины лежит через его желудок») и фразеологизма „unter die Haut gehen“ (вызывать трепет, задевать за живое). Фразеологизм „jmdm. unter die Haut gehen“ трактуется как *jmdm sehr berühren, innerlich aufwühlen* (очень волновать кого-либо, вызывать душевные переживания). Как результат данной модификации образуется новая единица, существующая за рамками принятых языковых норм, что делает данную игру необычной и привлекательной для потребителя.

Контаминация с визуальным образом или звуковым эффектом

Как правило, фразеологическая единица остаётся в своём нормативном выражении, без нарушения структуры. Раскрывая механизм действия данной модификации, учёные ссылаются, прежде всего, на экстралингвистический контекст актуализации слогана. В зависимости от области применения слогана и рекламируемой продукции (Интернет, телевидение, радио, журнал и пр.),

данный контекст может быть представлен видеорядом, фотографией, картинкой, звуковым эффектом. Следует отметить, что зачастую в таком виде модификации затрагивается именно семантическое значение идиомы, которое при переплетении с экстралингвистической информацией теряет свою образность, реализуя прямое значение всего выражения или одного из его компонентов. Обратимся к примерам на нашем материале.

В слогане производителя сладостей Haribo „*In aller Welt - In aller Mund*“ (1955) – «Во всём мире – у всех на устах» стоит уделить особое внимание фразеологизму во второй синтагме. Оригинальная идиома звучит „*in aller Munde sein*“, что означает „*sehr bekannt, populär*“ (очень известный, популярный). Выражение в слогане „*in aller Mund*“ воспринимается слушателем, в первую очередь, как «об этом все говорят». Однако при ознакомлении с продукцией, рекламируемой производителем, актуализируется прямое значение идиомы, указывающей на непосредственное употребление мармелада. На самом деле в самом слогане уже содержится намёк на преобразование фразеологизма – в слове „*Mund*“ отсутствует морфема „-е“, которую мы можем видеть в оригинале „*in aller Munde*“. Следовательно, уже на этом этапе анализа устойчивого выражения можно предположить, что семантика фразеологизма модифицирована.

Немаловажную роль при создании данного слогана играет гипербола, стилистический приём, заключающийся в намеренном преувеличении фактической информации. В рассматриваемом примере гипербола находит своё выражение в местоимении „*aller*“ («у всех») «во всём мире – у всех на устах». Такой приём нацелен на то, чтобы вызвать желание непременно попробовать данный продукт, убедить целевую аудиторию в том, что если потребитель его ещё не попробовал, то он «выбывается» из общества.

Можно судить об успешности использования данного приёма маркетологами, поскольку позже, в 1998 году, им же воспользуется ещё одна широко известная компания, производящая продукты питания Maggi: „*Jetzt in aller Munde*“ (1998) – «Теперь у всех на устах».

И ещё несколько лет спустя швейцарский производитель шоколада Chocolat Frey прибегнул к аналогичному приёму, расширив его за счёт обозначения временного отрезка: „*Seit 1887 in aller Munde*“ (2012) – «У всех на устах с 1887 года». Производитель как бы намекает, что уже с 1887 года все едят их шоколад.

Не менее изобретательным звучит слоган немецкой строительной компании Bozic Estriche: „*Wir sorgen für festen Boden unter Ihren Füßen!*“ (2013) – «Мы заботимся о твёрдой почве под Вашими ногами!». В слогане легко распознаётся идиома „*festen Boden unter den Füßen haben / bekommen*“, которая объясняется словарём Duden как „*eine sichere wirtschaftliche Grundlage haben / bekommen*“ (иметь твёрдую почву под ногами) [10]. Разрыв идиоматических отношений происходит в окружении экстралингвистического контекста, как следствие – фраза приобретает двусмысленность. Из рекламных материалов компании мы можем заключить, что сфера её деятельности – напольные покрытия. Языковая игра заключается в том, что теперь слоган воспринимается и буквально, и идиоматично, что вызывает у потребителя эстетическое удовольствие и обеспечивает быстрое запоминание.

„*Der Schlüssel zu Ihren Träumen*“ (2004) – «Ключ к Вашим снам». Любопытен слоган крупнейшей французской сети отелей Accor, отличающийся многослойностью своей языковой игры. Семантика слова „*der Schlüssel zu*“, с одной стороны, метафорична – «ключ к чему-либо», как в примерах других слоганов („*Ihr Schlüssel zum Erfolg*“ (Acryline, 2010) – «Ваш ключ к успеху»; „*Der Schlüssel zu Ihrer Gesundheit*“ (Diapat, 2005) – «Ключ к Вашему здоровью»). Однако в условиях контекста семантика слова может быть раскрыта и в своём самом прямом значении – отель предполагает наличие ключа от гостевого номера. Анализируя второй аспект, мы также сталкиваемся с паронимией в лексеме „*Träume*“ (мечты или сны). Памятуя контекст, более рациональным кажется не первое значение слова „*der Traum*“ – мечта, а второе – сон. Многослойность языковой игры реализуется за счёт оценки контекста.

Как справедливо отмечает в своих работах Г. Бургер [8], не каждая фразеологическая модификация непременно является языковой игрой. Также нельзя не согласиться с Д.О. Добровольским [4, с. 495], что не каждый пример языковой игры основывается исключительно на лингвистиче-

ских модификациях – существенную роль играет контекст и экстралингвистические компоненты актуализации слогана как многослойной социопрагматической единицы.

В нашей работе были проанализированы и систематизированы механизмы построения языковой игры во фразеологических единицах на примерах рекламных слоганов. Как мы отметили, не все механизмы работают одинаково в рекламных текстах и рекламных слоганах в силу некоторых жанровых особенностей второго – слоган краток, ёмок, лаконичен и зачастую нацелен «подсветить» название или особенности бренда. Особенно частотны такие механизмы как замена лексем в рамках идиоматического выражения, чуть реже используются механизмы буквализации фразеологизмов за счёт особенно тесных связей с контекстом его актуализации.

© Шубина Э.Л., Семёнова О.О., 2022

Список литературы

1. Баранов А.Н. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 312 с.
2. Гридина Т.А. Языковая игра: Стереотип и творчество / Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. 215 с.
3. Гримак Л.П. Гипноз рекламы (анатомия идеальной формы психической агрессии) // Прикладная психология. 1999. №3. С.83-91.
4. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.
5. Морозова И.Г. Слагая слоганы. М.: РИП-холдинг, 2001. 172 с.
6. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
7. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2006. 544 с.
8. Burger H. Das idiomatische "Bild" und seine Modifikationen durch materielle Bilder – theoretische und empirische Aspekte. In: Mellado Blanco, Carmen (Hrsg.): Beiträge zur Phraseologie aus textueller Sicht. Hamburg, 2008. S. 89-113.
9. Burger H. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen / von Harald Burger. Berlin : Erich Schmidt, 1998.
10. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bd. 11. Hrsg. von der Dudenredaktion. Berlin: Dudenverlag, 2013. 929 S.
11. Janich N. Werbesprache. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2013. 324 S.
12. Pohlmann J. Das Lexikon der Markennamen : Logos, Slogans, Storys / Jörg Pohlmann. - Orig. -Ausg. - München : Knaur Taschenbuch, 2003. 288 S.
13. Slogan.de [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.slogans.de/> (дата обращения 10.01.2021)
14. Sulikan Zh. Slogans in der deutschen Printwerbung : Untersuchung zu Form, Inhalt und Funktion / Zhanar Sulikan. Frankfurt am Main; Berlin; Bern : P. Lang [Peter Lang], cop.2012. XIII, 254 S.

References

1. Baranov, A.N. *Osnovy frazeologii (kratkii kurs): ucheb. posobie* [Basics of Phraseology (short course): study guide] / A.N. Baranov, D.O. Dobrovolskii. 2 e izd., ster. M.: FLINTA, 2014. 312 p.
2. Gridina, T.A. *Iazykovaia igra: Stereotip i tvorchestvo* [Pun: stereotype and creativity] / T. A. Gridina. Ekaterinburg: Ural. GPI, 1996. 215 p.
3. Grimak, L.P. *Gipnoz reklamy (anatomii ideal'noi formy psikhicheskoi agressii)* [Hypnosis of advertisement (anatomy of the ideal form of psychical aggression)] // *Prikladnaia psikhologiya*. - 1999. №3. С.83-91.
4. Dobrovolskii, D.O. *Besedy o nemetsom slove* [Talks about a German word]. M.: Iazyki slavianskoi kultury, 2013. 752 p.
5. Morozova, I.G. *Slagaia slogany* [Building up slogans] M.: RIP-kholding, 2001. 172 p.
6. Sannikov, V.Z. *Russkii iazyk v zerkale iazykovoi igry* [Russian language in the mirror of wordplay]. M.: Iazyki russkoi kultury, 1999. 544 p.
7. Eco, U. *Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu* [The Absent Structure] / Per. s ital. V. G. Reznik i A. G. Pogoniailo. SPb.: «Simpozium», 2006. 544 p.
8. Burger, H. Das idiomatische "Bild" und seine Modifikationen durch materielle Bilder – theoretische und empirische Aspekte. [The idiomatic „picture“ and its modifications through material pictures – theoretical and empiric aspect] In: Mellado Blanco, Carmen (Hrsg.): *Beiträge zur Phraseologie aus textueller Sicht*. Hamburg, 2008. S. 89-113.
9. Burger, H. *Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen* [Phraseology: an introduction on the example of German] / von Harald Burger. Berlin: Erich Schmidt, 1998.
10. Duden. Redewendungen. *Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. [Idioms. Dictionary of German idioms] Bd. 11. Hrsg. von der Dudenredaktion. Berlin: Dudenverlag, 2013. 929 S.

11. Janich, N. *Werbesprache*. [Advertisement language] – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2013. 324 S.
12. Pohlmann, J. *Das Lexikon der Markennamen: Logos, Slogans, Stories* [Lexics of brand names: logos, slogans, stories] / Jörg Pohlmann. – Orig. – Ausg. – München: Knaur Taschenbuch, 2003. 288 S.
13. Slogan.de, www.slogans.de/ (Accessed 10 January 2021)
14. Sulikan, Zh. *Slogans in der deutschen Printwerbung: Untersuchung zu Form, Inhalt und Funktion* [Slogans in the German print advertisement: study of form, contents and function] / Zhanar Sulikan. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern: P. Lang [Peter Lang], cop.2012. XIII, 254 S.

Сведения об авторах:

Шубина Эльвира Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика, лексикология, фразеология, проблемы переводоведения. E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Семенова Ольга Олеговна – соискатель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология, фразеология, рекламный дискурс. E-mail: olga.semenova0888@gmail.com

About the authors:

Elvira Shubina, Dr., is Professor at the Department of German, MGIMO. Spheres of research and professional interest: grammar, lexicology, phraseology, translation. E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Olga Semenova, is Postgraduate at the Department of German, MGIMO. Spheres of research and professional interest: lexicology, phraseology, advertising discourse. E-mail: olga.semenova0888@gmail.com

* * *

FROM PRAGMATICS TO TRANSLATION: THE QUESTION OF THE EFFICIENCY OF ONLINE TRANSLATORS IN TRANSLATION FROM RUSSIAN TO PERSIAN

Saeedeh Dastamooz

Department of the Russian Language, Faculty of Literature,
Alzahra University, Vanak Tehran 1993891176. Iran

Abstract. *Recently, the growth of technology has affected various aspects of human life and activity. One important achievement of modern technology is online translators, which are very widely demanded and popular, especially among the new generation. In this regard, the following question arises: do online translators always work effectively? How trustworthy are their work? This article discusses the effectiveness of online translators in translating a group of syntactic constructions that are absent in the Persian language, but perform various pragmatic functions in the Russian language. At the same time, the influence of the pragmatic analysis of the utterance in translation from Russian into Persian is evaluated. The research is carried out using a corpus of 50 interrogative infinitive sentences performing a secondary function. In this study, interrogative infinitive sentences are analyzed as a translation unit in the text. The Persian language lacks infinitive sentences. Consequently, Iranian students of the Russian language find it challenging to understand the function and meaning of these sentences. It was determined that this study was important because of the absence of interrogative infinitive sentences in the Persian language. The purpose of the article is to find out whether popular online translators are effective in translating the above mentioned syntactic constructions. In this article, we investigate whether the pragmatic analysis of Russian interrogative infinitive sentences will aid in their translation into Persian. To this end, we used online translators, such as Google Translator and Yandex Translator, to check the Persian translation of our corpus of examples. Online translators have become increasingly popular in recent years. Therefore, we attempted to translate these statements taking into account their pragmatic function. We used a comparative and descriptive approaches. Based on the analysis results, online translators are unable to determine the pragmatic potentials of interrogative infinitive sentences, which is why they cannot provide an accurate translation in most cases. Study results can be directly applied to the practice of translating from Russian into Persian and to improving the functionality of online translators, which is the practical significance of this study.*

Keywords: *pragmatics, translation, online translator, Russian, Persian*

For citation: Dastamooz, S. (2022). From Pragmatics to Translation: the Question of the Efficiency of Online Translators in Translation From Russian to Persian. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 85–99. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-85-99>

ОТ ПРАГМАТИКИ К ПЕРЕВОДУ: К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОНЛАЙН-ПЕРЕВОДЧИКОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА ПЕРСИДСКИЙ

С. Дастамуз

Факультет Литературы, кафедра Русского языка Университета Аль-Захра,
Тегеран, Иран

Аннотация. В последнее время рост технологий затронул различные стороны человеческой жизнедеятельности. Одним из важных достижений современной технологии – онлайн-переводчики, которые сегодня широко востребованы и популярны, особенно среди молодого поколения. В связи с этим возникает вопрос: всегда ли эффективно работают онлайн-переводчики? Насколько можно доверять их работе? В настоящей статье рассматривается эффективность онлайн-переводчиков при переводе одной группы синтаксических конструкций, отсутствующей в персидском языке, но выполняющей разнообразные прагматические функции в русском языке. При переводе с русского на персидский язык оценивается влияние прагматического анализа высказывания. В этом исследовании вопросительные инфинитивные предложения анализируются как единица перевода в тексте. Анализ выполнен на основе корпуса из 50 примеров вопросительных инфинитивных предложений, выполняющих вторичную функцию. Необходимость всестороннего изучения способа перевода вопросительных инфинитивных предложений, отсутствующих в персидском языке, обуславливает актуальность исследования. Цель статьи заключается в том, чтобы выяснить, эффективно ли действуют популярные онлайн-переводчики при переводе вышеуказанных синтаксических конструкций, насколько результаты прагматического анализа русских вопросительных инфинитивных предложений помогут при их переводе на персидский язык. Для достижения этой цели было проведено изучение персидского перевода корпуса примеров в таких наиболее популярных онлайн-переводчиках, как «Гугл» и «Яндекс», которые считаются достаточно хорошими словарями, способными справиться с разными типами предложений. Полученные результаты были сопоставлены с переводами, выполненными с учётом прагматических функций высказывания. Результаты анализа показывают, что онлайн-переводчики не способны определить прагматические потенциалы вопросительных инфинитивных предложений, в силу чего в большинстве случаев не могут предложить точный вариант перевода. Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть непосредственно учтены в практике автоматического перевода с русского на персидский язык для совершенствования функций онлайн-переводчиков.

Ключевые слова: прагматика, перевод, онлайн-переводчик, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Дастамуз С. (2022). От прагматики к переводу: к вопросу об эффективности онлайн-переводчиков при переводе с русского на персидский. *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 85–99. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-85-99>

Введение

Термин «прагматика» стал употребляться в языкознании относительно недавно для обозначения плана или аспекта языковой системы, связанного с тем лицом, которое пользуется языком в ситуации речи [20]. А под прагматикой перевода, опираясь на В.Н. Комиссарова, понимается стремление переводчика воспроизвести прагматический потенциал оригинального текста, чтобы результат перевода воздействовал на получателя так же, как и оригинальный текст [8, с. 210]. По мнению А.Д. Швейцера, коммуникативная интенция отправителя, установка на получателя, а также коммуникативная установка переводчика являются факторами, влияющими на процесс перевода [11]. Но как переводчику воспроизвести прагматический потенциал оригинального текста и обеспечить желаемое воздействие на получателя перевода (читателя или слушателя перевода)? По мнению исследователей этой области, сначала переводчик должен полностью понять коммуникативную интенцию исходного текста, затем уточнить доминантную функцию текста, так как каждый текст имеет определённую функцию, благодаря которой он может оказывать определённое прагматическое воздействие на получателя. Переводчик должен знать, что в прагматических аспектах перевода большое внимание уделяется коммуникативной направленности исходного текста¹. Раз текст состоит из высказываний, в настоящем исследовании мы остановимся на отдельных высказываниях в тексте.

Инфинитивные предложения «очень распространены в русском языке и чрезвычайно разнообразны по оттенкам в значении» [14, с. 347]. Вопросительные инфинитивные предложения и их прагматические функции были рассмотрены в следующих работах: [4], [5] и [6]. Необходимость всестороннего изучения способа перевода вопросительных инфинитивных предложений, отсутствующих в персидском языке, обуславливает актуальность настоящего исследования. Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить, помогут ли результаты прагматического анализа русских вопросительных инфинитивных предложений при их переводе на персидский язык. Для достижения этой цели персидский перевод нашего корпуса примеров осуществлялся в таких наиболее популярных онлайн-переводчиках, как «Гугл» и «Яндекс». Далее мы давали свой перевод, который учитывал прагматические функции высказываний, после чего был использован сравнительно-описательный метод для анализа полученных результатов.

Теоретическая основа исследования

К прагматике языка относится ориентация говорящего в условиях речевого акта [20, с. 28]. Теория речевых актов явилась одним из самых принципиальных шагов при переходе от описания семантического значения к значению прагматическому [10, с. 282]. По словам И.М. Кобозева, теория речевых актов (ТРА) – это «один из возможных подходов к анализу коммуникативного действия, при котором в центре внимания оказывается речевой акт (РА), понимаемый как произнесение говорящим предложения в определённой ситуации с определённой целью» [7, с. 258]. Дж. Остин выделял три разных типа речевых актов: локутивный (сам акт говорения), иллокутивный (когда человек высказывает утверждение или задаёт вопрос, отдаёт команду или докладывает, поздравляет или предупреждает и т.д.), и перлокутивный акт (результат речевого акта и его воздействие на слушающих) (см. [10, с. 283, 284], [19, с. 56]). При этом в речи встречаются косвенные речевые акты, когда не совпадают буквальное значение высказывания и ситуация его употребления (см. [18, с. 195–96] и [10, с. 288]). В этом случае «говорящий произносит предложение, имея в виду непосредственно то, что он говорит, и одновременно имея в виду другую иллокуцию с другим пропозициональным содержанием» [18].

¹ Арутюнова Акаш Бадр Абдуллах. Прагматический аспект перевода. К. С. А. 2009. https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_39_03akas.pdf

В 2013 году нами была дана классификация прагматических функций вопросительных инфинитивных предложений в русском языке. В этой классификации имеются следующие типы вопросов, выполняющих вторичную прагматическую функцию: интродуктивные; рефлексивные; вопросы, констатирующие наличие проблемы; оценивающие действия как нецелесообразные; содержащие упрек; вопросы с функцией обоснования; вопросы, содержащие совет, предложение, приглашение, разрешение; вопросы, являющиеся переспросами; вопросы, служащие для оттягивания ответа; показывающие поддержку высказывания адресата или, наоборот, «псевдоподдержки»; вопросы, указывающие на неуместность реплики адресата; выражающие согласие, отказ или возражение [6].

В целях определения эффективности онлайн-переводчиков при переводе нашего корпуса примеров с русского на персидский, мы решили сначала проверить результаты их переводов в таких онлайн-переводчиках, как «Гугл» и «Яндекс», чтобы затем предложить перевод этих же выражений уже с учётом их прагматической функции. Переводчики «Яндекс» и «Гугл» обычно считаются достаточно авторитетными (см. [17, с. 67]; [13, с. 55]). Кроме того, в основе машинных переводов лежит такой подход, который сохраняет контекст предложения (см. [9, с. 226]; [15, с. 76]). Несмотря на все это, мы считаем, что в процессе перевода, кроме контекста, также необходимо учитывать прагматическую функцию высказываний.

Анализ и обсуждения

Мы рассмотрели перевод всех примеров нашего корпуса (разных видов вопросительных предложений) в онлайн-переводчиках «Яндекс» и «Гугл». В целях получения максимальной точности мы предлагаем также собственный перевод, выполненный с учётом прагматической функции высказывания и окружающего контекста. В таблицах указывается только перевод вопросительного инфинитивного предложения.

Анализ перевода интродуктивных вопросов

В нашем корпусе примеров в качестве интродуктивных вопросов были выделены следующие высказывания: *Что же делать? Как же её описать? А как же правильно дышать? ... Говорить ли здесь много об Испании? ... Говорить ли нам теперь перед вами о самом Шекспире?* Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С.83–86], НКРЯ).

ряд	Интродуктивный вопрос	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
1	Что же делать?	چه باید کرد؟	باید چه کار کنم؟	پس چه باید کرد؟
2	Как же её описать?	چگونه می توانم آن را توصیف کنم؟	چگونه می توانم آن را توصیف؟	و اما چطور باید آن را توصیف کرد؟
3	А как же правильно дышать?	چگونه می توان به درستی نفس کشید؟	و چگونه به درستی نفس بکشم؟	و اما چگونه باید به درستی نفس کشیدم؟
4	Говорить ли здесь много об Испании?	آیا در اینجا درباره اسپانیا چیزهای زیادی برای گفتن وجود دارد؟	بسیار برای گفتن در اینجا در مورد اسپانیا وجود دارد؟	آیا در اینجا باید زیاد درباره اسپانیا صحبت کرد؟
5	Говорить ли нам теперь перед вами о самом Шекспире?	آیا اکنون باید قبل از شما در مورد خود شکسپیر صحبت کنیم؟	حالا میتونیم در مورد شکسپیر با شما صحبت کنیم؟	آیا اکنون باید با شما درباره خود شکسپیر صحبت کرد؟

Анализируя примеры, можно заметить, что перевод примеров (1), (2) и (3), где вопросительные инфинитивные предложения являются специальными вопросами, более корректен в онлайн-переводчиках, особенно в переводчике «Гугл». Для отражения прагматической функции интродуктивного вопроса в начале вопросительного предложения можно добавить союз «و» и слово «اما». По нашему мнению, эти персидские союзы помогают более эффективному выражению интродуктивного вопроса в персоязычном тексте. В примерах (4) и (5) вопросительные инфинитивные предложения выражаются, напротив, общими вопросами. При этом перевод инфинитивных вопросительных предложений общими вопросами, особенно в «Яндекс» переводчике, не вполне точен.

Также важно обратить внимание на интродуктивные вопросы, выполняющие **функции заголовка**. Проверим точность их переводов в онлайн-переводчиках и предложим свой вариант перевода.

ряд	Интродуктивный вопрос, выполняющий функцию заголовка.	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
6	Покупать ли машину у посредника?	آيا بايد از واسطه ای ماشین بخرم؟	آيا من خريد يك ماشين از يك واسطه؟	آيا بايد از واسطه ماشين خريد؟
7	Возвращаться ли на прежнюю работу?	آيا بايد به كار قبلي خود برگردم؟	بايد به كار قبلي من بازگشت؟	آيا بايد به كار قبلي بازگشت؟
8	Съесть или быть съеденным	خوردن يا خورده می شود	خوردن و يا خورده شود	بايد خورد يا خورده شد؟
9	Продавать или держать?	بفروشيد يا نگه داريد؟	فروش و يا نگه داريد	بايد فروخت يا نگه داشت؟

Анализ переводов предложений (6), (7), (8) и (9) показывает, что когда интродуктивные вопросы находятся в позиции заголовка, их перевод в онлайн-переводчиках не точен, причём в первую очередь это касается переводчика «Яндекс»: персидские переводы предложения (6) и (7), выполненные «Яндекс»-переводчиком, практически не имеют смысла. Результаты переводов в переводчике «Гугл» также не точны. Известно, что инфинитивные вопросительные предложения способны описывать потенциальное действие субъекта. При этом субъект действия может быть обобщённым. Но как видно из приведённой таблицы, в переводах онлайн-переводчиков не отражена ни потенциальность действия, ни обобщённость субъекта. Кроме того, когда вопросительное инфинитивное предложение выполняет функцию заголовка, как будто задаётся некий вопрос, ответ на который можно найти в самом тексте. Именно поэтому в таком инфинитивном вопросе присутствует потенциальное значение долженствования. В предлагаемом варианте перевода это значение передаётся словом «بايد» вместе с усечённым персидским инфинитивом.

Анализ перевода рефлексивных вопросов

В нашем корпусе примеров в качестве рефлексивных вопросов были выделены следующие высказывания (*Что бы мне сделать? Куда бы мне пойти? Входить или нет? ...ехать ли мне в университет?*). Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С. 86–87], НКРЯ).

ряд	Рефлексивные вопросы	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
10	Что бы мне сделать? Куда бы мне пойти?	بايد چكار كنم؟ كجا بايد برم؟	بايد چكار كنم؟ كجا بايد برم؟	انجام چه كاری برايم بهتر است؟ بهتر است كجا بروم؟

ряд	Рефлексивные вопросы	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
11	Входить или нет?	وارد شويد يا نه؟	را وارد كنيد يا نه؟	داخل شدن بهتر است يا نشدن؟
12	...ехать ли мне в университет?	بايد به دانشگاه بروم؟	بايد به دانشگاه بروم؟	آيا دانشگاه رفتن براي من بهتر است؟

Анализ примеров, выполняющих функцию рефлексивного вопроса, показывает, что когда в рефлексивном вопросе присутствует субъект в форме дательного падежа, результат работы онлайн-переводчиков ближе к корректному (примеры (10) и (12)). Но когда субъект отсутствует, перевод перестаёт быть корректным из-за неверной идентификации прагматической функции высказывания. В подобных случаях говорящий находится в поисках самого подходящего способа выйти из проблемной ситуации: задав такой вопрос себе, он думает о том, какой выход будет лучше других. Именно поэтому в переводе таких вопросов на фарси можно предложить использовать глагол «بهتر است» и финитную форму смыслового глагола.

Анализ перевода примеров, выражающих эмоциональную реакцию говорящего на ситуацию

В нашем корпусе примеров в качестве таких примеров были выделены следующие высказывания (*Верить ли глазам? Верить ли ушам?*). Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С. 92], НКРЯ).

ряд	Вопросы, выражающие эмоциональную реакцию говорящего	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
13	Верить ли глазам?	آيا بايد چشمان خود را باور كنيد؟	بايد چشمامو باور كنم؟	درست مي بينم؟
14	Верить ли ушам?	آيا بايد گوش هاي خود را باور كنيد؟	گوش هامو باور كنم؟	درست مي شنوم؟

Относительно примеров (13) и (14) можно сказать, что их дословный перевод онлайн-переводчиками в целом корректен. Однако предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания, а именно выражения эмоции, более подходит к указанным примерам. В персидском языке в подобных ситуациях говорится: «Правильно ли вижу?», «Правильно ли слышу?». Это помогает переводчику избавиться от дословности: используя предлагаемые конструкции и не нарушая языковые нормы, он сможет точно передать прагматическую функцию высказывания.

Иногда вопросительные инфинитивные предложения выражают **оценку действия как нецелесообразного**, например: *Зачем так спешить? Зачем же тебе сидеть с чужим человеком, дочь моя? Вам ли подчиняться этому скверному, неблагодарному человеку, быть его игрушкой, на смех себя выставлять?* Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С. 93–94], НКРЯ).

ряд	Речевые акты, выражающие оценку действия как нецелесообразного	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
15	Зачем так спешить?	چرا با اين عجله؟	چرا عجله؟	چرا با اين عجله؟
16	Зачем же тебе сидеть с чужим человеком, дочь моя?	چرا با غريبه اي دخترم مي نشيني؟	يك غريبه نشستني, دختر من؟	دخترم، نشستن با يك غريبه براي تو چه فايده اي دارد؟

ряд	Речевые акты, выражающие оценку действия как нецелесообразного	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
17	Вам ли подчиняться этому скверному, неблагодарному человеку, быть его игрушкой, на смех себя выставять?	آيا بايد از اين شخص ناپسند و ناپسند اطاعت كنيد ، باز چيه او باشيد ، خود را بخندانيد؟	آيا شما قصد ارائه به اين مرد تند و زننده ، ناسپاس ، باز چيه خود، سرگرم كننده از خودتان ؟	آيا اطاعت كردن از اين فرد بد ذات و بي شرافت، باز چيه او بودن و خود را مسخره كردن شايسته شماست؟

Анализируя полученные переводы, можно заметить, что когда вопросительное предложение, выражающее оценку действия как нецелесообразного, оказывается коротким, перевод крайне близок к оригинальному высказыванию. Именно так обстоит дело с переводом примера (15) в обоих онлайн-переводчиках: совпадает даже иллокутивная функция вопросительного предложения в оригинале и переводе. Но в длинных предложениях прагматическая функция вопросительного предложения утрачивается при переводе. Особенно часто это происходит в «Яндекс»-переводчике, где теряется даже общий смысл высказывания (см. примеры (16) и (17). В предлагаемом нами переводе значение нецелесообразности действия отражено вербально при помощи слов «فایده» и «شایسته».

Вопросительные инфинитивные предложения могут употребляться в значении **упрёка**. Например: *Зачем же лгать? Зачем так говорить? Тебе ли, тебе ли, Лиза, мне так говорить?* Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С. 96–97], НКРЯ).

ряд	Речевые акты, выражающие упрек	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
18	Зачем же лгать?	دروغ چرا؟	چرا دروغ؟	آخر چرا دروغ؟
19	Зачем так говорить?	چرا اين حرف را مي زنيد؟	چرا اينو ميگي؟	آخر اين چه حرفی است؟
20	Тебе ли, тебе ли, Лиза, мне так говорить?	آيا شما ، ليزا ، بايد اين حرف را بزنم؟	تو ، تو ، ليزا ، ميخواي من اينو بگم؟	ليزا، آخر تو بايد با من اينطور حرف بزنی؟

Вопросительные инфинитивные предложения, употребляемые в функции упрёка, выражаются и специальными, и частными вопросами. В примерах (18) и (19), где значение упрёка выражено специальными вопросами, переводы в обоих онлайн-переводчиках очень близки к предлагаемым нами переводам, учитывающим прагматические функции высказывания. Но перевод предложения (20), построенного как общий вопрос, в обоих переводчиках не совпадает с оригиналом. В предлагаемом нами переводе было учтено значение упрёка, переданное словом «آخر». При этом если для передачи значения упрёка в книжном стиле речи следует в начале персидского предложения добавить слово «آخر», то в разговорном – слово «آخه».

Вопросительные инфинитивные предложения способны выполнять функцию **обоснования**. Обоснование – это довод, приведённый говорящим, в силу которого можно принять то, что имеет место некоторая ситуация. Примеры обоснования: *Тебе ли с твоим ревматизмом разъезжать по гостям? Им ли править городом? ... да и куда ему бежать? Да и когда их читать, Петрович?* Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С. 97–106], НКРЯ).

ряд	Речевые акты, выражающие обоснование	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
21	Тебе ли с твоим ревматизмом разъезжать по гостям?	آيا با روماتيซึม خود قصد ديدار از مهمانان را داريد؟	آيا شما مجبور به سفر در اطراف با روماتيซึม خود را؟	آخر تو بايد با اين روماتيซึม از اين مهماني به آن مهماني بروی؟
22	Им ли править городом?	آيا او بايد بر شهر حکومت کند؟	بايد آنها حکومت شهرستان؟	آنها را چه به حکومت کردن بر شهر؟
23	...да и куда ему бежать	و کجا بايد بدود	و کجا بايد او را به اجرا	واقعا هم به کجا می توانست فرار کند؟
24	Да и когда их читать, Петрович?	و چه موقع آنها را بخوان ، پتروويچ؟	هنگامي که به آنها را بخوانيد، پتروويچ؟	و اصلا کی وقت می کنیم آنها را بخوانيم، پتروويچ؟

В примере (21) перевод онлайн-переводчиков очень похож на вопросительное предложение, в то время как корректный перевод должен передавать значение обоснования. Эквивалент частицы «ли» в персидском языке – это слово «آيا». Именно его и предлагали онлайн-переводчики. Но в предлагаемых нами переводах эквивалент частицы «ли» был выбран с учётом её прагматической функции в высказывании: так, в примере (21) слово «آخر» выбрано в качестве эквивалента этой частицы. Результаты переводов этого предложения в онлайн-переводчиках не точны. Прежде всего, это касается переводчика «Яндекс», в результате работы которого не появляется грамматически корректного персидского предложения. Предлагаемый нами перевод для конструкции *субъект в дательном падеже + ли + инф.* (пример (22)) с учётом прагматической функции выглядит более подходящим (*субъект в именительном падеже + چه + инфинитив*). Перевод примера (22) в онлайн-переводчике «Гугл» выражен риторическим вопросом, но то, что предлагает «Яндекс», вообще не является грамматически корректным персидским предложением. Перевод предложений (23) и (24) не корректен в обоих онлайн-переводчиках. Причина этого в невозможности дословно перевести на персидский конструкцию «да и» в начале инфинитивных вопросительных предложений, выполняющих функцию обоснования. Мы предлагаем в качестве эквивалента слова «واقعا» и «اصلا».

Анализ перевода предложений, выражающих совет

Следующие предложения в нашем корпусе примеров выражают совет (*Почему бы ему не взять несколько уроков у плотника? А почему бы вам не спросить у него самому? Не спросить ли Феодорита Русского?*) Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С. 107–108], НКРЯ).

ряд	Речевые акты, выражающие совет	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
25	Почему бы ему не взять несколько уроков у плотника?	چرا او از نجار چند درس نمی گیرد؟	چرا نبايد چند تا درس از يه نجار ياد بگيره؟	چرا چند جلسه پيش نجار دوره نمی بيند؟
26	А почему бы вам не спросить у него самому?	چرا خودت از او نمی پرسی؟	چرا خودت از او نمی پرسی؟	چرا شما خودت از او نمی پرسی؟
27	Не спросить ли Феодорита Русского?	آيا بايد از فنودوريت روسکی بپرسم؟	بايد از تنودورت روسي بپرسم؟	آيا بهتر نيست از فنودوريت روسکی بپرسيم؟

В примерах (25) и (26), где русские вопросительные инфинитивные предложения выражены специальными вопросами с вопросительным словом «почему» и частицей «бы», наш вариант

перевода совпадает с тем, что предлагают «Гугл» и «Яндекс». Только в последнем случае (пример (27)), где вопросительное предложение является частным вопросом с частицей «ли», переводы, предлагаемые ими, не способны передать значение совета. Мы предлагаем вариант перевода с дополнительным выражением «بهتر نیست»: это значение не присутствует буквально в оригинальном предложении, но выражается через прагматическую функцию высказывания. В рассмотренных примерах очевидны недостатки онлайн-переводчиков при выражении прагматических функций высказывания. Дело в том, что в персидском языке специальные вопросы в отличие от частных способны выполнять функцию совета. Именно поэтому переводы специальных вопросов в онлайн-переводчиках корректны, в то время как переводы частных, выполняющего функцию совета, – нет.

Анализ перевода примеров, выражающих функцию предложения

Следующие примеры в нашем корпусе выполняют функцию предложения: *Вам помочь? Не пойти ли нам подышать перед сном? почему бы нам не обессмертить свои имена? Может, вам пока уехать?* Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С. 109–112], НКРЯ).

ряд	Речевые акты, выражающие предложение	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
28	Вам помочь?	میتونم کمکتون کنم؟	میتونم کمکتون کنم؟	کمکتون کنم
29	Не пойти ли нам подышать перед сном?	آیا نباید قبل از رفتن به خواب کمی نفس بکشیم؟	نبايد قبل از رفتن به رختخواب بریم هوا بخوریم؟	نریم قبل از خواب یک کم هوا بخوریم؟
30	...почему бы нам не обессмертить свои имена?	چرا نام خود را جاودانه نمی کنیم؟	چرا اسم هامون رو جاودانه نکنیم؟	چرا نام هایمان را جاودانه نکنیم؟
31	Может, вам пока уехать?	شاید فعلا باید بری؟	شاید شما باید در حال حاضر ترک؟	شاید بهتر باشد که فعلا بروید؟

В примере (28) вопросительное предложение выражено квазиэкзистенциальным вопросом (см. [4]). Как видно из переводов, предлагаемых онлайн-переводчиками, были добавлены слова می توانم. Можно согласиться с тем, что вопрос (کمکتون کنم؟ میتونم) в ситуациях общения обладает прагматической функцией предложения. Но в целях максимального сохранения синтаксической конструкции исходного высказывания в качестве эквивалента можно предложить экзистенциальный вопрос (کمکتون کنم؟). Предлагаемый эквивалент полностью отражает прагматическую функцию высказывания. Выбор этих персидских эквивалентов зависит от ситуации общения. Мы считаем, что в ситуации, отражённой в примере (28), более подходит предлагаемый эквивалент, так как в квазиэкзистенциальных русских предложениях спрашивающий знает, что ситуация потенциально может иметь место в действительности. Анализируя предложение (29), можно заметить, что предлагаемые переводы обладают функцией совета, в то время как наш вариант, сохраняя конструкцию вопроса, выражает функцию предложения. По поводу примера (30), где вопросительное инфинитивное предложение выражено специальным вопросом, можно утверждать правильность переводов, предлагаемых онлайн-переводчиками. О переводе примера (31), где частный вопрос сопровождается словом «может», можно сказать, что существует некое соответствие между переводом переводчика «Гугл» и предлагаемым нами переводом, хотя в последнем случае для отражения функции предложения были добавлены слова (بهتر باشد). В то же время, перевод онлайн-переводчика «Яндекс» нельзя признать удачным.

Анализ примеров, выполняющих функцию приглашения

Следующие примеры в нашем корпусе выполняют функцию **приглашения**: *Почему бы вам тут не пожить? Почему бы тебе вместе с мисс Маккиннот и твоим отцом не приехать к нам завтра в Антиб на ужин?* Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С. 112–114], НКРЯ).

ряд	Речевые акты, выражающие приглашение	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
32	Почему бы вам тут не пожить?	چرا اینجا زندگی نمیکنی؟	چرا اینجا نمیمونی؟	چرا شما اینجا زندگی نکنید؟
33	Почему бы тебе вместе с мисс Маккиннот и твоим отцом не приехать к нам завтра в Антиб на ужин?	چرا فردا برای شام با خانم مک کینون و پدرت به آنتیب نمی آیی؟	چرا تو همراه با خانم مک کینون و پدرت برای شام نمیای آنتیب؟	چرا تو همراه خانم مک کینون و پدرت پیش ما برای شام نیایید آنتیب؟

Анализ примеров вопросительных инфинитивных предложений, выполняющих функцию приглашения, показывает, что онлайн-переводчики удачно функционируют при переводе специальных вопросов, начинающихся с вопросительного слова «почему» в сочетании с частицей «бы», именно в том контексте, где они выполняют функцию приглашения. В нашем варианте перевода в качестве эквивалента глаголов «не пожить» (32) и «не приехать» (33) предложены слова «نمیکنید» и «نیایید», которые более точно выражают значение потенциальной возможности вопросительного инфинитивного предложения. Тем более, говорящий сам подчёркивает эту возможность.

Анализ примеров, выполняющих функцию разрешения

Следующие примеры в нашем корпусе выполняют функцию **разрешения**: *А почему же не ставить? Почему же не послушать? Почему же не открыть, открой.* Для ознакомления с полным контекстом и прагматическими особенностями примеров (см. [5, С. 114–117], НКРЯ).

ряд	Речевые акты, выражающие предложение	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
34	А почему же не ставить?	چرا شرط نمی بندید؟	و چرا آن را قرار داده نشده؟	چرا نگذاری؟
35	Почему же не послушать?	بشنویم ... چرا گوش نمی دهی؟	بیا بشنویم چرا بهش گوش نمیدی؟	گوش می کنیم ... چرا گوش نکنیم؟
36	Почему же не открыть, открой	چرا باز نمی شود ، باز می شود.	چرا باز نمیکنی ، باز کن.	چرا باز نکنی باز کن.

Русские вопросительные инфинитивные предложения, выполняющие функцию разрешения, выражаются специальными вопросами с вопросительным словом «почему» в сочетании с частицей «же». Анализируя переводы, полученные онлайн-переводчиками, можно сделать вывод, что они не способны передавать функцию разрешения. Как мы знаем, при речевом акте разрешения говорящий побуждает адресата к действию, сообщая, что он не против его совершения. Для передачи этой прагматической функции при переводе подобных конструкций мы предлагаем употреблять отрицательную форму настоящего-будущего времени сослагательного наклонения (аориста) персидского глагола, заключающую в себе признаки времени и наклонения. По словам Ю.А. Рубинчика, её можно назвать модальным временем (см. [16, с. 249]). Использование аориста при переводе вопросительных инфинитивных предложений, выполняющих функцию разрешения, сближает прагматическую функцию исходного предложения и перевода.

Анализ перевода примеров, служащих для оттягивания ответа

Следующие примеры в нашем корпусе выполняют функцию **оттягивания ответа**: *Как сказать? Ну что тебе сказать? Что тебе делать, мой милый?* Для ознакомления с полным контекстом примеров (см. [5, С. 120], НКРЯ). Характеристика данной группы речевых актов были исследованы в следующих работах: (см. [12, с. 400], [1, с. 64–67]).

ряд	предложения, служащие для оттягивания ответа.	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
37	Как сказать?	چگونه بگوئیم؟	چطور بگم؟	چه می شود گفت؟ (چی میشه گفت)
38	Ну что тебе сказать?	- خوب ، چی بهت بگم؟	خب ، چی میتونم بهت بگم؟	خب چه می شود به تو گفت؟
39	Что тебе делать, мой милый?	- عزیزم چیکار می کنی؟	میخواهی چیکار کنی ، عزیزم؟	تو چیکار باید بکنی، عزیزم؟

Анализ примеров показывает, что онлайн-переводчики «Гугл» и «Яндекс» удачно справляются с предложениями (37) и (38), хотя предлагаемый нами вариант перевода ближе к русскому предложению: в нём, как и в примерах (37) и (38), предикат предложения не обладает лицом и ассоциируется с неким потенциальным действием. Несмотря на это, по нашему мнению, те варианты переводы, которые предлагают онлайн-переводчики, вполне выполняют прагматическую функцию оттягивания ответа. В то же время, предлагаемый онлайн-переводчиками вариант перевода предложения (39) совсем не соответствует этой функции. Дело в том, что в этом примере говорящий повторяет реплику адресата для оттягивания ответа. Раз в реплике адресата присутствует вопрос о том, что должно иметь место в действительности, мы предлагаем вариант перевода, где слово «باید» отражает значение потенциального долженствования.

Анализ предложений, оценивающих первую реплику диалога

Следующие примеры в нашем корпусе оценивают первую реплику диалога: *Как же не взволноваться? Откуда же вам меня знать? Зачем же бунтовать? Вам ли здесь судить о нас? Вам ли думать о смерти? Вам ли этого не знать? А что делать, плакать?* Для ознакомления с полным контекстом примеров (см. [5, С.121–126], НКРЯ). Характеристика данной группы речевых актов были исследованы в следующем работе: (см. [6, с. 121]).:

ряд	предложения, оценивающие высказывания адресата.	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
40	Как же не взволноваться?	چگونه هیجان زده نشویم؟	چطور میتونم هیجان زده نشم؟	چطور می توان هیجان زده نشدم؟
41	Откуда же вам меня знать?	چطور منو می شناسی؟	از کجا منو میشناسی؟	از کجا باید منو بشناسید؟
42	Зачем же бунтовать?	- چرا طغیان می کنم،	چرا شورشی	اصلاً چرا باید شورش کرد؟
43	Вам ли здесь судить о нас!	- آیا شما اینجا هستید تا درباره ما قضاوت کنید!	آیا شما در اینجا به ما قضاوت!	شما را چه به قضاوت کردن درباره ما در اینجا!
44	Вам ли думать о смерти?	- به مرگ فکر می کنی؟	به مرگ فکر میکنی؟	شما را چه به فکر کردن در مورد مرگ؟
45	А что делать, плакать?	چه باید کرد ، گریه کرد؟	و چه کاری انجام دهید، گریه؟	خب چه باید کرد؟ گریه کرد؟

В примерах (40), (41) и (42) вопросительные инфинитивные предложения, поддерживают предыдущее высказывание адресата, тогда как в примерах (43), (44) и (45) вопросительные инфинитивные предложения оценивают высказывания адресата как неуместные. Прагматическая функция переводов предложения (40) с конструкцией (Как + же + не + инфинитив) в онлайн-переводчиках соответствует прагматической функции русского предложения, но в них она выражается личными конструкциями. Наш вариант перевода ближе к русской конструкции: вместо личной формы глагола используется усечённый инфинитив и аорист (مرخم چطور + می توان + مصدر), что позволяет полностью передать прагматическую функцию высказывания. Переводы предложения (41) и (42) в онлайн-переводчиках выполняют первичную функцию вопросительного предложения, то есть функцию вопроса, но они не способны выразить прагматическую функцию поддержания предыдущего высказывания адресата. Мы предлагаем использовать конструкцию «вопросительное слово + باید + усечённый инфинитив», которая позволяет передать эту прагматическую функцию.

Большое количество реплик, оценивающих высказывания адресата как неуместное, строится по модели кому ли (не) что?, см. (43) и (44).

Анализ переводов этих предложений свидетельствует о неспособности онлайн-переводчиков справиться с подобными конструкциями. В качестве эквивалента таких предложений в персидском языке предлагается употреблять риторический вопрос в конструкции «субъект + به + چه + را + инфинитив». Однако онлайн-переводчики удачно переводят пример (45), где вопросительное инфинитивное предложение выражено специальным вопросом.

Анализ перевода примеров, выражающих согласие или несогласие говорящего

Следующие примеры способны выражать согласие или несогласие в диалогической речи: *Отчего же не назвать? Как не хотеть, покорно благодарю-с... А чего мне не курить? Куда мне ехать? Чему тут радоваться?* Для ознакомления с полным контекстом примеров (см. [5, С. 127–134], НКРЯ). Характеристика данной группы речевых актов были исследованы в следующих работах: (см. [3], [2], [6]).

ряд	предложения, выражающие согласие или несогласие говорящего	онлайн-переводчик «Гугл» (ОПГ)	онлайн-переводчик «Яндекс» (ОПЯ)	Предлагаемый перевод с учётом прагматической функции высказывания
46	Отчего же не назвать?	- چرا اسمش را نمی گذاری؟	چرا اسمش رو نگم؟	چرا نام نبرم؟
47	Как не хотеть, покорно благодарю-с.	- چگونه نمی خواهم ، متواضعانه از شما تشکر می کنم.	اگه نمیخواهی متواضعانه ازت تشکر کنم	چطور می شود نخواست؟ خاشعانه سپاسگزارم.
48	А чего мне не курить?	چرا نباید سیگار بکشم؟	چرا نباید سیگار بکشم؟	خب چرا نباید سیگار بکشم؟
49	Куда мне ехать, Я уж не воскресну	کجا باید بروم.	کجا باید بروم؟	کجا باید بروم؟ من دیگه زنده نمی شوم.
50	Чему тут радоваться?	- از چه چیزی می توان خوشحال بود؟	چه چیزی وجود دارد برای شاد بودن؟	در اینجا از چه می توان خوشحال شد؟

Примеры (46) и (47) выражают согласие. В примере (46) согласие выражено вопросительной конструкцией «отчего + же + не + инфинитив». Онлайн-переводчик «Гугл» неудачно перевёл это предложение в отличие от «Яндекса». Мы предлагаем для перевода подобных предложений употреблять конструкцию «вопросительное слово + چرا + сослагательное наклонение настоящего времени». В примере (47) согласие выражено вопросительной конструкцией «как + не + инфини-

тив», и оба онлайн-переводчика некорректно передают эту конструкцию. Мы предлагаем для подобных случаев использовать следующую конструкцию: «вопросительное слово چطور + третьего лица настоящего времени от глагола شدن (می شود) + усечённый негативный инфинитив».

В примерах (48), (49) и (50) несогласие говорящего выражается риторическими вопросами, и анализ переводов показывает, что онлайн-переводчики удачно перевели подобные конструкции.

Заключение

Анализ переводов вопросительных инфинитивных предложений, полученных благодаря онлайн-переводчикам «Гугл» и «Яндекс», и их сравнение с переводами, выполненными с учётом прагматических функций высказывания, показывает, что результаты прагматического анализа могут быть использованы при переводе вопросительных инфинитивных предложений с русского на персидский язык. Неспособность онлайн-переводчиков учитывать прагматический контекст – главная причина того, что они не всегда способны предложить корректный вариант перевода. Для перевода некоторых вопросительных инфинитивных предложений вместо дословного перевода нужно использовать те конструкции в языке перевода, которые употребляются в сходных речевых ситуациях. Иногда переводчику необходимо, исходя из прагматической функции высказывания, добавить какое-либо дополнительное вербальное средство. Результаты анализа показывают, что, когда вопросительные инфинитивные предложения относятся к общим вопросам, выполняющим вторичную функцию, их перевод в онлайн-переводчиках неадекватен оригиналу. В то же время, применительно к специальным вопросам результаты работы онлайн-переводчиков более удовлетворительны. Инфинитивные предложения отсутствуют в персидском языке, и их перевод с русского языка требует особого внимания.

Итак, при переводе с русского языка на персидский прагматический анализ соответствующей русской конструкции помогает найти наиболее близкий к русскому оригиналу эквивалент, и особенно это касается тех случаев, когда прямые эквиваленты русских синтаксических конструкций отсутствуют в персидском языке.

© С. Дастамуз, 2022

Список литературы

1. Безяева М. Г. «Как вам сказать?» (об участии конструкций с глаголами речи в формировании коммуникативной целеустановки высказывания) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 2. С. 62-87.
2. Галактионова И. В. Средства выражения согласия / несогласия в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 1995. 16 с.
3. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158-218.
4. Дастамуз С. Коммуникативные свойства инфинитивных вопросительных предложений с частицей ли // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013а № 2. С. 142-148.
5. Дастамуз С. Русские вопросительные инфинитивные предложения в коммуникативно-прагматическом аспекте: диссертация ... кандидата филологических наук / С. Дастамуз. Москва. 2013б. 153 с.
6. Дастамуз С. Квазиэкзистенциальные вопросительные инфинитивные предложения // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М.: МАКС Пресс. 2013с. С. 44-51.
7. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. 2009. 352 с.
8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. Шк. 1990.
9. Котенко В. В. Перспективы развития нейронного машинного перевода в контексте концепции открытого образования // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. № 4 (182). 2020. С. 225-231.
10. Кронгауз М. А. Семантика. М. 2005. 352 с.
11. Нелюбин Л. Л. Наука о переводе. М.: Флинта: МПСИ. 2008.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Л. И. Скворцова. М. 2010.
13. Панасенков Н. А. Опыт обучения студентов-лингвистов постредактированию машинного перевода (на материале англо-русского перевода с помощью систем «google translate», «Яндекс» переводчик, «PROMT») // педагогическое образование в России. 2019. №1. С. 55-60.

14. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. 2001. 432 с.
15. Раренко М.Б. От перевода «по правилам» к нейронному переводу. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: языкознание. № 3. 2021. С. 70-79.
16. Рубинчик, Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 600 с.
17. Савочкина Е.А. Использовать или не использовать? Ещё раз о привлечении онлайн-переводчиков //Межкультурная коммуникация и СМИ. 2018. №. 19. С.61-68.
18. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М. 1986. С. 195-223.
19. Серль Дж. Р. Философия языка. М. 2010. 208 с.
20. Шелякин, М. А. Очерки по прагматике русского языка. М: Дрофа. 2010. 285 с.

References

1. Beziaeva, M. G. «Kak vam skazat'?» (ob uchastii konstrukcii s glagolami rechi v formirovanii kommunikativnoj tselestanovki vyskazyvaniia) ["How can I say?" (on the constructions with verbs of speech in the formation of a communicative goal-setting of an utterance)]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology*, no 2, 1997, pp. 62-87.
2. Dastamooz, S. Kvazi-ekzistentsialnye voprositel'nye infinitivnye predlozheniia [Quasi-existential interrogative infinitive sentences.] *Word. Grammar. Speech: Collection of scientific and methodological articles on teaching RFL*. M. 2013. pp. 44-51.
3. Dastamooz, S. Kommunikativnye svoistva infinitivnykh voprositel'nykh predlozhenii s chastitsej li [Communicative Properties of Infinitive Interrogative Sentences with the Particle *ли*.] *Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology*, 2013. no 2, pp. 142-148.
4. Dastamooz, S. *Russkie voprositel'nye infinitivnye predlozheniia v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte* [Russian interrogative infinitive sentences in the communicative-pragmatic aspect] dissertation ... candidate of philological sciences. MSU. 2013. 153 p.
5. Galaktionova, I.V. *Sredstva vyrazheniia soglasii / nesoglasii v russkom iazyke* [Means of expressing consent / disagreement in the Russian language] Abstract of the thesis. dis ... Cand. Philology. Sciences. Moscow. 1995. 16 p.
6. Glovinskaia, M.Ja. Semantika glagolov rechi s točki zreniia teorii rechevykh aktov [Semantics of speech verbs from the point of view of the theory of speech acts]. *Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspects*. Moscow, pp. 158-218.
7. Kobozeva, I. M. *Lingvisticheskaia semantika* [Linguistic semantics] 2009. Moscow. 352 p.
8. Komissarov, V.N. *Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshiaia shkola. 1990.
9. Kotenko, V.V. Perspektivy razvitiia neironnogo mashinnogo perevoda v kontekste kontsepsii otkrytogo obrazovaniia [Perspectives for the development of neural machine translation in the context of the concept of open education]. *Scientific notes of the University*. P.F. Lesgaft. 2020. no. 4 (182). pp. 225-231.
10. Krongauz, M. A. *Semantika* [Semantics]. Moscow. 2005. 352 p.
11. Neliubin, I.I. *Nauka o perevode* [The science of translation]. Moscow. Flint: MPSI. 2008. (In Russian)
12. Ozhegov, S. I. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka Pod red. L. I. Skvortsova*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. L. I. Skvortsova]. Moscow. 2010. (In Russian)
13. Panasenkov, N.A. Opyt obucheniia studentov-lingvistov postredaktirovaniu mashinnogo perevoda (na materiale anglo-russkogo perevoda s pomoshch'iu sistem «google translate», «Jandeks perevodchik», «PROMT») [The experience of teaching linguistic students to post-edit machine translation (based on the material of English-Russian translation using the systems "google translate", "Yandex translator", "PROMT")]. *Pedagogical education in Russia*. 2019. no. 1. pp.55-60.
14. Peshkovsky, A.M. *Russky sintaksis v nauchnom osvishchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow. 2001. 432 p.
15. Rarenko, M.B. *Ot perevoda «po pravilam» k neitrolnomu perevodu* [From translation "by the rules" to neural translation]. Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6: linguistics. no. 3. 2021. pp. 70-79.
16. Rubinchik, U.A. *Grammatika sovremennogo persidskogo iazyka* [Grammar of the Contemporary Persian literary language]. Moscow: "Oriental literature". 2001. 600 p.
17. Savochkina, E.A. Ispol'zovat' ili ne ispol'zovat'? Eshcho raz o privlechenii onlain perevodchikov. [To use or not to use? Once again on the involvement of online translators]. *Intercultural communication and the media*. 2018. no. 19. pp. 61-68.
18. Searle, J.R. Kosvennye rechevye акты [Indirect speech acts]. *New in foreign linguistics. Issue XVII. The theory of speech acts*. Moscow. 1986. pp. 195-223.
19. Serl, J. R. *Filosofia iazyka*. [Philosophy of language]. Moscow. 2010. 208 p.
20. Sheliakin, M. A. *Ocherki po pragmatike russkogo iazyka* [Essays on the pragmatics of the Russian language]. Moscow. Drofa. 2010. 285 p.

Сведения об авторе:

Дастамуз Саиде – кандидат филологических наук, доцент факультета литературы, кафедра русского языка Университета Аль-Захра. Сферы научных интересов: русский язык, языкознание, РКИ, переводоведение. E-mail: s.dastamooz@alzahra.ac.ir.

About the author:

Dastamooz Saeedeh, is Associate Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University, Tehran, Iran. Her research interests are Russian Language, linguistics, teaching Russian as a foreign language, translation studies. E-mail: s.dastamooz@alzahra.ac.ir

Благодарность. Автор выражает благодарность Кириллу Михайловичу Корчагину, старшему научному сотруднику ИРЯ РАН, за редактирование текста статьи.

* * *

ACTUALIZATION OF THE SPEECH GENRE OF GREETINGS IN LINGUOCULTURES OF DIFFERENT-STRUCTURED LANGUAGES

Elvira R. Bikmullina

Kazan Federal University, Institute of Philology and Intercultural Communication, 2, Tatarstan Street, Kazan, Republic of Tatarstan, 420021, Russia

Abstract. *The article is devoted to the speech genre of greetings and its actualization in the Russian and Chinese languages. According to M.M. Bakhtin, an outstanding philosopher, founder of the theory of speech genres, a person masters the language in the format of acquiring its “genre repertoire”. Such a repertoire includes speech genres – models of various types of statements, such as questions, congratulations, wishes, gratitude, etc. The choice of these genres is determined by the situation of interaction between communicants. Greeting is an indispensable ritual of speech etiquette, which is performed to maintain comfortable interaction between participants of communication in any linguoculture. The very pronunciation of a greeting or the use of an appropriate greeting gesture, or a ceremony, is an “actualization” of this speech genre marking a situation of meeting and initiating communication. The scientific novelty of this study lies in the approach to studying and comparing greetings of languages, which have different structures, mainly Russian and Chinese, within the framework of the theory of speech genres. The aim of this article is to find out and interpret the similarities and differences in the actualization of the speech genre of greeting from the point of view of linguoculturology, the branch of linguistics that studies manifestations of culture of an ethnic group reflected and entrenched in the language they speak. In order to carry out a comparison analysis, three types of greetings, traditionally offered in phrasebooks and foreign language teaching manuals, were selected, based on a high frequency of their use. These types are: 1) greetings common for a situation of formal style communication, 2) time-bound greetings, 3) those used in conversations between friends and family, i.e., close people who know each other quite well. The study revealed that in both languages, greetings of the first type contain the semes of wishes of well-being and hopes for health in Russian «Здравствуй(те)» and Chinese “你好”. In greetings of the second type, the similarity of forms and meanings is also traced. Bright differences in the forms of actualization of SG of greetings are observed among the third type of greeting. For example, in Chinese linguoculture there are greetings reflecting a special, respectful attitude of the Chinese people towards rice and food on the whole, for example, “你吃了没?” (meaning “Did you eat?”).*

Keywords: *speech genre, greetings, form of speech genre actualization, linguoculture, comparative studies, similarities and differences, types of greetings*

For citation: Bikmullina, E.R. (2022). Actualization of the Speech Genre of Greetings in Linguocultures of Different-Structured Languages. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 100–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-100-111>

АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ПРИВЕТСТВИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ-НОСИТЕЛЯХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Э.Р. Бикмуллина

Казанский федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации,
420021, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, 2

Аннотация. Настоящая статья посвящена речевому жанру приветствия и его актуализации в русском и китайском языках. Приветствие является неперенным ритуалом речевого этикета, обязательным к исполнению в целях поддержания комфортного взаимодействия между участниками общения в культуре любого народа. Само произнесение приветствия является «актуализацией» речевого жанра в ситуации встречи и начала общения. **Научная новизна** данного исследования заключается в подходе к изучению приветствий в рамках теории речевых жанров и сравнении их в лингвокультурах-носителях разноструктурных языков (русского и китайского), при этом даётся описание характерных черт речевого жанра приветствия, а также рассматриваются выбранные для анализа формы актуализации жанра с точки зрения их формально-конструктивных, коммуникативно-прагматических характеристик, смыслового содержания. **Цель статьи** – установить и интерпретировать сходства и различия в актуализации речевого жанра приветствия с точки зрения лингвокультурологии, направления языкознания, исследующего отразившиеся и закрепившиеся в языке проявления культуры народа. Научные изыскания такого типа позволяют обнаружить самобытность речевого поведения народов, изучить знакомые речевые явления на более глубоком уровне, что определяет **актуальность** данного исследования, поскольку его результаты могут вооружить специалистов по межкультурной коммуникации знаниями о культуре народов-партнёров по общению. Применение этих знаний может осуществляться не только в научной сфере в качестве реферативного материала в области лингвокультурологических исследований, но и на практике, позволяя выстраивать более эффективные международные отношения на основе глубокого понимания традиций и обычаев народа, отражённых в языке. Для сравнительного исследования выбраны три типа приветствий, традиционно предлагаемых в разговорниках и пособиях по изучению иностранных языков, ввиду высокой частотности их использования, а именно приветствия, распространённые в ситуации официального общения и в противопоставляемой ей дружески-фамильярной обстановке, а также приветствия, употребляемые в определённое время суток. В ходе исследования было установлено, что наиболее яркие отличия в формах актуализации речевого жанра приветствия наблюдаются при употреблении их в дружески-фамильярной обстановке. Например, в китайской лингвокультуре распространены приветствия, не имеющие аналога в русском языке, которые отражают особое, уважительное отношение китайского народа к еде, одним из таких выражений является «你吃了嗎?», (что означает в переводе на русский «Ты ел?»).

Ключевые слова: речевой жанр, приветствия, актуализация речевого жанра, лингвокультура, сравнительное исследование, сходства и различия, типы приветствий

Для цитирования: Бикмуллина Э.Р. (2022). Актуализация речевого жанра приветствия в лингвокультурах-носителях разноструктурных языков. Филологические науки в МГИМО. 8(2), С. 100–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-100-111>

Вопросы различий и универсального в разных культурах мира часто становятся объектами внимания лингвистов, поскольку естественным является желание человека идентифицировать себя, свою этническую принадлежность на фоне глобального разнообразия народов. Прежде всего такая идентификация происходит путём сравнения различных явлений языка и речи своего народа с соответствующими явлениями языков других национальностей.

В последние десятилетия большое количество исследователей осуществляют научную работу в области описания и интерпретации языковых, речевых явлений, концептов той или иной культуры, осуществляют их анализ не только с точки зрения лингвистических свойств, но и обращаются к их когнитивным аспектам, отражающим национально-специфические особенности, а также рассматривают их функционально-прагматические, контекстуальные значения. Результаты таких исследований широко применяются в области лингвистики и межкультурной коммуникации, а также многих других областях гуманитарных наук, таких, как культурология, этносоциология, этнопсихология, этнополитология и т.д.

Объектом данной статьи является речевой жанр приветствия (далее РЖП). Акты вежливости, осуществляемые в рамках РЖП, осуществляются во всех культурах мира, однако в каждом этносе есть свои особенности выражения данного этикетного ритуала. Актуализация РЖП в лингвокультурах с разноструктурными языками, а именно в русском и китайском языках, выступает предметом настоящего исследования.

Нередко при взаимодействии представителей разных культур возникают не только языковые трудности, но и культурные недопонимания, обусловленные несовпадением картин мира разных народов, различием в традициях, сложившихся в процессе их исторического развития. Такие случаи называют культурными [8, с. 34] или дискурсивными ошибками [5, с. 54]. Для успешного осуществления межкультурной коммуникации недостаточно знания языка партнёра по общению, необходимо также иметь представления и о культуре, обычаях и традициях этого народа. В этой связи, С.Г. Тер-Минасова отмечает: «все мы знаем из собственного опыта, с каким добродушием обычно встречаются ошибки в иностранных языках его носителями. Культурные же ошибки, как правило, не прощаются так легко и производят самое отрицательное впечатление» [8, с. 34].

Следовательно, при выборе той или иной формы приветствия следует знать особенности культуры партнёров по общению. Например, представитель иной культуры может быть озадачен, когда в Китае его «встречают» фразой «你吃了嗎?» (*Nǐ chī le ma*, буквально *Ты ел?*), что является распространённой формой приветствия в неформальной обстановке, но не приглашением к обеду, как может подумать не посвящённый в особенности китайской культуры и речевого этикета иностранец.

В данном исследовании сравниваемые явления, взятые из русского и китайского языков, могут выявить новые черты, точки сходства и различия в соответствующих лингвокультурах.

Теоретической базой данного исследования послужили работы таких исследователей, как М.М. Бахтин, С. Гайда, М.Ю. Федосюк, Р. Бауман, Г. Кноблаух, Дж. Свэйлз, Н.И. Формановская, И.А. Стернин, Фэй Сяотун и т.д.

Практическую часть исследования представляет анализ особенностей, в том числе и лингвокультурологических, наиболее распространённых типов приветствий в разноструктурных языках представителей русской и китайской лингвокультур. Русский язык, выбранный для данного исследования, относится к индоевропейской семье, а китайский – к сино-тибетской. Кроме того, данные языки не схожи и в типологическом плане, поскольку русский является флективным языком, в котором имеется развитая система склонения форм и относительная гибкость порядка слов в предложении. Китайский же является представителем агглютинативного типа языков, в котором отсутствуют словоизменения, и решающую роль в сообщении грамматического значения имеют контекст и жёсткий порядок слов в предложении. Следовательно, можно предположить, что, несмотря на универсальность для всех культур мира РЖП, сравниваемые явления в разных языках имеют отличия и во многих аспектах актуализации этого жанра.

В ходе исследования применялись следующие методы, традиционно применяемые в лингвистике:

1) Метод описания, основанный на выборе языковых единиц для анализа и описания их свойств в той совокупности, которая объединяет их в соответствии с выбранной исследователем тематикой работы.

2) Метод интерпретации, широко применяемый во многих гуманитарных науках с целью объяснения смысла явлений через анализ их свойств и характеристик.

2) Дефиниционный анализ, то есть часто используемый в лингвокультурологических исследованиях метод словарной дефиниции, позволяющий выявить семантические признаки, отличающие данную лексическую единицу от близких ей по значению других единиц.

3) Типологический метод, выявляющий признаки, особенности явлений на основе различных классификаций и типологий.

4) Метод компонентного анализа, включающий анализ структурных частей лингвистических и речевых единиц и выявление связей между ними.

5) Сравнительный метод, сопоставляющий явления различных языков с целью выявления сходств и различий между ними.

6) Семиотический метод, предполагающий изучение явлений как элементов знаковых систем.

В научной литературе встречается множество работ, посвящённых вопросам речевого этикета, неотъемлемой частью которого являются приветствия. Огромный вклад в этой области принадлежит Н.И. Формановской, изучавшей различные аспекты функционирования речевого этикета русского языка, а также соответствия русских этикетных формул аналогичным выражениям в английском, немецком, французском, итальянском, португальском, китайском языках.

Известный научный труд С.Г. Балакая, словарь речевого этикета русского языка, содержащий информацию о более чем шести тысячах этикетных слов и выражений, является ценным реферативным источником для филологов-русистов.

Нельзя не отметить и вклад в изучение речевого этикета таких выдающихся учёных, как В.Г. Костомаров, А.А. Акишина, Н.Д. Арутюнова, И.А. Стернин, М.А. Кронгауз, Т.В. Ларина, В.Г. Гольдин и т.д. Работы в области китайского речевого этикета, в свою очередь, принадлежат таким исследователям, как Юань Тиндонг, Чжао Юаньжэнь, Линь Мэйжун, Юй Цзяминь и др.

Традиционно в лингвистике приветствия рассматривались в рамках нескольких подходов. Один из них позволяет исследовать их с точки зрения теории речевых актов, разработанной Дж. Остином в пятидесятых годах прошлого века [16].

Согласно этой теории, за единицу коммуникации принимается речевой акт, действие, связанное, например, с выражением вопроса, извинения, благодарности, удивления и т.д. Речевые действия выражаются, по мысли Дж. Остина, глаголами-перформативами (*performative verbs*, от английского *“perform”* – исполнять, совершать), реализующими провозглашённое данным глаголом действие, например, «спрашивать», «извиняться», «благодарить», «удивляться». Глаголы, обозначающие приветствия, представляют собой речевые действия, акты, которые реализуют своё назначение при произнесении. Назначением этим является приветствие адресата. Однако, очевидно, что приветствия включают в себя не только глаголы-перформативы, например, «Приветствую!» или «我招呼您!» (*wǒ zhāohū nín* – Приветствую Вас), но и множество иных выражений, имеющих форму вопросов, пожеланий, радостного или, наоборот, неприятного удивления от встречи, а также характерных невербальных приветствий, то есть церемоний, жестов, используемых в типичных ситуациях межличностного общения. Следовательно, в рамках теории речевых актов рассматривать приветствия не всегда представляется возможным.

Ещё одним направлением, активно развивающимся в языкознании в последние десятилетия, является взгляд на приветствия в рамках теории речевых жанров, сформулированной русским философом М.М. Бахтиным. Он определяет речевой жанр как относительно устойчивый тип высказывания, вырабатываемый определённой областью употребления языка. По его мнению, речевые жанры появляются и функционируют вследствие использования определённых речевых средств в типичных ситуациях, принимая готовые формы, «данные нам почти так же, как родной язык» [2, с. 271]. Говорящий волен выбирать речевые средства для построения в диало-

гической речи высказывания по своему усмотрению, выбор этот также обусловлен условиями речевой коммуникации – конкретной ситуацией, составом участников, состоянием и качеством отношений между ними, индивидуальными соображениями относительно данного случая общения. Многообразие жанров так же велико, как и многочисленны типы ситуаций общения. Таким образом, М.М. Бахтин считал, что мы усваиваем язык в формате овладения «жанровым репертуаром языка», то есть набором типичных для различных ситуаций высказываний. За единицу речевой коммуникации М.М. Бахтин принимал высказывание, ограниченное сменой коммуникантов, произносящих его в диалоге.

Совершенно ясно, что при встрече одного человека или группы людей или в начале речевого взаимодействия с коммуникантами по какой-либо причине, согласно традиционно сложившимся правилам речевого этикета любого народа, принято приветствовать адресата, то есть, говоря научными терминами, «актуализировать» или реализовать РЖП в данной ситуации. Следовательно, можно предположить, что рассматривать разнообразные формы актуализации РЖП целесообразно в рамках теории речевых жанров, поскольку приветственные выражения могут иметь форму не только глаголов-перформативов, но и вопросов-осведомлений о здоровье и положении дел, удивления от встречи, пожеланий и комплиментов адресату, соответствующих случаю знаков и жестов и т.д.

Существуют различные классификации, основанные на тех или иных аспектах речевых жанров, таких, как специфические языковые средства, композиционные особенности, характерные для текстов того или иного жанра, и другие. Одной из основных считается классификация, учитывающая формально-конструктивные характеристики, в рамках которой М.М. Бахтин различал первичные и вторичные речевые жанры. По мысли учёного, к первичным относятся ситуативно обусловленные жанры, которые реализуются в непосредственном общении между коммуникантами, то есть просьба, приказ, извинение, благодарность и т.д. К вторичным относятся жанры литературной сферы: «романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения» [там же, с. 238]. Таким образом, приветствие является первичным речевым жанром.

С. Гайда предлагает схожую с вышеописанной дихотомию – разграничение речевых жанров на простые и сложные [3, с. 112], также у М.Ю. Федосюка находим разделение речевых жанров на элементарные и комплексные [9, с. 104].

Р. Бауман определяет речевые жанры как «совокупность взаимосвязанных, сопутствующих друг другу формальных признаков и структур, которая служит как ситуационно обусловленная «рамка» (framework) для реализации и восприятия дискурса» [17, с. 79]. Приветствия, например, он считает «средством установления интерактивного доступа»¹, то есть некоей структурой, способствующей установлению контакта.

Г. Кноблаух указывает на высокую степень социальной вовлечённости коммуникативного жанра приветствия, о котором он писал как о речевом жанре, представляющим собой «формы социального действия и последовательности взаимодействия, производимые коммуникантами и ориентированные на них» [18, с. 58].

Дж. Свэйлс подчёркивает, что речевые жанры, обладающие дискурсивными характеристиками, реализуются для выполнения различных коммуникативных задач. Следовательно, у такого речевого жанра, как приветствие, имеется задача, направленная на поддержание комфортного взаимодействия между собеседниками [20, с. 174].

Таким образом, можно сделать вывод о лингвосоциопрагматическом статусе речевого жанра приветствия, определив его как первичный, или простой, или элементарный речевой жанр, с высокой степенью социальной вовлечённости, направленный на установление, инициацию речевого взаимодействия коммуникантов, а момент его актуализации обуславливается особенностями

¹ В оригинале “means of interactional access”.

ситуации (обстоятельства встречи, время суток, количество коммуникантов) и так называемым человеческим фактором, то есть социальными ролями, прагматическими установками, межличностными отношениями участников диалога.

В данном исследовании, как отмечалось выше, приветствия рассматриваются в рамках теории речевых жанров, предполагающей актуализацию рассматриваемого жанра в многообразии способов его выражения. Способы эти, в свою очередь, определяются типом ситуации и принимают различные формы, такие, например, как вопросы, пожелания, удивление от встречи, а речевые формулы часто сопровождаются специфическими невербальными приветствиями.

Среди исследований приветствий в рамках теории речевых жанров преобладают работы, охватывающие определённые дискурсы, например, Т.Г. Рабенко, Е.А. Черепанова обращаются к теме РЖП в студенческом дискурсе, В.Б. Черник, С.В. Почебутова, О.В. Ивашкина рассматривают РЖП в педагогическом дискурсе, И.И. Дорфман изучает функционирование РЖП в речи школьников. В данном исследовании акцент в изучении РЖП не смещается в сторону какого-либо определённого дискурса, автор предпринимает попытку проанализировать формы актуализации этого речевого жанра в широком смысле, основываясь лишь на спектрах ситуаций использования приветствий.

В различных пособиях по межкультурной коммуникации, тематических словарях и разговорниках зачастую предлагается несколько видов приветствий, которые могут охватить широкий спектр ситуаций их использования носителями языка и теми, кто изучает данный язык. Как правило, для выборки данных приветствий составители соответствующих тезаурусов основываются на частотности использования приветственных выражений в типичных ситуациях.

Н.И. Формановская в своих многочисленных двуязычных пособиях по речевому этикету различает следующие основные типы приветствий [10], [11], [12], [13]:

- 1) приветствия, произносимые повсеместно, вне зависимости от времени, в официальной обстановке (ситуации общения на собрании, между деловыми партнёрами, в разговоре с официальными лицами в государственных учреждениях и т.п.);
- 2) приветствия, связанные с определённым временем суток;
- 3) приветствия, выбранные для общения в кругу близких друзей, родственников, знакомых (в неофициальной, непринуждённой обстановке).

Данные типы приветствий служат в качестве основы сравнительного исследования актуализации РЖП в разноструктурных языках и в этой статье.

Что касается выбора критериев для осуществления сопоставительного анализа, предприняемого в целях установления лингвокультурологических особенностей приветствий, внимание автора уделяется формально-конструктивным (языковая форма), коммуникативно-прагматическим характеристикам (цели и намерения произносящего приветствие), смысловому содержанию (семантика рассматриваемых явлений в единстве всех структурных компонентов).

Итак, рассмотрим три типа актуализации РЖП, распространённых в русской лингвокультуре.

Самое нейтральное русское приветствие «Здравствуй(те)» может употребляться вне зависимости от времени суток в широком диапазоне ситуаций формального и неформального общения. Данная языковая форма, как и большинство приветствий, является междометием. Выбор междометий, образованных от глаголов в грамматической форме единственного или множественного числа в повелительном наклонении «Здравствуй» или «Здравствуйте», позволяет говорящему обозначить не только обращение к одному или нескольким участникам диалога с целью поприветствовать, чтобы начать общение, но и отразить социально-иерархические отношения, проявляющиеся к пожилым людям и к тем, кто занимает более высокое положение на социальной лестнице. Тот же принцип выбора глагольных форм с окончаниями, обозначающими единственное или множественное число второго лица, характерен и для языков из славянских, тюркских, романо-германских групп и др. Как отмечают исследователи Н.Н. Матвеева, В.Г. Фатхутдинова, «сопоставляя производную лексику, словообразовательные, грамматические системы разных языков, мы можем проследить пути развития мировоззрения того или иного этноса и его универсальные и культурно-специфические характеристики» [19, с. 233].

Сема «здоровье» в этикетном междометии «Здравствуй(те)» показывает, что употребляющие его при встрече люди были положительно настроены на предстоящий диалог, желали собеседнику здоровья. В процессе десемантизации, под которой, как отмечает И.Р. Гальперин, понимается частичное или полное утрачивание лексическими единицами своего значения [4, с. 285], это выражение несколько «размыло» свой первоначальный смысл пожелания здоровья собеседнику, нейтрализовалось, стало выступать в общении как клишированная этикетная формула приветствия в речевой ситуации встречи, контакта между коммуникантами. Однако, «Здравствуй(те)» может переходить из одного речевого жанра в другой: при выражении недовольного восклицания в ситуации удивления и негативного отношения коммуникантов к происходящему. В случаях такого перехода речевого жанра из одного в другой, в соответствии с ситуацией и намерением говорящего, происходит так называемая «переакцентуация речевого жанра». Этот термин ввёл М.М. Бахтин, утверждавший, что «жанровую форму приветствия из официальной сферы можно перенести в сферу фамиллярного общения, то есть употребить с пародийно-иронической переакцентуацией, с аналогичной целью можно нарочито смешать жанры разных сфер» [1, с. 182].

Следует отметить, что при актуализации РЖП в диалоге прагматическая составляющая, содержащая в себе намерения говорящего, вполне очевидна и играет огромную роль, которую можно выявить, например, в ситуации, когда в ответ на дружеское приветствие «Привет!» собеседник желает несколько дистанцироваться от малознакомого или неприятного ему человека с помощью более официальной, с точки зрения стилистики разговорной речи, фразы «Здравствуйте!», произнесённой с соответствующей интонацией удивления и недоумения. Или в противоположном по смыслу случае в ответ на обыденное «Здравствуйте!» может прозвучать удвоенная форма – «Здравствуйте, здравствуйте!», произнесённая дружеским тоном, что может означать намерение собеседника создать благоприятную и тёплую тональность в общении.

Приветствие «Добрый день!», представляющее с точки зрения языковой формы словосочетание имени существительного и имени прилагательного в именительном падеже, и его варианты, функционирующие в повседневной речи в зависимости от времени суток – «Доброе утро!», «Добрый вечер!», являются ещё более нейтральными эквивалентами приветствия «Здравствуй(те)!» по отношению к собеседнику. За приветствием «Добрый день!» можно «скрыть» неуверенное отношение к адресату в случае сомнения, как к нему обратиться, используя фамиллярное «ты» (являющееся личным местоимением 2-го лица единственного числа) или формальное «Вы» (являющееся личным местоимением 2-го лица множественного числа, а также играющее роль уважительной (официальной) формы обращения к одному лицу в русском языке), в чём мы можем проследить прагматическую составляющую высказывания, выражающую намерение говорящего настроить тональность дальнейшего диалога и отношений с собеседником в целом в соответствии со своими целями.

На семантику благожелательного отношения к собеседнику указывает прилагательное «добрый». В выражениях «Доброе утро!», «Добрый день!», «Добрый вечер!» существительное, обозначающее время суток, обычно стоит в именительном падеже единственного числа. Если же при встрече коммуникантов произносится приветствие «С добрым утром!», то оно принимает оттенок поздравления с каким-либо приятным, торжественным или праздничным событием, так как традиционно сама грамматическая форма этого выражения – сочетание предлога «с» с существительным в творительном падеже – используется для простого речевого жанра поздравления, как, например, во фразе «С новым годом!». А форма приветствия «Доброй ночи!» имеет грамматическую форму прилагательного, согласованного с существительным в родительном падеже, характерную для речевого жанра пожелания, такого, как, например «Крепкого здоровья!». Кроме того, она часто используется в качестве речевого жанра прощания, так как такая грамматическая форма словосочетания прилагательного и существительного в родительном падеже характерна для пожелания и напутствия, а в ситуации прощания является универсальной традицией для многих лингвокультур. Мы можем это наблюдать в таких выражениях речевого жанра прощания, как «Счастливого пути!» и «一路顺风» (*Yìlù shùnfēng* – *Попутного ветра!*). Примечательно, что словосочетание прилагательного с существительным в именительном падеже «добрая ночь» не

употребляется в качестве приветствия, эта фраза может выступать в качестве информативного РЖ, констатирующего характеристику ночи.

Русское приветствие-междометие «Привет!», согласно этимологическому словарю, означает «обращённое к кому-л. выражение чувства личной приязни, доброго пожелания, солидарности» и восходит к «праславянскому «привѣтъ», именного производного с окончанием -ъ от глаг. привѣ'ати – «вещать, говорить» [15, с. 210]. Как видим из формы междометия «Привет», корень *вет* также обнаруживается в таких лексемах, как *ответ, завет, навет*, указывая на действия, совершаемые вербально. Приставка *при* в «Привет!» подразумевает некий акт сближения, сокращает дистанцию между собеседниками. Следовательно, исходя из семантики, данная форма актуализации РЖП является совершением вербального ритуала приветствия, обращённого в адрес хорошо знакомых, близких людей.

Можно добавить несколько слов о невербальных формах приветствия, которые часто сопровождают актуализацию РЖП. Существующий во многих странах мира приветственный жест пожатия рук при встрече широко распространён и в русской лингвокультуре. Сферы его применения включают в себя как дружеские встречи (в основном мужчин), так и деловое общение партнёров. Этот жест может быть использован в сочетании со всеми тремя типами приветствий, описанными выше. В православной традиции русской лингвокультуры существует также обычай троекратно целовать встречаемого в щёку, но в настоящее время этот ритуал соблюдается преимущественно в религиозном контексте (во время православных праздников и событий) или в кругу близких и друзей, и нередко число таких дружеских приветственных поцелуев сокращается до двух условных касаний своей щекой щеки собеседника, а вербальным сопровождением такого ритуала могут быть приветствия всех трёх перечисленных типов.

Обратимся к китайскому языку в целях осуществления анализа трёх типов актуализации РЖП.

Китайская приветственная фраза «你好» *nǐ hǎo* (и более уважительная её форма «您好» *nín hǎo*), формально являющаяся словосочетанием местоимения и прилагательного, оказывается довольно близкой по значению к русскому междометию «Здравствуй(те)!!», включающей смысловой компонент – вопрос о состоянии здоровья, благополучия адресата. Пословный перевод компонентов представляет собой фразу-вопрос: «Хорошо ли вам (у Вас)?». Более глубокий взгляд на это приветствие в рамках семиотического подхода, предполагающего иероглифический анализ, позволяет выявить семантику этой формулы речевого этикета. Иероглиф «你» (*nǐ*) соответствует форме личного местоимения 2-го лица «ты», а иероглиф «好» (*hǎo*) переводится на русский язык как «хорошо, хороший». Этот иероглиф, в свою очередь, состоит из двух элементов: графемы 女 (*nǚ*), означающей «женщина, дочь, девочка» и 子 (*zǐ*), означающей «сын, ребёнок, человек. Издревле в китайской семье считалось благом иметь сына и дочь. Согласно китайской философии о фундаментальных основах всего сущего Инь и Ян, 女 – соответствует женскому началу Инь, а 子 – мужскому началу Ян, вместе они составляют гармоничное целое, то есть это сочетание тождественно понятиям «добро», «благо». Приветствие «你好» может использоваться в официальной ситуации общения в случае, когда здороваются незнакомые люди, коллеги по работе, люди разного возраста и социального положения. В случае приветствия нескольких людей в междометии используется форма множественно числа местоимения 2-го лица – «你们» (*Nǐmen*). «您好» является более уважительной формой этого приветствия, так как местоимение «您» (*nín*) употребляется по отношению к более старшему по возрасту, начальнику, почитаемому и глубокоуважаемому человеку. Поэтому выбор форм «你好» и «您好» может предоставить информацию об отношении собеседников друг к другу в социально-иерархическом смысле. Традиционно к лицам более старшего возраста, гостям, официальным представителям власти, в Китае относятся с почтением, умаляя при этом собственную значимость.

В китайском языке также присутствуют формы приветствий, которые включают в свой состав лексемы, обозначающие время суток. Такими фразами являются: «早上好» (*Zǎoshang hǎo*) – *доброе утро* и его усечённая форма, употребляемая в разговорной речи «早»; «早安» (*zǎo ān*) – *доброе утро*, «中午好» (*Zhōngwǔ hǎo*) – *добрый день*, буквально *доброе полудня*; «下午好» (*Xiàwǔ*

hǎo) – *добрый день*, буквально *доброго послеполуденного времени*, «午安» (*wǔ ān*) – *добрый день*, «晚上好» (*Wǎnshàng hǎo*) – *добрый вечер*. Из них наиболее употребительны «早上好», «晚上好». Так же, как и в русском языке, эти приветствия представляют собой словосочетание прилагательного с существительным, маркирующим время суток. И употребляются они как в ситуациях формального, делового общения, так и в неофициальной обстановке. Общая для всех этих приветственных формул лексема «好» отражает положительный настрой собеседников на контакт, благожелательное отношение друг к другу, пожелания и надежды на удачный день (утро, вечер).

Обращаясь для поиска соответствия русской этикетной формуле «Привет» к русско-китайским словарям и разговорникам, находим вышеупомянутое китайское приветствие «你好». Действительно, сфера употребления этой речевой формулы велика: от официальной обстановки до ситуации неформального общения среди знакомых людей и близких. Но в настоящее время распространены в разговорной речи и такие приветствия, как: «你吃了嗎?» (*Nǐ chīle ma*) – *Ты ел?* или вариант этой фразы – «你吃飯了嗎?» (*Nǐ chīfànle ma*) – *Ты ел (рис)?*, «你去哪兒?» (*Nǐ qù nǎ'ěr*) – *Куда идёшь?* «你在做什么?» (*Nǐ zài zuò shénme*) – *Что делаешь?* Представители других лингвокультур, будучи свидетелями использования подобного рода приветствий-вопросов личного характера, могут расценить их как проявление бестактности. Однако для китайцев такое поведение является нормой, так как сами эти вопросы и являются приветствием. Речевые формулы «你吃了嗎?» (*Nǐ chīle ma*) и «你吃飯了嗎?» (*Nǐ chīfànle ma*) состоят из личного местоимения 2-го лица единственного числа 你 (*nǐ*), глагола 吃 (*chī*) или 吃飯 (*chīfàn*), в переводе означающие «есть, кушать», глагольной частицы 了 (*le*), указывающей на завершённость действия, и вопросительной частицы 嗎 (*ma*), которая употребляется в конце предложения для построения вопросительной конструкции, которыми эти приветствия и являются по своей структуре. Входящий в состав этих приветственных фраз глагол 吃 свидетельствует о том, что для китайцев пища, еда с древних времён имеет первостепенное значение в жизни. И.А. Стернин подчёркивает национально-специфический характер таких приветствий и приводит старинную поговорку, которую часто употребляют в Китае: «民以食为天» (*Mín yǐ shí wéi tiān*) – *Богом люди считают пищу*, (в буквальном переводе «Народ считает пищу своим небом»). Первоначально вопрос «你吃飯了嗎?» (*Nǐ chīfànle ma*) – *Ты ел рис?* – задавали близким и друзьям исходя из чувства беспокойства, заботы, доброжелательного отношения к собеседникам. Приветствующие близких с помощью таких фраз в настоящее время не в прямом смысле желают узнать, ел их собеседник или нет. В данном случае наблюдается десемантизация речевой формулы, ввиду частого её повторения в типичных ситуациях. Для представителей иных лингвокультур может показаться, что китайцы приглашают их поесть, и часто не знают, как правильно ответить, чтобы не показаться излишне навязчивыми и в то же время, чтобы не обидеть хозяев. Корректным ответом на такие приветственные фразы может быть «我吃了, 谢谢» (*Wǒ chīle, xièxiè*) – *Я поел, спасибо* [7]. А наличие в приветственной фразе-вопросе лексемы «饭» (*fàn*, в переводе на русский – *рис, еда*) репрезентирует трепетное отношение к этой важной для китайцев агрокультуре. Рис для них имеет такое же значение, как и хлеб в русской лингвокультуре [6]. Приветствия «你去哪兒?» (*Nǐ qù nǎ'ěr*) – *Куда идёшь?* и «你在做什么?» (*Nǐ zài zuò shénme*) – *Что делаешь?* – так же по своему синтаксическому составу являются вопросительными конструкциями, семантика которых вполне очевидна. Используя такие фразы в неформальной ситуации, автор проявляет участие, заинтересованность в делах адресата. Такое отношение к собеседникам отражает специфическую черту китайского менталитета – коллективизм, эмоциональную сплочённость. Как отмечает китайский социолог Фэй Сяотун, «китайский коллективизм оформился не в результате насильственного ограничения личной свободы индивидов во имя достижения некоей общей цели, а как выражение доброй воли каждого из них, их потребности в эмоциональной сплочённости, которая, в свою очередь, проистекает из зависимости каждого из них от главного божества и кормилицы Китая – земли» [21]. Актуализация РЖП в форме вышеописанных выражений выполняет роль фатического (от английского *phatic*), то есть контактоустанавливающего элемента беседы. В случае соотнесения этих фраз к речевому жанру вопроса о делах собеседника, которые, следовательно, могут иметь место и в середине разговора, реализуется информативный компонент дискурса. Также необходимо обратить внимание на то,

что ввиду устойчивого порядка слов, характерного для китайского языка, инверсии в данных фразах не имеют место в речи.

Что касается невербальных элементов, часто сопровождающих РЖП в момент его актуализации, то можно отметить, что, безусловно, западные традиции повлияли на китайское коммуникативное поведение, особенно в бизнес-сфере, молодёжных кругах. Характерно, что, здороваясь, китайцы обязательно улыбаются, и вообще, по словам Л. Шаовэя, являются улыбающейся нацией: «В Китае поощряется и пропагандируется улыбка в сфере обслуживания: это позволяет клиенту почувствовать доброе расположение» [14, с. 130]. Приветствия у китайцев часто сопровождаются рукопожатием, причём, как утверждает И.А. Стернин, длительность рукопожатия прямо пропорциональна степени уважения и почтения, испытываемых к собеседнику [7]. Кроме того, китайцы могут использовать молчаливый поклон вместо приветственной фразы. И если в русской лингвокультуре женщина первая проявляет инициативу для приветственного рукопожатия, тем самым оставляя за собой выбор подавать руку или нет, то в Китае старший по возрасту или высокопоставленный мужчина первым протягивает руку женщине. Таким образом, рукопожатие в китайской лингвокультуре часто сопровождает приветствия первых двух типов. Необходимо добавить также, что китайский этикет не предусматривает поцелуев на публике, даже при произнесении приветствий в кругу близких, редким исключением является необходимость в этикетных поцелуях при встрече иностранных гостей, что предполагает официальную обстановку и, соответственно, произнесение приветствий первых двух типов.

В заключение можно отметить, что в актуализации РЖП, служащего для инициации коммуникации у всех народов, можно проследить как сходства, так и отличия в коннотативных значениях наиболее частотных приветствий, которые объясняются разнообразием типов мировосприятия, обычаев, традиций представленных лингвокультур. Рассмотренные в исследовании приветствия-клише «Здравствуйте!» в русской, и «你好!» в китайской традициях первоначально означали заинтересованность в состоянии здоровья адресата, пожелание добра ему или нескольким лицам, к которым обращались с приветствием.

В русской и китайской лингвокультурах имеются формы приветствий, употребляемые в зависимости от времени суток в разнообразных ситуациях: от официально-деловой, до неформальной, дружеской атмосферы. В представленных языках имеются и национально-специфичные формы приветствия, в которых и отражается самобытность народа-носителя языка, его культурные традиции и ценностные ориентации. В китайской лингвокультуре одним из основополагающих мировоззренческих принципов является коллективная сплочённость, а также стремление к благополучию и сытости. В связи с этим распространёнными являются такие дружеско-фамильярные формы актуализации РЖП, как «你去哪儿?», «你吃了没?».

В русской лингвокультуре определить речевой жанр того или иного выражения можно опираясь на контекст, интонацию, соответствующую высказыванию ситуацию, поскольку нередки случаи перехода одного жанра в другой, например, для иронического эффекта.

Таким образом, изучение форм актуализации РЖП представляет интерес с точки зрения лингвистики и лингвокультурологии, так как позволяет понять специфику и значение РЖП, реализующегося не только в речи, но и в жестах, отражающих особенности национальных картин мира в сопоставляемых языках. Выявленные различия форм актуализации РЖП обусловлены различной структурой выбранных для исследования языков, а имеющиеся сходства доказывают универсальность данного жанра для всех лингвокультур мира. Знание подобных особенностей специалистами в области межкультурной коммуникации, преподавателей и лиц, изучающих иностранные языки, позволяет выстраивать успешные отношения между представителями разных лингвокультур, основанные на уважении к партнёрам по общению, более глубоком понимании их национальной картины мира, стремлении сохранить культурное наследие и национальную идентичность народов.

© Бикмуллина Э.Р., 2022

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940-1960 гг. с.159-206.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. № 2. с. 103-112.
4. Гальперин И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. с. 267-291.
5. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
6. Олядыкова Л.Б. Вербальное и невербальное содержание приветствия и прощания в русском и китайском языках / Л.Б. Олядыкова, Ли Чуанцзин // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. №4 (18). с. 239-245.
7. Стернин И.А. Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып.1 Воронеж: изд-во «Истоки», 2002. 76 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие/ С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
9. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. с. 98-114.
10. Формановская Н.И. Речевой этикет. Русско-китайские соответствия. Справочник / Н.И. Формановская, Цзин Лю. М.: Высш. шк., 2007. 104 с.
11. Формановская Н.И. Речевой этикет. Русско-немецкие соответствия. Справочник / Н.И. Формановская, Г.Г. Соколова. М.: Высш. шк., 1992. 95 с.
12. Формановская Н.И. Речевой этикет. Русско-французские соответствия. Справочник / Н.И. Формановская, Г.Г. Соколова. М.: Высш. шк., 1992. 94 с.
13. Формановская Н.И. Речевой этикет. Русско-английские соответствия: Справочник / Н.И. Формановская, С.В. Шевцова. М.: Высш. Шк., 1990. 95 с.
14. Шаовэй Л. Невербальное сопровождение приветствия в русском речевом этикете (на фоне китайского и английского языков) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. №4. с. 128-130.
15. Этимологический словарь современного русского языка/ Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т.2. М.: Флинта: Наука, 2010. 576 с.
16. Austen, J., 1975. How to Do Things with Words. Harvard University Press, pp. 168.
17. Bauman, R. Genre / Key Terms in Language and Culture /Edited by Alessandro Duranti/ Malden, Mass.: Blackwell, 2001. 283 p.
18. Knoblauch, H., 2013. PowerPoint, Communication, and the Knowledge Society. New York: Cambridge University Press, pp. 250.
19. Matveeva, N., Fatkhutdinova, V., 2016. National component in Russian word-formation: Linguodidactic aspect. Journal of Language and Literature, 7 (2): pp. 233-236.
20. Swales, J. M., 2001. Genre analysis: English in academic and research settings. New York: Cambridge University Press, pp. 259.
21. 费孝通. 乡土中国 (Фэй Сяотун. Сельский Китай). Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012. 185 с.

References

1. Bakhtin, M. *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres] // Bahtin M.M. *Sobr. soch.* Moscow: Russkie slovari, 1996. V. 5: Raboty 1940-1960 rr. pp.159-206. (In Russian).
2. Bakhtin, M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p. (In Russian).
3. Gajda, S. *Zhanry razgovornykh vyskazyvaniy* [The genres of colloquial speech]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov: Kolledzh, № 2, 1999, pp. 103-112. (In Russian).
4. Gal'perin, I. O principakh semanticheskogo analiza stilisticheski markirovannykh otrezkov teksta [On the principles of semantic analysis of stylistically marked text segments]. *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy*. [Principles and methods of semantic research]. Moscow, 1976, pp. 267-291. (In Russian).
5. Gudkov, D. *Teoriia i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow: ITDK Gnozis, 2003, 288 p. (In Russian).
6. Olyadykova, L., Chuanczin, Li Verbal'noe i neverbal'noe sodержание privetstviia i proshchaniia v russkom i kitaiskom iazykakh [Verbal and non-verbal contents of greeting and farewell in the Russian and Chinese languages]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*. [Actual problems of presentday Philology and Journalism]. №4 (18), 2015, pp. 239-245. (In Russian)
7. Sternin, I. *Russkoe i kitaiskoe kommunikativnoe povedenie*. [Russian and Chinese communicative behavior]. Voronezh: Istoki, 2002. 76 p. (In Russian).
8. Ter-Minasova, S. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya: uchebnoe posobie* [Language and intercultural communication: textbook]. Moscow: Slovo, 2000. 624 p. (In Russian).
9. Fedosyuk, M. Nereshennye voprosy rechevykh zhanrov [Unsolved problems of speech genres]. *Voprosy iazykoznanii* [Linguistics issues]. № 5, 1997. pp. 98-114. (In Russian).
10. Formanovskaya, N., Lyu, Czin *Rechevoi etiket. Russko-kitajskie sootvetstviia. Spravochnik* [Speech etiquette. Russian-Chinese correspondences. Manual]. Moscow: Vysshiaia shkola [The Highest School], 2007. 104 p. (In Russian).

11. Formanovskaya, N., Sokolova, G. *Rechevoi etiket. Russko-nemetzkie sootvetstviia. Spravochnik* [Speech etiquette. Russian-German correspondences. Manual]. Moscow: Vysshaia shkola [The Highest School], 1992. 95 p. (In Russian).
12. Formanovskaya, N., Sokolova, G. *Rechevoi etiket. Russko-frantzuzskie sootvetstviia. Spravochnik* [Speech etiquette. Russian-French correspondences. Manual]. Moscow, Vysshaia shkola [The Highest School], 1992. 94 p. (In Russian).
13. Formanovskaya, N., Shevtsova, S. *Rechevoi etiket. Russko-angliyskie sootvetstviia. Spravochnik* [Speech etiquette. Russian-English correspondences. Manual]. Moscow: Vysshaia shkola [The Highest School], 1990. 95 p. (In Russian).
14. Shaovej, L. Neverbal'noe soprovozhdenie privetstviia v russkom rechevom etikete (na fone kitaiskogo i angliiskogo iazykov) [Non-verbal accompaniment of greetings in Russian speech etiquette (against the background of Chinese and English)]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. [Society. Environment. Development (Terra Humana)]. №4, 2011, pp. 128-130. (In Russian).
15. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Etymology dictionary] / A.K. Shaposhnikov: in 2 volumes. V.2. Moscow: Flinta Nauka [Flinta Science], 2010. 576 p. (In Russian).
16. Austen, J. L. *How to Do Things with Words*. Harvard University Press. 1975. pp. 168.
17. Bauman, R. *Genre / Key Terms in Language and Culture* / Edited by Alessandro Duranti/ Malden, Mass.: Blackwell, 2001. 283 p.
18. Knoblauch, H. *PowerPoint, Communication, and the Knowledge Society*. New York: Cambridge University Press, 2013. pp. 250.
19. Matveeva, N., Fatkhutdinova, V. National component in Russian word-formation: Linguodidactic aspect. *Journal of Language and Literature*. 2016. 7 (2): pp. 233-236.
20. Swales, J. M., 2001. *Genre analysis: English in academic and research settings*. New York: Cambridge University Press, pp. 259.
21. Fej, Syaotun Xiāngtǔ zhōngguó [Rural China]. Beijing: Beijing University Press, 2012. 185 p.

Сведения об авторе:

Бикмуллина Эльвира Рамильевна – ассистент кафедры контрастивной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. Круг научных и профессиональных интересов: сравнительные исследования в области английского, французского, китайского языков и культур, лингвокультурология, преподавание иностранных языков. E-mail: elvira732@mail.ru

About the author:

Elvira Bikmullina is a Postgraduate of the Department of Contrastive Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University. Spheres of research and professional interest: comparative studies in the field of the Russian, English, French and Chinese languages and cultures, linguoculturology, teaching foreign languages. E-mail: elvira732@mail.ru

* * *

RENÉ LÉVESQUE POLITICAL DISCOURSE FEATURES IN CONTEXT OF FIGHT FOR QUEBEC IDENTITY

E.F. Ovcharenko

Lomonosov Moscow State University
119991, GSP-1, Russia, Moscow, Leninskie gory, 1

Abstract. *This article considers René Lévesque's (1922–1987) political discourse in context of his fight for Quebec identity. In our opinion, he was the most brilliant Quebec leader during the second half of the XX century. A selection of his grand speeches and the best interviews “La voix de René Lévesque” (Québec, 2002) were used as the source for analysis. Being media and mass communication researcher, the author does not aspire solely to linguistic analysis. We consider René Lévesque's political discourse in view of his ability to communicate with different audiences supporting the Quebec's identity. So, it was very important to determine R. Lévesque's target audiences and the principal methods of influencing them. The speeches of R. Lévesque as a politician reflect his experience as a TV journalist (his habit of oral, not written presentation of information), hence some “roughness” of his speeches – the use of interjections, tautology, and the lack of stylistic artistry. One of the conclusions made is that all public R. Lévesque's speeches demonstrate, step by step, his consistent programme for preserving Quebec identity in its English environment (the change of self-designation into “Québécois (Quebeckers)”; the proclamation of French as the only language of the province; the attempt to secure the support of France, its former metropolis; referendum on province independence; declining the federal offer to sign “patriated” Canadian Constitution without recognizing Quebec as “a distinct society” and others). However, Prime Minister Pierre-Elionte Trudeau, his federal opponent, considered René Lévesque an ambitious person, who wanted to split united Canada. Unfortunately, “La voix de René Lévesque” did not include the internal Quebec Party discussions on province independence, which became the reason for René Lévesque to abandon Quebec Party and his post of Quebec Prime Minister. The author argues that political discourse of national Quebec leader René Lévesque was a form of social action, which served as a prerequisite for recognizing the Quebec Nation by the Parliament of Canada in 2006. At present Quebec Party, based on René Lévesque's political legacy continues to develop it, and the thesis of Quebec's Independence is still in its programme. The research shows that political discourse of small nations leaders like René Lévesque needs to be under further studies. The resonating context of the modern world gives us many other similar regional situations.*

Keywords: René Lévesque, his political discourse, features, target audience, French Canadian national question, Quebec Party, independence of Quebec, fight for Quebec identity

For citation: Ovcharenko, E.F. (2022). René Lévesque Political Discourse Features in Context of Fight for Quebec Identity. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 112–125. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-112-125>

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РЕНЕ ЛЕВЕКА В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА КВЕБЕКСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Е.Ф. Овчаренко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, ГСП-1, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1

Аннотация. В статье рассматриваются особенности политического дискурса в контексте борьбы за квебекскую идентичность самого яркого лидера Квебека второй половины XX столетия – Рене Левека (1922–1987). В качестве первоисточника используется собрание его избранных выступлений и телеинтервью “La voix de René Lévesque” (Québec, 2002). Являясь исследователем в области журналистики и массовых коммуникаций, автор статьи не претендует на сугубо лингвистический анализ политического дискурса Рене Левека. Он рассматривает его под углом коммуницирования Левека с различными аудиториями для выражения своих взглядов на защиту квебекской идентичности. Поэтому представляется важным в процессе исследования установить адресатов публичных выступлений Р. Левека (целевые аудитории) и проследить основные приёмы воздействия на них. Речь Левека-политика отражает его опыт тележурналиста (привычка к устному, а не письменному изложению информации), отсюда её некоторая «шероховатость» – повторяемость отдельных слов и оборотов, употребление междометий, отсутствие «стилистических красот». Одним из основных выводов исследования политического дискурса Рене Левека в контексте борьбы за квебекскую идентичность является присутствие в его выступлениях последовательной программы отстаивания национальных интересов Квебека и сохранения квебекской идентичности в англоязычном окружении, которую он по шагам воплощал в жизнь (смена самоназвания на «квебекцы»; объявление французского единственным языком провинции; попытка заручиться поддержкой бывшей метрополии – Франции; референдум о независимости провинции; отказ подписать не согласованную с Квебеком «патрированную» конституцию Канады, не отражавшую его «особость», и другие). Именно в этом ему отказывал его главный оппонент, федеральный премьер-министр Пьер-Эллиот Трюдо, который рассматривал Рене Левека лишь как амбициозную личность, желающую расколоть единую Канаду. К сожалению, внутренние дискуссии в Квебекской партии по поводу сроков объявления независимости Квебека, ставшие причиной ухода Рене Левека из политики вообще, так и остались за пределами сборника «Голос Рене Левека», не являясь публичными выступлениями. Проанализировав ключевые речи и интервью Рене Левека, можно утверждать, что политический дискурс подобных публичных выступлений национального лидера сам по себе является социальным действием, поскольку он создал предпосылки для «признания квебекской нации» Парламентом Канады в 2006 году. Отметим, что хотя со времени «эпохи Рене Левека» прошло более трёх десятилетий, Квебекская партия продолжает использовать и развивать его политическое наследие, а тезис о независимости Квебека по-прежнему присутствует в её программе. В заключение подчеркнём, что политический дискурс лидеров небольших наций, отстаивающих национальную идентичность в иноязычном и инокультурном окружении, нуждается в дальнейшем исследовании. «Перекликающийся контекст» современного мира даёт нам множество иных региональных примеров, сходных с ситуацией в Квебеке.

Ключевые слова: Рене Левек, его политический дискурс, особенности, адресаты, франкоканадский национальный вопрос, Квебекская партия, независимость Квебека, борьба за квебекскую идентичность

Для цитирования: Овчаренко Е.Ф. (2022). Особенности политического дискурса Рене Левека в контексте борьбы за квебекскую идентичность. *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 112–125. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-112-125>

Введение

В середине XVIII века, после перехода колонии Новая Франция к Британской короне¹ возник так называемый франкоканадский национальный вопрос. Его суть – в противодействии потомков французских поселенцев попыткам «растворить» их в англоязычном окружении. Упорное сопротивление франкофонов Канады способствовало появлению в этом регионе пассионарных национальных фигур, отстаивавших его идентичность. Их стремление обратить внимание Лондона, а затем Оттавы на то, что две нации-основательницы Канады стояли у её истоков, достигло своего апогея во второй половине XX века и стало угрожать целостности Канадской конфедерации. Закон об официальном билингвизме (1969), инициированный премьер-министром страны Пьером-Эллиотом Трюдо, в основу которого был положен тезис: «Одна страна – одна нация, говорящая на двух языках», лишь усилил противостояние федерального центра и единственной франкоязычной провинции. На волне этих событий в Квебеке появился один из самых ярких политических лидеров региона Рене Левек (Lévesque, 1922–1987), столетие со дня рождения которого отмечается в этом году. К сожалению, интерес российских исследователей к его личности незначителен, а отечественные СМИ, вспоминая о нём, как правило, в связи с очередной победой Квебекской партии на провинциальных выборах, ограничиваются отрицательной оценкой, без серьёзного анализа его значительной роли в борьбе за сохранение квебекской идентичности. Поэтому у данного исследования две цели: во-первых, привлечь внимание российских коллег из научного сообщества к речевой практике этого незаурядного политического деятеля; во-вторых, опираясь на эмпирический материал сборника *“La voix de René Lévesque”* (Québec, 2002), способствовать, говоря языком философов, «оправданию Рене Левека», негативный образ которого в наших медиа укоренился с советских времён.

Теоретические основания исследования во многом определили: монография французских авторов, изданная в Квебеке, – «Анализ текстовых данных» Л. Лебарта, Б. Пэнсмэна и С. Пудà (2019) [13] и отдельные положения статьи канадского учёного М. Литгоу «Пренебрегая новостями: новая эстетика “правды” в массовой культуре» (2012) [14]. Также полезными оказались работа «Терминологический глоссарий оратора» А.А. Романова, О.Н. Морозовой, Л.А. Романовой (2011) [7], статья профессора МГИМО Л.Г. Ведениной «Французский язык – духовная ценность Квебека и квебекцев» (2014) [3] и монография «Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций» А.А. Романова и Г.А. Ульянича (2014) [8].

Исследование: основная часть

Свои исследовательские задачи автор статьи видел в следующем:

- проследить динамику политического дискурса Рене Левека по защите квебекской идентичности;
- исходя из особенностей речевого поведения Р. Левека, определить его роль в формировании общественного мнения эпохи;
- отметить те принципиальные моменты политического дискурса Р. Левека, которые и сегодня используют лидеры Квебекской партии.

Материалы исследования. В Квебеке Р. Левеку посвящено немало изданий [10], [11], в них предпринимаются попытки разгадать непреходящую популярность его смелых идей о будущем франкофонного Квебека как сооснователя Канадской конфедерации, уже более двух с половиной веков сохраняющего в англоязычном окружении свой язык, обычаи и традиции. В юбилейном году также ожидается ряд книг, но среди всех изданий, посвящённых Р. Левеку, особое место занимает собрание его избранных публичных речей и интервью с аудиодиском «Голос Рене Левека», подготовленное Франсуа Бруссо в 2002 году на основе радиোগрам ключевых устных выступлений лидера Квебекской партии и бывшего премьер-министра провинции Квебек [12]. Этот сборник, откуда нами были выполнены переводы наиболее показательных, на наш взгляд,

¹ По итогам Семилетней войны.

фрагментов публичных речей и интервью Р. Левека, и послужил эмпирическим материалом для статьи.

Методология. Автор статьи хотел бы отметить, что, являясь исследователем в области журналистики и массовых коммуникаций, он не претендует на сугубо лингвистический анализ политического дискурса Рене Левека и рассматривает его под углом коммуницирования Левека с различными целевыми аудиториями для выражения своих шагов по защите квебекской идентичности. Поэтому представляется важным в процессе исследования установить адресатов публичных выступлений Р. Левека и проследить основные приёмы воздействия на различные группы адресатов (сторонники, противники, избиратели Квебека и иные).

Поскольку исследование в определённой мере носит междисциплинарный характер, при работе с первоисточником мы использовали *методологию комплексного анализа*. Она включила следующие уровни:

- анализ содержания («идеологию»);
- анализ событийного контекста (страноведческий компонент);
- анализ характерных для выступлений и интервью Р. Левека особенностей.

Процедура исследования. Дискурс как процесс речевого поведения [7, с. 17] формирует у аудитории образ политика, отражает его мировоззрение и манеру изложения идейной/партийной платформы. Поэтому мы совершенно согласны с французскими исследователями Л. Лебартом, Б. Пэнсмэном и С. Пудя, что «политический дискурс является одной из областей, особенно подходящих для ...анализа особого значения, которое принимают слова в связи с идеологиями» [13, р. 9]. Дискурс политика также отражает определённые особенности общения с соотечественниками, единомышленниками, оппонентами. Кроме того, такие публичные речевые акты всегда демонстрируют личностные, человеческие качества. Поэтому, чтобы определить истоки стремления Рене Левека к особому статусу Квебека в Канадской конфедерации, обратимся к некоторым фактам его биографии. Без них сложно понять, почему известный, высокооплачиваемый журналист-международник франкофонного телевидения Канады неожиданно оставил творческую стезю и обратился к внутренней политике.

Рене Левек, выходец из квебекской провинции², уже в 14 лет стал редактором новостей на местном радио. После смерти отца семья переехала в г. Квебек, Рене поступил в Лавальский университет на факультет права, но не окончил его, окунувшись с головой в работу на Радио-Канада³. Во время Второй мировой войны он стал франкоязычным корреспондентом «Голоса Америки» и очевидцем таких значительных событий, как освобождение Франции, а также освобождение концлагеря Дахау силами союзников в апреле 1945 года. По возвращении из Европы в Квебек Рене Левек – журналист Интернациональной службы Радио-Канада в Монреале, за 14 лет прошедший путь от рядового сотрудника до звезды эфира с солидным окладом. В 1950-х годах Левек пришёл на квебекское телевидение [5, с. 13] и в 1956–1959 годах был ведущим популярной авторской телепередачи «Точка прицела» (Point de mire), посвящённой, в основном, международной тематике. Готовя цикл выпусков о войне в Алжире, которую вела Франция, Рене Левек впервые подчеркнул право небольших наций на самоопределение. В последнем выпуске «Точки прицела», прощаясь со зрителями, Р. Левек изложил своё мнение о подаче информации для аудитории, которого придерживался, и став крупной политической фигурой Квебека, – любая точка зрения имеет право на жизнь: *«Если информирование действительно является профессией, значит, надо давать, наряду с прочими, и неприятные факты и предоставлять слово тем, кто недоволен, а не только тем, кого всё устраивает. В противном же случае информация как будто исходит от*

² Рене Левек родился в другой провинции, где также издавна проживали франкофоны, – Нью-Брансуике, однако его детство прошло уже в Квебеке, в городке Нью-Карлайле на берегу залива св. Лаврентия, в котором и сегодня проживает всего около 1500 человек (См.: https://fr.wikipedia.org/wiki/New_Carlisle [Accessed: 2022, January, 16]).

³ Радио-Канада (Radio-Canada) – франкоязычное название Канадиан Бродкастинг Корпорейшн (Си-Би-Си, Canadian Broadcasting Corporation, CBC), Канадской радиовещательной корпорации, являющейся службой общественного вещания федерального масштаба и финансируемой, в основном, государством.

рекламного агентства, как если бы она предназначалась для туристов, которым всё стараются показать в лучшем свете». [12, р. 23–24]. Отметим, что как телеведущий, а позднее в интервью для телевидения, Левек иногда позволял себе разнообразить речь междометиями и говорил достаточно быстро, чтобы придать ей характер непринуждённой беседы. Например, часто встречалось “ben” – «ну, вот как; вот так; ладно; ну да; что ж», включённое в Словарь разговорной лексики французского языка [6, с. 63], а также в Новый французско-русский словарь В.Г. Гака, К.А. Ганшиной с пометкой «просторечное» [4, с. 111]. Однако выступая публично как лидер квебекских суверенистов⁴ перед большими аудиториями (например, перед избирателями Квебека или Национальным Собранием Франции), Рене Левек даже в моменты крайнего эмоционального напряжения (как после не оправдавшего надежды Квебекской партии референдума о независимости провинции в мае 1980 года), отказался от этих приёмов и говорил на литературном французском языке с характерной для этого языка чёткой артикуляцией, используя широкую интонационную палитру. Обратим внимание и на то, что, в «камерных» выступлениях для речи Левека-тележурналиста и Левека, беседующего с корреспондентом, характерен элемент образности (например, в вышеприведённом фрагменте сравнение «конъюнктурной» информации с информацией, исходящей от рекламного агентства, предназначенной для туристов).

По собственным словам будущего лидера региона обратиться к внутренним проблемам Квебека его заставила легендарная забастовка франкоканадского персонала Си-Би-Си [9] в 1958–1959 годах. Прибыв в Оттаву в составе делегации забастовщиков, чтобы обсудить на федеральном уровне вероятность разрешения конфликта, Рене Левек обнаружил, что там франкоканадцев воспринимают как «людей второго сорта». Кроме того, лишившись поддержки, обещанной со стороны коллег-англоканадцев, забастовка франкоканадского филиала Си-Би-Си Радио-Канада завершилась безрезультатно. Эту забастовку конца 1950-х годов Левек назвал «точкой отсчёта своего политического образования» (*un moment d'éducation politique*) и в интервью англоязычной газете «Оттава Ситизен» (*Ottawa Citizen*) на следующий день после победы его Квебекской партии на выборах (1976) подчеркнул: «До этого я не был ни федералистом, ни антифедералистом» [15]. Активный журналист был замечен руководством Либеральной партии Квебека, вступил в её ряды, а после прихода либералов к власти (1960) стал в их правительстве министром водных ресурсов и общественных работ, повторив таким образом путь всех национальных лидеров Квебека XVIII–XXI столетий. Исторически сложилось так, что выдающиеся деятели политической истории Французской Канады, будучи представителями различных профессий (чаще всего – адвокатами, нотариусами, религиозными деятелями, журналистами) и социально активными людьми, вступали в какие-либо партии или основывали их, становились депутатами, спикерами Ассамблеи, членами кабинетов провинциального правительства или даже премьер-министрами Квебека. Во многом благодаря приобретённому на политическом поприще опыту, они оказывались основными защитниками идентичности франкоканадцев и, как правило, были незаурядными ораторами. Например, Луи-Жозеф Папино (1786–1871) – выпускник Квебекской семинарии, о красноречии которого ходили легенды, сначала был депутатом, затем спикером Ассамблеи и основателем Партии Патриотов, а впоследствии – руководителем Восстания Патриотов 1837–1838 годов в Нижней Канаде. Или журналист Анри Бурасса (1868–1952) – депутат, автор «доктрины франкоканадского национализма», среди публичных выступлений которого особое место занимала речь «Язык, страж веры» (1918), а основанная им в 1910 году для защиты интересов франкоканадцев газета «Девуар» (Долг) выходит и сегодня. Поэтому неудивительно, что в первом же «Учебнике по истории канадской литературы на французском языке» ректор Лавальского университета, аббат Камиль Руа (1870–1943) ввёл разделы «Политическое красноречие» и «Религи-

⁴ Суверенистами (т.е. сторонниками суверенного Квебека) называют себя члены Квебекской партии и поддерживающие её программу квебекцы, хотя в Английской Канаде их нередко именуют сепаратистами. В отечественной научной литературе сосуществуют оба термина, однако российские медиа отдают предпочтение сепаратистам.

озное красноречие», которые, по его мнению, уже к середине XIX века имели в провинции свою историю и успешно развивались⁵.

Начало партийной карьеры Левека совпало с так называемой «Тихой революцией», обусловленной тяжёлым экономическим и социальным положением провинции по сравнению с другими в составе Канадской конфедерации. Ключевые позиции в экономике Квебека всё ещё принадлежали американским и англоканадским монополиям, а на долю франкоканадцев приходились, в основном, предприятия малоприбыльных отраслей. Англофоны чувствовали себя хозяевами провинции, и франкоязычный житель Квебека, обратившийся к ним на родном языке, мог услышать «колонизальный окрик»: «Говори как белый!» (Speak White!)⁶. Именно тогда в регионе появился ряд движений, ратующих за отделение Квебека от Канады. Назовём «Объединение за национальную независимость» (Ressement pour l'indépendance nationale, RIN) Андре д'Альмана и Пьера Бурго, «Национальное сплочение» (Ralliement national, RN) Жиля Грегуара, а также террористическую организацию «Фронт освобождения Квебека» (Front de libération du Québec, FLQ), совершившую к этому времени уже несколько взрывов. Свою лепту внесли и интеллектуалы Монреальского университета: они группировались вокруг редакции журнала «Парти при», «основатель которого преподаватель социологии университета Люк Расин провозгласил целью движения этой группы и журнала борьбу за “независимость – отделение – социализм”» [1, с. 99].

У Рене Левека также созрел свой план изменения положения Квебека в Канадской конфедерации и ситуации в родной провинции в пользу франкоканадцев. Он назывался «Суверенитет–Ассоциация» («Souveraineté–Association»). Согласно этой формуле, отношения Квебека и остальной Канады должны были строиться на экономической ассоциации с Канадой, но на политическом суверенитете Квебека⁷.

14 октября 1967 года Р. Левек покидает ряды Либеральной партии, враждебно встретившей его инициативу, и основывает «Движение Суверенитет–Ассоциация» (Le Mouvement Souveraineté–Association, MSA), которое ровно через год становится Квебекской партией (Le Parti québécois, 1968)⁸.

Приведём фрагмент выступления Рене Левека на конгрессе его сторонников, когда была основана Квебекская партия (14 октября 1968 года). Он напоминает об изданной накануне конгресса книге-программе «Выбор – Квебек» (Option Québec), первый параграф которой, озаглавленный «Мы – другие», открывается фразой: «Мы – Квебекцы». Перемена имени, обсуждавшаяся журналом «Парти при» и принятая Левеком, задала совершенно новый вектор развитию событий в провинции.

«Этот выбор, объединивший нас и принявший форму манифеста, как его нарекли, чья первая фраза – и это сегодня меня так поразило – не только стала для нас чем-то простым и естественным, но она, эта фраза, по-моему, деятельное начало, поскольку уж включает в себе имя, которое мы приняли, которое решили избрать. Это просто: “Мы – Квебекцы”» [12, р. 48]. Запись данного фрагмента с аудиодиска из сборника «Голос Рене Левека» отражает контраст между чёткой речью Левека, его ровной, «не ораторской» интонацией, что скорее напоминает изложение доклада, и бурной реакцией зала, особенно на последнюю фразу: «Мы – Квебекцы». Очевидно, что в этом публичном выступлении его содержание не требовало от Р. Левека дополнительных «красок». Новое имя, по мнению членов созданной Квебекской партии, было первым шагом к перемене статуса Квебека в стране.

⁵ См.: Roy Camille. Manuel d'histoire de la littérature de langue française. 21-me éd. – Montréal, 1959. – 201 p.

⁶ Этому бесправному положению французского языка в единственной франкофонной провинции Канады посвящена одноимённая горькая поэма-плакат Мишель Лалонд (Lalonde, 1937–2021) «Speak White!» (1968).

⁷ Отметим, что прообраз подобной идеи уже содержался в работе франкоканадского экономиста Эррола Бушетта (Bouchette, 1862–1912) «Экономическая независимость Французской Канады» («L'indépendance économique du Canada français»), увидевшей свет в 1906 году (См.: Roy Camille. Manuel d'histoire de la littérature de langue française. 21-me éd. – Montréal, 1959. – P. 145).

⁸ В начале 1968 года Р. Левек излагает и обосновывает свою концепцию «Суверенитет–Ассоциация» в книге «Выбор – Квебек» (Lévesque R. Option Québec. – Montréal, 1968). По его мнению, это союз, чем-то похожий на союз земель Федеративной Республики Германии.

По верному утверждению канадского учёного Майкла Литгоу, «язык является средством, через которое мы сталкиваемся с миром, в котором существуем и который изменяется от нашего присутствия» [14, р. 287]. Имя «Квебекцы», обретенное через родной язык, стало началом к обновлению всего квебекского общества. Профессор МГИМО Л.Г. Веденина так комментирует это событие: «Вопрос названия – это сигнал о наличии других – более глубоких – социальных вопросов. ... Термин франкоканадец, по мнению участников полемики, ассоциируется с понятием меньшинство, он означает связь с двумя территориями: Францией – по ту сторону Атлантики и англоговорящей страной Канадой» [3, с. 185]. Поэтому отказ от названий «Французская Канада» и «франкоканадцы» был отказом от позиции «канадского» меньшинства. Кроме того, самоназванием «квебекцы» новая Квебекская партия стремилась обозначить «особость» единственной франкоязычной провинции в составе страны.

Квебек с энтузиазмом воспринял новое имя: «Социологи свидетельствуют, что менее чем за 15 лет слово квебекец оттеснило слово франкоканадец» [3, с. 185].

А в ноябре 1976 года Квебекская партия впервые победила на провинциальных выборах, что оказалось неожиданным не только для противников-либералов, но и для неё самой. Известно, что Левек заготовил две речи: одну на случай провала, другую – на случай небольших положительных сдвигов при победе либералов. Однако они не понадобились, и после объявления результатов (Квебекская партия – 71 депутат, Либеральная партия – 28) ему пришлось говорить безо всякой подготовки. Поэтому речь оказалась абсолютно импровизированной и крайне эмоциональной. В её начале отмечают ощутимые замешательство, растерянность, удивление, несколько странные для речевой практики бывшего журналиста со стажем, но вполне объяснимые для лидера молодой партии и просто человека: *«Думаю, мне нет необходимости говорить вам, до какой степени я не способен сейчас давать комментарий об этом экстраординарном знаке доверия, на который мы могли лишь надеяться... Должен вам откровенно сказать, что надеялись от всего сердца, но не ждали ничего подобного в этом году»* [12, р. 58]. Повторяемость в выступлении выражения «от всего сердца» в различных вариантах (*de tout notre cœur, du fond du cœur, du fond de notre cœur*) говорит о глубокой благодарности Рене Левека всем избирателям – массовому адресату [7, с. 6–7]: *«Хочу от всего сердца поблагодарить всех квебекцев во всех уголках Квебека, не побоявшихся перемены, необходимой Квебеку»* [12, р. 58]. Кроме того, в его речи звучит гордость результатом – и личная тоже: *«Никогда не думал, что смогу так, как в этот вечер, гордиться тем, что я – Квебекец»* [12, р. 58]. Затем благодаря однопартийцев – коллективного адресата, подчёркивая «особость» Квебека и называя его «страной» (*pays*)⁹, Левек снова позволяет себе в заключение не характерный для него «пафосный» тон: *«Я хотел бы также поблагодарить и поздравить во всех уголках страны всех тех, кто в течение десятка лет долгие месяцы, и особенно последний, работали так напряжённо, нечеловеческим образом, чтобы достичь этого результата, который получился – подумайте, за десяток лет. Для истории одного народа это очень быстро. И это не обыкновенный народ. Так, вероятно, бывает у великого народа»* [12, р. 58]. Запись этой речи передаёт атмосферу праздника – она часто прерывается аплодисментами, скандированием имени Левека и лозунгов Квебекской партии её сторонниками, но также она демонстрирует мастерство Левека-оратора. Несмотря на севшие после напряжённой избирательной кампании связки, Левек выступает крайне эмоционально, на подъёме, «играет» интонацией, перед важным с его точки зрения высказыванием «выдерживает паузу», акцентирует эти высказывания (например, благодарность всем квебекцам и его соратникам; фраза о «великом народе»).

Рене Левек был избран большинством голосов от округа Тайон г. Монреаля и стал премьер-министром Квебека.

⁹ Вероятно, так называть провинцию Квебек – «*le pays de Québec*» – идёт от необыкновенно популярного в Квебеке романа французского писателя начала XX века Луи Эмона «Мария Шапделен», рассказывающего с искренней симпатией о жизни квебекского крестьянства в глубинке. Написанный в 1913 году и впервые изданный в Квебеке в 1916 году, он неоднократно переиздавался и трижды экранизировался.

Сильной стороной Левека-политика были смелые, но продуманные решения. Несмотря на федеральный Закон об официальном билингвизме (1969), говорить на родном языке жители Квебека могли отнюдь не всегда. Например, «лишь 68% франкоканадцев имели возможность пользоваться на работе французским языком, а 21% вынужден был на рабочем месте говорить по-английски» [2, с. 30]. Поэтому 26 августа 1977 года правительство Р. Левека принимает Закон № 101 («Хартию французского языка»), провозгласивший французский единственным языком провинции Квебек! Закон был подготовлен соратником Р. Левека министром Камилем Лореном – известным канадским психиатром, и, разумеется, противоречил федеральному Закону об официальном билингвизме. Необходимо напомнить, что для квебекцев проблема родного языка была крайне болезненной с середины XVIII века, с момента перехода Новой Франции к Британии, когда для 65 000 её жителей-франкофонов официальным был объявлен английский. Первое значительное выступление в защиту французского языка состоялось в 1792 году на заседании Парламента Квебека и принадлежало депутату-франкоканадцу Эсташу-Гаспару де Лобиньеру, став настоящим вызовом британской администрации, на службе которой он в прошлом находился. Но лишь более чем через полвека, в 1848 году, депутаты-франкоканадцы получили право пользоваться в парламентских прениях французским языком. В иных сферах жизни ещё долго продолжал господствовать английский, а Закон об официальном билингвизме мало изменил ситуацию. Поэтому в сентябре 1977 года, будучи гостем передачи «Телемаг» и комментируя принятие квебекского Закона № 101, Рене Левек обращался фактически к единичному адресату – федеральному правительству, а также к личному адресату – его политическому оппоненту, премьер-министру Пьеру-Эллиоту Трюдо, «твёрдому федералисту» (кстати, уроженцу Монреаля). В этом интервью Р. Левек возвращается к характерному речевому приёму тележурналистов – снова использует междометия. Кроме того, он опять прибегает к образности – простой, но наглядной: *«Если я и стал сторонником независимости, то язык – лишь одна из причин, и далеко не единственная. Просто я не вижу, как наша проблема культурной и языковой идентичности может быть урегулирована без обретения политического суверенитета – чтобы “мы могли быть дома (d'être chez soi)”*. А ощущение “дома” для большинства населения – да (*ben*), даёт родной язык, что естественно. Меня это оскорбляет, я [от этого] испытываю унижение. Я говорю себе: почему наши проклятые обстоятельства нас вынуждают сделать это? Но они нас вынуждают» [12, р. 65]. Комментируя столь важный для Квебека закон, Рене Левек излагает своё мнение с ровной интонацией, однако, поскольку время передачи ограничено, говорит достаточно быстро – как принято на телевидении, и несложно для бывшего тележурналиста со стажем.

Левек-политик умел освобождаться от иллюзий, которые мешали Квебекской партии двигаться дальше, завоёвывая доверие сограждан, и признавался в этом публично. При создании Квебекской партии в 1968 году планировалось объявить Квебек независимым, выиграв провинциальные выборы, но такая тактика не принесла успеха: в октябре 1973 года она позволила получить лишь шесть депутатских мест. Поэтому на очередном съезде Квебекской партии в 1974 году Рене Левек предложил так называемый путь «этапизма» – двигаться к цели поэтапно, через всенародные референдумы о независимости Квебека. Отказ от «быстрого» пути к независимости вызвал шквал критики радикально настроенных однопартийцев Левека, в том числе известного канадского экономиста Жака Паризо. Поэтому к ним как коллективному адресату, в первую очередь, обращался Рене Левек в своём публичном выступлении примерно год спустя после победных выборов, в сентябре 1977 года, подчёркивая, что он не отказался от конечной цели: *«Самый большой вызов в этом деле [управлении провинцией] – это, думаю, не потерять идеал, растеряв все свои иллюзии. Те же, которые остаются – клянусь вам – исчезают в течение нескольких первых месяцев пребывания у власти. Я уже пробыл какое-то время у власти, но вот о чём забывают... я же никогда не был на том посту, на котором нахожусь в данный момент. Иллюзии, если и были, их после нескольких месяцев совсем не осталось. Но надежда, или идеал, – это то, о сохранении чего идёт речь, между тем, как остальное уходит»* [12, р. 66]. Запись этого выступления передаёт чёткую, спокойную речь Р. Левека – так может говорить человек, уверенный в своей правоте и готовый противостоять сложным обстоятельствам.

После первых успешных шагов Квебекской партии – победы на выборах и провозглашения французского единственным языком провинции, Рене Левек решает заручиться поддержкой своих начинаний на международном уровне. По приглашению французского президента Валери Жискар д'Эстена он прибывает в Париж. Сближение Квебека с Францией началось ещё во время «Тихой революции», и первым шагом стало заключённое между ними в 1963 году прямое соглашение о культурном сотрудничестве, что вызвало недовольство федерального правительства. Но настоящим шоком для Оттавы стала речь президента Франции Шарля де Голля, который во время официального визита на выставку «ЭКСПО-67», проходившую в Монреале, позволил себе воскликнуть: «Да здравствует свободный Квебек!» Разумеется, визит вылился в политический скандал, и де Голль немедленно покинул страну.

Однако Франция привлекала Р. Левека не только своим благожелательным отношением к идее независимости провинции, но и как страна, возглавлявшая влиятельную Международную организацию Франкофонии (Organisation internationale de la Francophonie, OIF), что тоже могло бы способствовать укреплению позиций Квебека в его противостоянии с Оттавой. Поэтому в Париже совсем в ином ключе звучит речь Рене Левека перед другим коллективным адресатом – Национальным Собранием Франции (2 ноября 1977 года). Выступая перед представителями бывшей метрополии, Левек, как умелый дипломат, старался подчеркнуть общее происхождение французов и квебекцев, используя образ Астерикса¹⁰ – героя французских популярных комиксов, а для него было совершенно нехарактерным упоминание имён собственных в публичных выступлениях. Кроме того, он даже пытался задеть известное французское тщеславие потомков первооткрывателя Канады Жака Картье («...вся Северная Америка очень даже могла бы быть галльской скорее, чем, скажем, “неоримской”»). Однако главной задачей Р. Левека было объяснить французским депутатам, почему квебекцы так настаивают на своём суверенитете среди англоговорящих провинций: *«Речь идёт о народе, который долгое время довольствовался тем, что его заставляли, если можно так выразиться, забыть себя, чтобы выжить. <...> Теперь, как мне кажется, – как нам кажется, и нас всё больше, тех, кто уверен: вскоре на карте появится демократическим путём новая страна (pays) – там, где до настоящего времени Федеральное государство очень хотело бы видеть лишь одну из прочих провинций, и там, где проживает весьма значительное большинство тех, кого вы часто называете «Французы Канады» (les Français du Canada). <...> Почти 2000 км с севера на юг и более 1500 с востока на запад – Квебек, по крайней мере, физически – самая большая из областей (contrée) мира, где официальным языком должен быть (soit)¹¹ французский. Более того, 4 из 5 его жителей принадлежат по рождению к французской культуре. Подобно вам, мы можем совершенно серьёзно или, в конце концов, с лёгкой улыбкой упоминать о “наших предках галлах”. Однако поскольку нас всего-то 6 миллионов – на краю континента, насчитывающего в 40 раз больше англофонов, нам даже случается из-за этого чувствовать себя “в окружении” (de nous sentir cernés), подобно Астериксу в его деревне, и поэтому лишь грезить о том, что вся Северная Америка очень даже могла бы быть галльской скорее, чем, скажем, “неоримской”»* [12, р. 67–68]. Говоря о французском языке Квебека и используя в этом месте выступления (в соответствии с правилами французской грамматики) Le présent du subjonctif, Левек выражает таким образом своё стремление/желание дать квебекцам реальную возможность (согласно принятому Закону № 101) всесторонне пользоваться родным языком, что должно найти отклик в сердцах жителей Франции. В речи перед Национальным Собранием Франции, представленной на аудиодиске, Р. Левек снова обращается к ораторским приёмам: темп выступления небыстрый, артикуляция

¹⁰ Астерикс, согласно “Le Petit LAROUSSE”, “héros de bande dessinée, créé en 1959... Les aventures de ce petit guerrier gaulois, luttant avec son ami Obélix contre les occupants romains, mettent en scène les stéréotypes nationaux” (Le Petit LAROUSSE. – Paris, 1994. – P. 1150).

¹¹ “Subjonctif – mode personnel du verbe employé soit dans les propositions subordonnées, soit pour exprimer le doute, l’incertitude, la volonté, etc.” (Le Petit LAROUSSE. – Paris, 1994. – P. 968). “Le présent du subjonctif exprime l’attitude personnelle de celui qui parle à l’égard de ce qui est dit. ...Il sert ainsi à exprimer une action incertaine, douteuse, désirée, etc.” (И.Н. Попова, Ж.А. Казакова. Французский язык. Cours pratique de grammaire française. – М.: ООО «Нестор Академик Паблишерз», 2005. – С. 273).

сверхчёткая, напоминающая де-голлевскую; варьирование интонаций, паузы перед значительными высказываниями; некоторый нажим на особо важных, по его мнению, фразах. Речь была явно рассчитана на встречную реакцию аудитории, и она не заставила себя ждать.

Выступление Левека и поддержка, обещанная президентом Франции, вызвали беспокойство посла Канады в этой стране Жерара Пеллетье – давнего знакомого и когда-то коллеги-журналиста Рене Левека, а ныне «твёрдого федералиста».

Окрылённый успехом и подгоняемый радикальными однопартийцами, Рене Левек решился на референдум о независимости Квебека, с неутешительными итогами которого связано одно из самых драматичных его выступлений. Всеквебекский референдум 20 мая 1980 года показал следующие результаты: «да» сказали 40,5% квебекцев; «нет» – 59,5%. Тяжело переживая поражение, Левек, тем не менее, прежде всего позаботился о сохранении национального единства небольшого народа и об уважении к двум противоположным точкам зрения на независимость Квебека. Вот красноречивый фрагмент из его выступления, полный человеческого достоинства перед лицом боли поражения и характеризующий его умение «держаться удар». Сначала Левек обратился к своим сторонникам (коллективный адресат), а затем ко всем слушающим его (массовый адресат): *«Мои дорогие друзья! Если я вас правильно понял, вы собираетесь сказать: “В следующий раз”. Однако с той же беспристрастностью, с какой мы провели всю кампанию, на этот раз нам всё-таки надо примириться с поражением, что нелегко. Извиняюсь, что заставил вас ждать. Должен сознаться: долгое время сохранялась надежда... Потому что этот результат... должен вам сказать: это тяжело, это гораздо больнее – это ранит глубже – чем какое-нибудь поражение на выборах, и я знаю, о чём говорю. <...> Нынешнее 20 мая 1980 года, может быть, запомнится как один из последних всплесков (sursaut) старого Квебека, который необходимо уважать. Мы – одна семья, но пока, очевидно, разделённая надвое по этому вопросу. Однако я верю, что однажды у Квебека состоится положенная встреча с Историей, свидетелями которой, верю, мы окажемся все вместе. Но признаюсь, что сегодня вечером было бы весьма некстати с моей стороны говорить вам точно – когда или как. Единственная вещь, которую я хотел бы добавить, это вот что: веря в нас бесконечно, однако учитывая тот факт, что завтра нам снова жить всем вместе, несмотря на то, что между нами есть слишком очевидные разногласия, может быть, стоит закончить этот вечер песней – той, что остаётся самой прекрасной квебекской песней – всем без исключения, всем нашим жителям (chez nous)? Кто-нибудь мог бы запевать – “Gens du pays” («Люди страны»), а я совершенно не в голосе»* [12, р. 73, 75]. Песня, о которой говорит Левек, – это признание в любви к родному краю (слова и музыка Жилия Виньо и Гастона Рошона)¹². Впервые она была исполнена в Монреале на национальном празднике Квебека в день св. Жана-Батиста (Иоанна) Крестителя 24 июня 1975 года и стала неофициальным гимном Квебека, а после предложения Рене Левека спеть её 20 мая 1980 года связана и с памятью о нём.

В обращении Р. Левека к массовому адресату с предложением спеть неофициальный гимн Квебека удивителен такой неожиданный момент: дискурс – процесс речевого поведения Левека, кроме широко распространённых аспектов – вербального (слова), акустического (громкость голоса), кинетического (жесты), включил и такую редко используемую характеристику, как странственное поведение: Рене Левек посредством любимой в Квебеке песни использовал странство для единения соотечественников [7, с. 17]. Это обстоятельство придало его речи некий отголосок ритуального действия, традиционно сопровождающегося пением, что было очень близко квебекцам, в основе своей добрым католикам. Отечественные исследователи А.А. Романов и Г.А. Ульянич определяют такую ситуацию как «социальный акт взаимодействия человека с человеком или группой лиц, направленный на разъяснение истины и приближение её к человеку или группе лиц» [8, с. 48]. В данном случае истина, которую стремился донести Р. Левек до всех квебекцев, – это необходимость, несмотря ни на что, единства небольшого народа в иноязычном и инокультурном окружении.

¹² Refrain: «Gens du pays, c'est votre tour / De vous laisser parler d'amour».

Тем не менее, на очередных провинциальных выборах 13 апреля 1981 года квебекцы вновь отдали голоса Квебекской партии. Проведение референдума и переизбрание Р. Левека заставили федеральное правительство принять ответные меры: премьер-министр П.-Э. Трюдо инициировал так называемую «патриацию» Канадской конституции, подразумевавшую окончательный суверенитет Канады по отношению к Великобритании. Однако в ноябре 1981 года Квебек не был приглашён на утверждение этого проекта девятью англоязычными провинциями, и Рене Левек отказался – в знак протеста – подписать на следующий год «патрированную» Конституцию. К слову, в ней снова не было ничего сказано о двух нациях-основательницах Канады.

Осенью 1984 года к власти в Оттаве пришли консерваторы – «умеренные федералисты», но в самой Квебекской партии опять начались разногласия по вопросу о провозглашении независимости Квебека, и ключевые министры кабинета Левека во главе с Жаком Паризо покинули правительство. Лишившись многих бывших соратников, 20 июня 1985 года Рене Левек ушёл с поста главы Квебекской партии, а 3 октября – и с поста премьер-министра провинции. Надо ли говорить, что следующие выборы остались за либералами. Уже будучи вне политики, в интервью по случаю выхода его мемуаров (октябрь 1986 года) Рене Левек оптимистически и образно дал понять, что его идеал будущего Квебека не утерян, несмотря ни на что: *«Современный Квебек – такой, каким мы знаем его сегодня, – появился уже четверть века назад, и лично мне кажется, что со своими подъёмами и спусками, похожими на морской прилив. Мне, как и всем жителям побережья, близок такой образ. Да, прилив может уходить, собираясь вернуться. Но, во всяком случае, про движение Квебека к окончательному процветанию лично я думаю, что такой процесс необратим и в результате приведёт к более чёткому определению его национального статуса»* [12, р. 84].

Рене Левек неожиданно скончался от сердечного приступа 1 ноября 1987 года, и его уход из жизни завершил целую эпоху в истории Квебека.

Результаты исследования

Ценный первоисточник – «La voix de René Lévesque» дал возможность проанализировать «из первых рук» особенности политического дискурса Рене Левека в контексте защиты квебекской идентичности. Мы смогли проследить связанные с этим мировоззренческие установки Р. Левека; выявить наличие и последовательность его политической программы по реализации такой защиты, а также (благодаря аудиодиску) отметить некоторые использованные им традиционные ораторские приёмы. Кроме того, наш анализ показал, что речевая практика Левека-политика опиралась на его опыт тележурналиста. Данное небольшое исследование, являясь пока единственным в своём роде, безусловно, не смогло, охватить все особенности политического дискурса Рене Левека.

Анализ результатов

В соответствии с поставленными целями анализируя содержание политического дискурса Рене Левека, направленного на защиту квебекской идентичности (то есть «идеологию», по определению французских учёных Л. Лебарта, Б. Пэнсмэна и С. Пудà), мы смогли проследить логичную программу отстаивания национальных интересов Квебека и сохранения квебекской идентичности в англоязычном окружении, которую Р. Левек последовательно воплощал в жизнь (смена самоназвания на «квебекцы»; объявление французского единственным языком провинции; попытка заручиться поддержкой бывшей метрополии – Франции; референдум о независимости провинции; отказ подписать не согласованную с Квебеком «патрированную» конституцию Канады, не отражавшую его «особость» и другие). Именно в умении быть последовательным политиком ему отказывал его главный оппонент – федеральный премьер-министр Пьер-Эллиот Трюдо, который рассматривал Рене Левека лишь как амбициозную личность, стремящуюся расколоть единую Канаду. Необходимо отметить, что речевая практика Левека-политика отражает его опыт тележурналиста (привычка к устному, а не письменному изложению информации), и

отсюда проистекает её некоторая «шероховатость» – повторяемость отдельных слов и оборотов, использование междометий, отсутствие стилистических излишеств. Политическая жизнь «эпохи Рене Левека» была столь насыщенной, что автор счёл необходимым сопроводить свою статью подробным рассмотрением исторического контекста.

Проанализировав ключевые речи и интервью Рене Левека, можно утверждать, что политический дискурс подобных публичных выступлений национального лидера сам по себе является социальным действием. В подтверждение нашего вывода приведём наблюдение канадского учёного Майкла Литгоу: «Существует использование языка как системы символов для выражения коллективных намерений, что ведёт к возникновению определённых проектов, обязанностей и ожиданий, которые вовлекают говорящих и слушающих в особые социальные отношения» [14, р. 287]. В политическом дискурсе Р. Левека краеугольными символами явились следующие: «квебекцы» – смена самоназвания как отказ от положения «канадского меньшинства»; новый смысл традиционного словосочетания «страна Квебек», отражающий стремление к суверенному, независимому Квебеку; определение французского языка как дающего ощущение «дома» для квебекцев.

В ноябре 2006 года, почти 20 лет спустя после ухода из жизни Рене Левека и более двух с половиной веков с момента возникновения беспокоившего страну франкоканадского национального вопроса, Парламент Канады признал «существование квебекской нации», что, конечно же, было невозможно без заложенного Левеком вектора политического дискурса Квебекской партии. Рене Левек предвидел такое развитие событий: *«Необходимо постоянно всем вместе мечтать, чтобы эти мечты выливались в конкретные проекты»* (4 июня 1985 года) [12, р. 87].

В уже упоминавшейся монографии французских исследователей Л. Лебарта, Б. Пэнсмэна и С. Пудя «Анализ текстовых данных» (2019) совершенно справедливо утверждается, что «при качественном анализе текста внимание исследователя сконцентрировано не на самом тексте, а на предмете анализа, для которого текст является одним из видов доступа» [13, р. 28]. Действительно, из текстов публичных выступлений Рене Левека становится очевидным их «предмет» – борьба за сохранение квебекской идентичности. Однако его участие во внутренних дискуссиях Квебекской партии осталось за пределами сборника «Голос Рене Левека», поскольку не относилось к публичным выступлениям. Известно, что Р. Левек не смог убедить однопартийцев в том, что единство нации важнее поспешного объявления независимости Квебека, и это стало причиной его ухода из политики вообще. Прослушав же имеющиеся на аудиодиске публичные выступления Рене Левека на политические темы (речи и интервью), мы можем сделать вывод о его стремлении всегда «идейно» и словесно ориентироваться на ту целевую аудиторию, перед которой предстоит выступать: или чётко, в деловом стиле, формулировать программу действий в кругу соратников, или используя простые ораторские приёмы (акценты, паузы, «игра» интонацией), излагать свои взгляды, чтобы получить ответную реакцию от иных групп адресатов.

Заключение

Со времени «эпохи Рене Левека» Квебекская партия неоднократно была у власти, и тезис о независимости Квебека всё ещё присутствует в её программе. Так, во время победной для Квебекской партии кампании весны 2014 года 28,8% её политического дискурса было посвящено этой теме (у главного оппонента, Либеральной партии Квебека – всего 2,5%) [16, р. 260]. Более того, Квебекская партия продолжает успешно развивать политическое наследие Рене Левека по защите квебекской идентичности. Так, находясь у власти в конце прошлого тысячелетия, она в 2000 году организовала Комиссию Генеральных Штатов о будущем французского языка в провинции, опасаясь угрозы со стороны мировой тенденции к глобализации, а также наплыва в Квебек пёстрой и разноразличной иммиграции. В результате деятельности Комиссии отныне «квебекцами» стали считаться все проживающие на его территории, независимо от этнического происхождения. А в 2013 году, когда Квебекская партия вновь находилась у власти, была принята «Хартия квебекских ценностей» (*Charte des valeurs québécoises*), попытавшаяся создать предпосылки для объединения всех жителей Квебека под эгидой французского языка, – независимо от происхожде-

ния, вероисповедания и пола, что могло бы создать новые перспективы для развития квебекского общества¹³.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что необходимо дальнейшее исследование политического дискурса лидеров небольших наций, подобных квебекцам, – «перекликающийся контекст» современного мира (то есть ситуации, подобные проблеме Квебека в Канаде) существовали и существуют во многих регионах нашей планеты.

Материал статьи может быть использован в курсе лингвострановедения.

© Овчаренко Е.Ф., 2022

Список литературы

1. Агамогланов В.Ш. Обострение национального вопроса в условиях общего кризиса капитализма (на примере Канады). М.: УДН имени Патриса Лумумбы, 1976. 160 с.
2. Банцекин Н.Б. Франкоканадская проблема на современном этапе (1968–1980 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИСК АН СССР, 1982. 273 с.
3. Веденина Л.Г. Французский язык – духовная ценность Квебека и квебекцев // Материалы XXXVI и XXXVII международных конференций Российского общества по изучению культуры США / Отв. ред. Л.Г. Михайлова. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014. С. 182–188.
4. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. 5-е изд., испр. М.: Русский язык, 2000. 1195 с.
5. Галушко Р.И. Телевидение капиталистических стран. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 67 с.
6. Гринёва Е.Ф. Словарь разговорной лексики французского языка / Е.Ф. Гринёва, Т.Н. Громова. М.: Русский язык, 1987. 638 с.
7. Романов А.А. Терминологический глоссарий оратора. Пособие к учебному курсу / А.А. Романов, О.Н. Морозова, Л.А. Романова. Тверь: Ин-т прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, ТвГУ, 2011. 68 с.
8. Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. Монография / А.А. Романов, Г.А. Ульянич. Москва–Тверь: ИЯ РАН; ТИПЛ и МК; ТГСХА, 2014. 163 с.
9. Canadian Broadcasting Corporation: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.cbc.ca> (Accessed: 2022, January 16).
10. Godin Pierre, René Lévesque. Un homme et son rêve. Biographie en quatre volumes. Montréal, 1994–2005.
11. Gince Pierre, Grégoire Marie. René Lévesque et nous. 50 regards sur l'homme et son héritage politique. Québec. 2020. 368 p.
12. La voix de René Lévesque. Une sélection de ses grands discours et de ses meilleurs entretiens. Extraits choisis et présenté par François Brousseau d'après la série radiophonique de Jacques Bouchard. Québec. 2002. 95 p.
13. Lebart Ludovic, Pincemin Bénédicte et Poudat Céline. Analyse des données textuelles. Québec. 2019. XXXII+472 p.
14. Lithgow Michael. Defying the News: New Aesthetics of “Truth” in Popular Culture // Canadian Journal of Communication. 2012. Vol. 37. – No 2. P. 281–302.
15. The Ottawa Citizen. 1976. November 16.
16. Sanger William, Warin Thierry. The Public's Perception of Political Parties During the 2014 Quebec Election on Twitter // Canadian Journal of Communication. 2018. Vol. 43. No 2. P. 245–263.

References

1. Agamoglanov, V.Sh. *Obostrenie natsional'nogo voprosa v usloviakh obshchego krizisa kapitalizma (na primere Kanady)* [The aggravation of national question in the capitalist crisis conditions (Canada's example)]. M.: UDN imeni Patrisa Lumumby, 1976. 160 s.
2. Bantsekin, N.B. *Frankokanadskaia problema na sovremennoy etape (1968–1980 gg.)* [French Canadian problem during the modern stage (1968–1980)]. Diss. ... kand. ist. nauk. M.: ISK AN SSSR, 1982. 273 s.
3. Vedenina, L.G. *Frantsuzsky iazyk – dukhovnaia tsennost' Kvebeka i kvebektssev* [French Language as spiritual value of Quebec and Quebecers] // *Materialy XXXVI i XXXVII mezhdunarodnykh konferentsii Rossiiskogo Obshchestva po izucheniu kul'tury SSHA* / Otв. redaktor L.G. Mikhailova. M.: Fakul'tet zhurnalistiki MGU imeni M.V. Lomonosova, 2014. S. 182–188.
4. Gak, V.G., Ganshina, K.A. *Novy frantsuzsko-russky slovar'*. 5-e izd. [New French-Russian Dictionary]. M.: Russky iazyk, 2000. 1195 s.
5. Galushko, R.I. *Televidenie kapitalisticheskikh stran* [Television of capitalist countries]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980. 67 s.
6. Grinova, E.F., Gromova, T.N. *Slovar' razgovornogo frantsuzskogo iazyka* [Spoken French Language Dictionary]. M.: Russky iazyk. 1987. 638 s.

¹³ См., например: Audette-Longo P., Esseghaier M., Lefebvre M.-E. “It Won't Go Viral”: Documenting the Charter of Québec Values and Talking Theory on YouTube // Canadian Journal of Communication. – 2017. – Vol. 42. – No 1. – P. 121–129.

7. Romanov, A.A., Morozova, O.N., Romanova, L.A. *Terminologicheskii glossarii oratora. Posobie k uchebnomu kursu* [Orator's terminological glossary]. Tver': Institut prikladnoi lingvistiki i massovykh kommunikatsii TGSCHE, TvGU, 2011. 68 s.
8. Romanov, A.A., Ulianich, G.A. *Meloliinyi diskurs kak informatsionnyi medium v sisteme publichnykh kommunikatsii* [Meloly discourse as information medium in the system of public communications]. Moskva-Tver': IIA RAN; TIPL I MK; TGSCHE, 2014. 163 s.
9. Canadian Broadcasting Corporation: <http://www.cbc.ca> (Accessed: 2022, January 16).
10. Godin Pierre. *René Lévesque. Un homme et son rêve*. Biographie en quatre volumes. Montréal. 1994–2005.
11. Gince Pierre, Grégoire Marie. *René Lévesque et nous. 50 regards sur l'homme et son héritage politique*. Québec, 2020. 368 p.
12. *La voix de René Lévesque. Une sélection de ses grands discours et de ses meilleurs entrevues. Extraits choisis et présenté par François Brousseau d'après la série radiophonique de Jacques Bouchard*. Québec. 2002. 95 p.
13. *Lebart Ludovic, Pincemin Bénédicte et Poudat Céline. Analyse des données textuelles*. Québec, 2019. XXXII+472 p.
14. Lithgow, Michael. Defying the News: New Aesthetics of "Truth" in Popular Culture // *Canadian Journal of Communication*. 2012. Vol. 37. No 2. P. 281–302.
15. The Ottawa Citizen. 1976. November 16.
16. Sanger, William, Warin, Thierry. The Public's Perception of Political Parties During the 2014 Quebec Election on Twitter // *Canadian Journal of Communication*. 2018. Vol. 43. No 2. P. 245–263.

Сведения об авторе:

Овчаренко Елена Феликсовна – кандидат филологических наук, ответственный редактор Международного альманаха «Северные грани» МГУ имени М.В. Ломоносова; член Российского общества изучения Канады (РОИК). E-mail: felicella@inbox.ru

About the author:

Elena Ovcharenko, PhD in Philology, is Editor of International Almanac "Northern Verges", Lomonosov Moscow State University; the member of Russian Association for Canadian Studies (RACS). E-mail: felicella@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

CONTRASTIVE ANALYSIS OF ENGLISH, RUSSIAN, AND HEBREW IDIOMS WITH LEXEME “GREY»

Kigel T.

Bilingual Specialist in Bilingual Center Behazlaha-Center,
Petah Tikva, Israel

Abstract. According to the article's aim to study English, Russian, and Hebrew idioms with the lexeme grey-gray / серый / צהוב (GRIS), a number of equivalents, original and unique GRIS were explored, the presented meanings of GRIS were organized into associative chains, then in microsystems, and the similarities and differences of trilingual GRIS were singled out. In the investigation, an extensive review of scientific literature in English and Russian was made and methods of qualitative-quantitative, semantic, and cultural-linguistic analysis in the framework of cognitive linguistics, color linguistics, and modern phraseology were used. The study consists of two main sections: Equivalent Grey Idioms (A. Optical color of natural objects and artificial objects; B. Mental and ethical problems) and Original, Unique GRIS. The quantitative and qualitative GRIS analysis convincingly proves an extensive basis for communication of multisystem linguistic and cultural groups, the intensity of interethnic communication in the 21st century, as well as the contribution of unique GRIS to the world linguistic culture. Optically grey color is between black and white, and, accordingly, GRIS are intermediate between black and white idioms, but are closer to black idioms. The article deals with the lexical-semantic polysemy of GRIS, and the metaphor “grey zone” that describes something intermediate, new, controversial, vague, not yet classified and regulated, and is intensively used in the 21st century in technology, computer science, economics, trade, law, social work, medicine, morality, literature, and diplomacy. The work results will help in educational and translation practice, compiling dictionaries, and creating a base for automatic translation of phraseological units. The research also contributes to intercultural communication, psycholinguistics, cultural studies, cognitive and comparative linguistics.

Keywords: English, Russian, Hebrew, grey color idioms, linguistics of color terms, contrastive linguistics, L2, automatic translation

For citation: Kigel, T. (2022). Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Idioms With Lexeme “Grey”. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), pp. 126–137. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-126-137>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И ИВРИТСКИХ ИДИОМ С ЛЕКСЕМОЙ «СЕРЫЙ»

Тали Кигель

Билингвальный центр Behazlaha-center,
ул. Узиэль, 10, Петах-Тиква, Израиль 4938128

Аннотация. В соответствии с поставленной в статье целью изучить идиоматические единицы с лексемой «серый» в английском, русском языке и иврите, был проведён количественный анализ эквивалентных, оригинальных и уникальных идиом с лексемой «серый» (далее GRIS); представленные значения GRIS были организованы в ассоциативные цепочки, затем в микро-системы, проанализированы сходства и различия трёхязычных GRIS. В исследовании приведён обширный обзор научной литературы на английском и русском языках и использованы методы качественного и количественного, семантического и культурно-лингвистического анализа в рамках когнитивной лингвистики, цветолингвистики и современной фразеологии. Исследование состоит из двух основных разделов: Эквивалентные идиомы (А. Оптический цвет природных и искусственных объектов; В. Психические и этические проблемы) и Оригинальные, уникальные GRIS. Количественный и качественный анализ GRIS убедительно доказывает обширную основу для общения разносистемных лингвокультурных групп, интенсивность межнационального общения в XXI веке, а также вклад уникальных GRIS в мировую лингвокультуру. Оптически серый цвет находится между чёрным и белым, и, соответственно, GRIS занимают промежуточное положение между «чёрными» и «белыми» фразеологизмами, но ближе находятся к «чёрным» фразеологизмам. В статье рассматривается лексико-семантическая полисемия GRIS, а также метафора «серая зона», описывающая нечто промежуточное, новое, спорное, расплывчатое, ещё не классифицированное и не регламентированное и интенсивно используемая в XXI веке в сфере техники, компьютерных наук, экономики, торговли, права, социальной работы, медицины, морали, литературы и дипломатии. Результаты работы могут быть использованы в учебной и переводческой практике, составлении словарей, создании базы для автоматического перевода фразеологизмов. Исследование также вносит вклад в межкультурную коммуникацию, психоллингвистику, культурологию, когнитивную и сравнительную лингвистику.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, иврит, идиомы с лексемой «серый» (GRIS), лингвистика цвета, контрастивная лингвистика, усвоение второго языка, автоматический перевод

Для цитирования: Кигель Т. (2022). Сопоставительный анализ английских, русских и ивритских идиом с лексемой «серый». *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 126–137. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-126-137>

The article aims to investigate idioms with the lexeme grey-gray (American English) / серый / אפור (hereby – GRIS) and to fill a gap in the contrastive trilingual study of grey idioms (GRIS) and especially in investigating Hebrew grey idioms.

Color in a language is subcategorized by a set of interrelated vocabulary items. Grayscale or achromatic scale is the collection or the range of monochromic (gray) shades, ranging from pure white on the lightest end to pure black on the opposite end [19].

According to the Berlin & Kay theory of basic color designations [12], the basic colors in language evolution appear in such sequence: achromatic dark-cool, and light-warm (a larger set of colors, in English “black” and “white”), then red, either green or yellow, both green and yellow, blue, brown, purple, pink, and on the seventh stage – orange or gray.

In the opinion of S. Moutsios, a genuine curiosity, and high esteem for the intellectual activity of other cultures gave lain at the heart of the comparative inquiry .[27]

The 21st century requires effective intensive intercultural communication, and knowledge of idioms as the important vocabulary layer in oral, writing, and communication with native speakers contributes that making an emotional, persuasive, colorful, and metaphorical speech. Nowadays, automatic translation, or software for translating a text in a short time with little human effort, doesn't supply the translation of the idioms because of word-for-word translation, syntactic complexity, and lack prior choice of style and translation scope [9]. A growing need for L2 studying and automatic translation from many languages make our study relevant and important.

Cognitive science is an interdisciplinary science that draws on such fields as psychology, artificial intelligence, linguistics, and philosophy in developing theories about human perception, thinking, and learning [14] and it is the framework for this study as part of the Linguistics of Color Terms [21] and also of Contrastive Linguistics which deals with identifying differences and similarities in the structure of at least two languages or dialects [15].

According to Wezhbitskaya [33], language reflects the conceptualization of color designations, through language it is possible to understand the linguistic picture of the world, a kind of picture of the world, historically formed in the ordinary consciousness of the linguistic community [11]. The linguistic picture of the world is a set of ideas about the world embodied in the meaning of different linguistic units such as lexical units, set phrases, certain syntactic constructions, etc., which form a single system of views or prescriptions [4]. Kövecses considers some conceptual metaphors in different languages to be almost universal or potentially universal [26].

Mulder and Hervey [28] considered a language as a “system of systems” because it is made up of interdependent small language units that are units that become complete only when they are combined. The main premise of this concept is that the diversity of the form of a language requires the study of each of its multifunctional subsystems or microsystems [18]. A microsystem is a self-contained subsystem located within a larger system that constitutes the smallest unit of analysis in systems theory.

Microsystem linguistic analysis is based on the postulate that a language can be divided into separate systems small enough, but also complete, to be able to work together that can be analyzed by man and machine because the interaction of different subsystems is a property of the language.

One of the basic concepts of lexicology is a *semantic field* that denotes a segment of reality, symbolized by a set of related words, characterized by the connection of words or their meanings, the systemic nature of these connections, the interdependence and interdefinability of lexical units, the relative autonomy of fields, the continuity of the semantic space, visibility and psychological reality for the average native speaker [8], [31]. In the lexical-semantic field, micro fields are distinguished – semantic associations, the members of which are connected by an integral feature, usually expressed by the dominant of the micro field (nuclear lexeme), and the structure of the field consists of the core and the near and far periphery. Due to the influence of the method of component analysis [13], semantic fields have been seen as a subsystem of a particular language characterized by relationships with other units of phonological, morphological, derivational, syntactic, lexical, and semantic systems [8].

A. Zhukov [3] considered also phraseology a system and analyzed its systemic connections both external (relationships of variance, synonymy, semantic convergence, hyponymy, thematic unity, phraseological variance, and optionality, synonymy with other phraseological units) and internal (paradigmatic and syntagmatic).

Thus, as a result of the interaction of linguistics and other sciences, the term “microsystem” is increasingly used to describe language processes. Some color linguists already use the term “microsystem” in Russian, Ukrainian, English, and Kirgiz phraseological analysis [1, p. 7], [6, p.405], [7, p. 289]. In this study, GRIS is considered as a system of three parts, the elements of which are chains of associations [16],

defined as an associative field (or group of associations) to designate a set of lexical units that exhibit a certain similarity of form or meaning.

As a result, in the 21st century there are many studies on English color metaphors [10], [20], contrastive works on English and Italian [29]; English, Russian and Japanese [5]; English, Deutsch, and Mari [34]; and Polish, Portuguese, Spanish [30]. Especially interesting for this work are the studies of Thinard on English GRIS [32] and Denisenko on Russian GRIS [2] while there is no data on Hebrew GRIS.

GRIS occupy an insignificant share in the total number of color phraseological units (6 times less than the number of black phraseological units, according to research data), and they have a similar frequency in English (3-4 %) and Russian (2%) [5, p. 308–309], [34, p. 34].

This work is part of the project “Contrastive Analysis of English, Russian and Hebrew Idioms” (Kigel, Green Idioms [22]; Red Idioms [23]; Blue Idioms [24]; Gold, and Silver Idioms [25]; in the press – Contrastive Analysis of English, Russian and Hebrew White, Black, Yellow and Secondary Color Terms Idioms.

2. Methodology

The work is aimed at studying the trilingual GRIS, so the key research issues that need to be addressed are the following: to identify modern English, Russian, and Hebrew GRIS, count the number of equivalents and unique GRIS in each language; organize associative chains of GRIS meanings, and integrate them into microsystems.

For the study tasks, the following methods were used in the work: linguistic description, the comparative method, as well as the method of component analysis of the phraseological units.

In our work, we followed the following procedure. At the initial stage, GRIS lists and their meanings were created from electronic explanatory and phraseological dictionaries and an Internet token search. After comparing trilingual GRIS, identifying equivalents and original idioms, GRIS were classified into associative chains, microsystems, and three key major conceptual groups. In the next stage, quantitative analysis and a discussion of the results were carried out. Finally, the study results were summed up.

The results of the work should be used in the educational process (teaching and learning L2), human and automatic translation, lexicographic and lexicological work, and intercultural communication.

They will contribute to further linguistic research in studying phraseological microsystems in unrelated and structurally distant languages, and help comparative linguistics, psycholinguistics, cognitive, cultural linguistics, and translation theory.

3. Results

3.1. Equivalent trilingual GRIS

A. Natural object's color

Physical objects: grey body radiation / излучение серого тела / קרינת גוף אפור (physics, an imperfect black body, partially absorbs incident electromagnetic radiation; a black body absorbs all the electromagnetic radiation vs a white body reflects all incident radiation uniformly in all directions).

Fauna: grey as mouse / серый как мышь / אפור כמו עכבר; a grey cat ran / серая кошка пробежала (Russian – чёрная / black, an unexpected quarrel); all cats are grey at night / ночью все кошки серые / כל החתולים אפורים בלילה (an alternative is not clear because of lack sufficient knowledge).

Weather: grey day, grey weathered, the grey of the dawn (predawn haze), grey morning / серый день серое утро, серая погода, серые дали / יום, אפור שמים אפורים (overcast, cloudy, overcast, inclement).

Human body: grey cells, grey matter / серые клетки, серое вещество / אפור תאים אפורים חומר (cerebral convolutions, intelligence); grey-faced, grey out / серое лицо от боли, весь серый / פנים אפורות (impairment of cerebral circulation, a transient dimming, haziness of vision resulting from temporary); the grey face with pain/лицо посерело от боли (the face dull, drawn, wan, worn from grief, fatigue.); greyish or blue skin / сероватая кожа, серовато-синяя кожа / עור אפור בהיר (pallor, a lack of oxygenated blood to the discolored area).

Artificial object's color

Comparison: grey as ash, smoke, asphalt / серый как пепел, дым, асфальт / עשן, אפר כמו אפר, אספלט.

Textiles: grey yarn / серая пряжа (coarse, unworked). **Clothing:** dressed in a grey, grey suit / одетый в серый, серый костюм, серый (grey, official, inexpressive; Russian-police officer, crime control department).

Metallurgy: grey iron / серый литейный чугун / ברזל אפור (cast iron, the grey color of the fracture because of graphite).

Public utilities: grey-water / серая вода / מים אפורים (reused, from washing machines, dishwashers, sinks, showers, bathtubs, for garden irrigation, mopping).

B. Human Activity

Medicine: grey area (science, medicine, English, the struggle with uncertainty, a continuous adaptation of practice to new information); серая медицина (Russian, commercial medicine vs state medicine; aesthetic medicine, fake clinics, self-taught doctors without medical education and licenses; fitness equipment, supplies); רפואה אפורה (grey or black medicine, VIP attitude thanks to presents, donations, goods).

Sex: a grey person, grey-a, grey-asexuality / серый асексуал, серая асексуальность / מיניות אפורה (spectrum of asexuality and sexuality: no sexual attraction; rare sex desire); Fifty Shades of Grey / пятьдесят оттенков серого / אפור של גוונים חמישים (erotic romance novel, film about such sexual practices as Sado-Mazo).

Psychoactive substances (drugs): Grey death / серая смерть / מוות אפור (slang, a potent mixture of synthetic opioids).

Economy: grey market / серый рынок, серый бизнес / שוק אפור (not quite legal, not completely illegal; unofficial, not illegal; sale of legally goods – cameras, cars, watches, computer games, pharmaceuticals – by unauthorized dealers without brands permission; Hebrew, a financing system operates outside the institutionalized financial system); grey import / серый импорт / שוק יבוא אפור (parallel import through free official channels counterfeit imported goods); grey market goods / серые товары / סחורות השוק האפור (parallel import, commonly branded goods from one market, country, economic area subsequently imported into another market to sell without the owner's consent); grey market loans / кредиты на сером рынке / הלוואות שוק אפור (for borrowers which are refused by a bank to lend them money because of the risk; aggressive collection, physical threats); a grey market security / серый рынок ценных бумаг (over-the-counter transactions in securities before the official release into circulation); grey wave / серая волна (today's investment will only bear fruit when the investor's hair turns grey); grey scheme / серая схема (legal but frowned-upon scheme to work); grey goods, grey appliances / серая продукция, серая техника, серый товар / אפורה סחורה (e-commerce, electronic goods at below average market prices, without warranty, non-localized software vs white law goods with warranty, repair, replacement, loyalty to the buyer); grey knight / серый рыцарь / אביר אפור (a person or firm that makes a company a desirable takeover bid on better terms than an unacceptable and undesirable offer from a black knight).

Employment: grey salary / серая зарплата, работать в серую (income, only partially reported for tax, it issued the rest in an envelope); grey zona, grey area / серый район, серая зона / שטח אפור, תחום אפור (the social relations between actors and institutions, labor standards and status distinctions among working people, precarious working, nonstandard forms of work, unemployment, unclearly, debatably).

Professionals: grey collar / серый воротничок / צווארון אפור (combining the white-collar and blue-collar workforce; English, Russian – social infrastructure, service industries; Hebrew – indirectly engaging in the production quality auditors, warehousemen, working in a manual labor environment).

Law: grey law / серый закон / בחוק אפור (without law or precedent; the law has not been applied, doubtful whether and how it can be applied).

Computers, devices: grey list / серый список / רשימה אפורה (undesirable, unreliable, then the blacklisted); grey box, grey box model / серый ящик, серая коробка / קופסה אפורה (mathematics, statistics, computational; both insight into the system and experimental data with unknown parameters vs black box with unknown model form or purely theoretical white-box models); grey-box testing /

тестирование серого ящика / בדיקת קופסא אפורה (a technique for discovering software bugs with underlying software limited knowledge to fix, patch, prevent malicious attackers from utilizing these exploits; blended method of a white box, full-knowledge, and black box, no-knowledge); grey software, a grey area of software / серое программное обеспечение / תוכנות אפורות (trusted apps and malware together, suspicious, unwanted apps, advertisements, activities, mine cryptocurrency); grey SEO / серое SEO / קידום אתרים אפור (search engine optimization to increase a page's rankings, spectrum between white SEO and black SEO, black masquerading as white); grey goo / серая слизь / עיסה אפורה (popular press or science fiction, global catastrophic scenario in which out-of-control self-replicating nano robots will consume all the Earth's biomass, carrying out their self-reproduction program).

Mail: graymail / серая почта (mass bulk email, periodic newsletters, announcements, advertisements targeted; Russian, unpaid, unaccounted postage).

Literature: grey character (culture, art, literature, English – not completely good or evil, wobble between hero and villain; Russian – boring character); grey literature / серая литература / ספרות אפורה (publications through nontraditional distribution channels, academia, government departments, agencies, civil society, non-governmental organizations, academic centers, departments, private companies, consultants, non-commercial sources scientific, technical public information as reports, working papers, government documents, organizations).

Conflict, confrontation: grey zone / серая область / תחום אפור, אזור אפור (border war zone; competitive interactions between and within state and non-state actors that are between the traditional duality of war and peace, no-man's-land between warring parties, military zone of special status, smuggling, uncertainty about the future); grey war, grey space, grey zone strategy, grey activities / серая война (between normal state relations and armed conflict; cyber conflict, English, U.S., confrontation strategies, harassment of the victim state, hybrid warfare, undermining the economy, political stability and morale of the population; struggling with an implicit rival in conditions of uncertainty; Russian – globalize terrorism and organized crime); grey diplomats (warships, between diplomacy and intimidation, diplomacy from a strength position).

C. Mental and Ethical Issues

Depressing, pessimistic, gloomy, dismal: to look grey (to look dull), grey thoughts / серая тоска / מוצב רוח אפור (grey longing, hopeless).

Boring, monotonous, ordinary, unattractive, similar to other others: a gray life, gray existence / серая жизнь, серое существование / חיים אפורים; серые будни, серая суета / gray days, gray work (monotonous, weekdays, vanity, dull, unpleasant, low quality).

Anonymous, faceless, lacking individuality: gray man, little gray men in suits / серая личность, серенькие человечки / טיפוס אפור; greyness / серость (a feeling that nothing is interesting or exciting); all cats are gray in the night / ночью все кошки серы.

Hidden, invisible, unofficial: grey eminence, grey man / серый кардинал, серый человек / קרדינל אפור (a shadow of an actual true ruler, Hebrew-transliteration גרין גרין); someone in grey / некто в сером (mysterious, indefinite personality, secret organizer, leader of terrorists).

Psychology: the grey rock method / техника серого камня, метод серой скалы / שיטת הסלע האפור (strategy for interacting with manipulative, abusive people, become unresponsive, boring, similar to a rock); office relations grey area/ серая зона офисных отношений (ambiguous, "frenemy", a cross between friend and enemy).

Moral, ethics: grey morality / серая мораль / מוסר אפור (moral dilemma, the vague boundary between good and evil as in euthanasia vs. black & white morality); black-grey morality / чёрно-серая мораль / מוסר שחור אפור (computer games, no good, only Evil); white-grey morality / бело-серая мораль / מוסר לבן אפור (computer games, it is Good, but there is no Evil); grey-grey morality / серо-серая мораль / מוסר אפור אפור (computer games, every side not good nor Evil).

Lying & Deception: grey area of lying and deception / серая область публичных отношений (PR, the lack of a clear solution, hard in recognizing the right thing, between truth and lies vs Black & White Areas).

Unexpected: a grey rhino / серый носорог / קרנף אפור (politics, expertise, investments, predictable crisis) parallel with the elephant in the room and black swan, extreme rarity events with severe impact, that were obvious in hindsight.

3. 2. Original and Unique GRIS

English. Hair color and older generation: grey-haired, grey-bearded, old grey hairs, grey-haired old man (vs white, already, old age; Russian – седой, седовласый; Hebrew – שָׁעַר כָּסוּף); to go grey, to become grey (Russian – поседеть; Hebrew – לְהִכָּסִיף (to become or turn grey); pensioners: grey nomad (Australian elderly person traveling in a motorhome); grey voice; grey economy (Australia and New Zealand, lobbying groups for the elderly people, USA – Grey Panthers, countering ageism); Grey Power (organization of welfare and well-being of the elderly); grey pound (purchasing power of the elderly against the pink pound); **Miscellaneous:** shades of grey (struggle against child abuse, imminent danger, risk of harm or injury); grey car (from another country, need to register in the US); grey job (paramilitary espionage around the world).

It should be noted that grey Grey (Gy) / Грей / גרי (a unit of absorbed radiation) is not related to GRIS, as it is named after the British physician L. Harold Grey (1905-1965), an authority on the use of radiation in cancer treatment.

Russian. Fauna: серая опасность (grey danger, mice and rats); серый (grey, wolf); **Roughly, low quality and value:** серый хлеб (food, grey bread, dark-colored from wheat flour); серая бумага (grey paper); серый фильм, серый спектакль, серая пьеса (culture, art, literature, grey film, performance, play; mediocre); ordinary origin, low social-economics status: серая кость, серый люд (grey bone, grey people); **Ignorance, cultural backwardness:** серость, серый народ, серый человек (grey people, narrow-mindedness, lack of education); **Miscellaneous:** серое спокойствие (grey calm, indifference); серая мышь, серая мышка; (grey mouse, minor person); в сером (in grey, unfashionable, cheap), в сером и чистом (in grey and clean, iron, recommendation for teacher clothes); серая шинель (grey overcoat, Gogol's character, a poor, defenseless person); Law conflict: серые арендодатели (grey landlords illegally renting an apartment for cash or transfers without paying taxes); серые каналы (YouTube, earning on content using other people's videos); серая схема заработка (шантаж в Интернете); серые патенты (grey patent registration of already patented product); Medicine: серая зона (the grey area of the test for antibodies to COVID-19 (questionable result, neither positive nor negative); оттенки серого (shades of grey, conflict of morality and politics); **Conflict, confrontation:** серая зона (frontline settlement); серая книга (book about a danger of fascism revival).

It should be noted that lexeme сивый translated as grey: Lie, nonsense: врать как сивый мерин (lie like a grey gelding, shamelessly, stupidly); бред сивой кобылы (grey mare drivel, abolished).

Hebrew. סוס עבודה האפור (grey workhorse, ŠKODA's car); רישוי אפור (motorcycle grey licensing, only closed, approved tracks); חינוך אפור (grey education, after school lessons paid by parents); גל אפור (elderly manpower).

4. Analysis

As a result of a study of modern English, Russian, and Hebrew GRIS, a total of 228 GRIS were identified (English – 90 or 100%; Russian – 85 or 94%; and Hebrew – 53 or 59%). The ratio of trilingual GRIS is similar to that of trilingual black idioms (361 in total; English – 140 or 100%, Russian – 127 or 91%, Hebrew – 94 or 67% (Kigel, Black Idioms, in press).

According to the researchers [5, p. 308–309], [34, p. 34], GRIS have a small part in the total amount of color idioms (English: grey 3-4%; black 23, white 16%; Russian: grey 2%; black 24%, white 25%) and have about an equal frequency in English and Russian while the data about Hebrew colorative idioms is lacking. The amount of GRIS roughly six times smaller than black-white idioms and the ratio of equivalent and original grey and black idioms are similar (Kigel, Black Idioms – in print). The similarity between English and Hebrew grey metaphors is obviously due to the close relations between the two cultures.

The presence of about 80% of GRIS equivalents for three or at least two languages (grey day, grey person) is evidence of a common base of effective communication for different language speakers. Thus, there is research that in Europe, secondary color terms seem rather homogenous and there is more union than nonunion in their perception [30, p. 67] and this statement is correct for English, Russian, and Hebrew GRIS, languages of different systems.

The presence of 20% original GRIS proves the linguistic and cultural diversity that contributes to the global Linguistic Picture of the World and is a result of nature, weather conditions, religion, and cultural differences. A part of GRIS in different languages describes different aspects of Human Activity (grey character in English and Russian; grey medicine, grey education in Russian and Hebrew) and also found some lacunar idioms in the three languages (grey power in Russian and Hebrew). Nowadays, modern medicine, technique, political, and social terms are quickly adopted in all three languages (grey economics; grey rock method) and this largely increased the number of equivalents in the overall balance.

After identification, various trilingual GRIS were integrated with equivalent trilingual GRIS into semantic associative chains, based on logically related meanings (Economy-Employment-Professionals) and then into three key microsystems: A. Natural object's color: Physical objects; Fauna; Weather; Human body; Artificial object's color; Medicine; Sex; Psychoactive substances (drugs). Comparison Textiles – Clothing Metallurgy Public Utilities; B. Human Activity: Economy-Employment-Professionals; Law; Computers, devices; Mail-Literature; Conflict, confrontation; C. Mental and Ethical Issues: Depressing, pessimistic, gloomy, dismal; Boring, monotonous, ordinary, unattractive, similar to other others; Anonymous, faceless, lacking individuality; Hidden, invisible, unofficial; Psychology; Morally, ethics – Lying & Deception; Unexpected.

GRIS parallel black & white color idioms (for comparing, black/blue/green/yellow paradigm is wider), and to a small extent to silver idioms (grey/silver worker) but they do not create antonyms with other color idioms as black – white, red – green idioms or blue – rose idioms.

There is clear coordination between the visual greyscale and existing many common associative chains of black-white, on one hand, and grey idioms, on the second hand (Medicine–Sex–Drugs; Economy–Employment). The results of the work prove Philip's statement [29, p. 77] that black and grey metaphors are often metaphorically linked, and often appear together in many metaphorical expressions and there is more similarity between black and grey idioms than between white and grey ones. The adjectives partially near, and imperfect before black idioms help to understand the grey idiom as a milder form of black metaphor (imperfect body or grey body).

In comparison to black idioms, GRIS also have neutral, informational connotations (grey body – black body), and many disapprobation connotations (grey salary) but much fewer negative connotations (grey mail – black mail). In addition to GRIS's smaller amount, they concentrated around fewer themes, have less polarized meaning, fewer variations (turn grey, make grey), and shorter associative chains.

The metaphor 'grey zone' deserves special attention because of its wide use nowadays both in natural and social science. It has versatile and sometimes complicated meanings, and numerous definitions: unclear, obscure, debatable, indefinite, indefinable, ambiguous, uncategorized, ambiguous, debatable, with difficulty-defined boundaries.

'Grey zone' could be connected to a mix with a clear distinction between black and white (grey-box testing, grey SEO), a combination (greywater, grey economics, grey collar), a mid-way point between extremes (grey economy, good–bad, legal – illegal), and can both temper the negativity of black and detract from the positive meaning of white [29].

The other meaning of the metaphor 'grey zone' is an indefinite, inconsistent intermediate, vague, non-clear mix of black – white (grey war, grey moral), which Hamilton [20, p. 34] defined as the "in-between-ness, vagueness, lack of clarity" and Allan [10, p. 626] as indeterminable. Sometimes a clear distinction between right and wrong is difficult or impossible (grey character, grey diplomacy). This mix with a blurred border, maybe a little black and a little white, and is neither black nor white, at the same time legal and illegal, and neither legal nor illegal [29, p. 10-11].

Linguistics of color attributed the similarity of the color metaphor to the general perception, and the national identity of idioms to the unique living environment, lifestyle, customs, tradi-

tions of the ethnocultural community, religion, cultural experience, and the national worldview of philosophy.

There is a different proportion of original trilingual GRIS in English (16%), Russian (28%), and Hebrew (1%). In part of the original GRIS, English GRIS is associated with aging, middle age, pensioners, and related external and spiritual characteristics – hair color, wisdom, and experience. A considerable number of GRIS with a variety of original topics: animals' color, low quality and value, and many metaphors about law conflict exist in Russian. Grey isn't a preferable color for the Hebrew-speaking community as proving a little Hebrew GRIS amount.

5. Discussion

We conclude that for the first time in this study Hebrew GRIS idioms were collected and also for the first time were analyzed English, Russian, and Hebrew metaphors with the color lexeme grey / серый / אפור.

In the work, the quantitative composition of grey idioms was presented. In addition, to organize a large phraseological material, associative chains of meaning and grouping of meanings were created based on selected features. With the help of the analysis, a comparison of GRIS and black idioms was made, and common and different meanings of Gris in three languages were found, it was emphasized that despite the relatively small number of grey idioms in phraseology, they are very productive at present and are actively used in all three languages. A detailed analysis of the concept of 'a grey zone' led to the conclusion about the importance of the novelty and uniqueness of GRIS denoting new areas for which laws and rules have not yet been formulated. The research results are important to intercultural communication, psycholinguistics, cultural studies, cognitive and comparative linguistics as well as educational L2 practice. The automatic translation should especially be enriched because idiom translation currently is an unresolved problem since literal translation does not allow understanding of phraseological units, expressions, and their stylistic coloring. In the study, we discussed the GRIS polysemy and different ways for the organization of meaning microsystem.

To build a more complete picture, we need to overcome the restrictions given below: considering etymology and diachronic aspect, proverbs, and trilingual sayings of professionals, individual writers, and journalists' GRIS. The work has the following limitations: it focuses on the modern meanings of GRIS and does not take into account the diachronic aspect, and the scope of the work does not permit citation, although this could make the conclusions more reasonable. It is not excluded that the list of GRIS may include additional goes but this will not change the overall picture to analyze five types of cultural motivation of idioms [17, p. 214]: social interaction; material culture; inter-textual phenomena; fictive conceptual domains (e.g., ancient folk theories), and cultural symbols.

© Kigel T., 2022

Список литературы

1. Болотина М.А. Символика цвета в русском и английском языках. / М.А. Болотина, Е.А. Шабашева // Вестник Балтийского федерального университета. И. Кант. 2011. Вып. 2. С. 7-12.
2. Денисенко М. В. Фразеологизмы с компонентом «grey/серый» в английском и русском языках // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 1152-1154. URL: <https://moluch.ru/archive/111/27286/> (дата обращения: 08.06.2022).
3. Жуков А.В. О системности фразеологии. Мир русского слова. 2010, № 3. С.21-26.
4. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. Языки славянской культуры, Studia philologica. М. 2006. 672 с. ISBN 5-9551-0114-4.
5. Завьялова Н. А. Фразеологизмы с компонентом колорита как компонент дискурса повседневности в Японии, Великобритании и России. Уральский издательский дом. 2011. 320 с.
6. Колесникова И. Е. Сопоставительная идеографическая характеристика фразеологической микросистемы, обозначающей доброту (на материале украинского и английского языков). Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12 (11). С. 405-408.

7. Саматов К. Микросистемы ахроматических цветообозначений ак “белый”, кара “черный” и боз “серый” в кыргызском языке. Проблемы современной науки и образования. 2017. С. 28-40.
8. Поле. Лингвистический энциклопедический словарь. Советская энциклопедия. 1990. 688 с. ISBN 5-85270-031-2.
9. Хонькина П.В. Перевод идиоматических выражений в системах машинного перевода. Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 4. Сс. 68-72.
10. Allan, K. The connotations of English colour terms: Colour-based X-phemisms. *Journal of Pragmatics* 41(3): 626-637, 2009. DOI: 10.1016/j.pragma.2008.06.004.
11. Bartmiski J., & Zinken, J. (Ed.) *Aspects of cognitive ethnolinguistics // Advances in Cognitive Linguistics*. Equinox Publishing Ltd., 2009. 272 p.
12. Berlin B. & Kay P. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1969. 178 p.
13. Cardey S., Greenfield P. *Micro-systemic Linguistic Analysis and Software Engineering: a Synthesis*. Centre Lucien TESNIERE, Université de Franche-Comté, RML6, 2008. Pp.5-24.
14. Cognitive science. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cognitive%20science>. (Accessed: 06.08.2022)
15. Contrastive Linguistics. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/contrastive%20linguistics>. (Accessed: 06.08.2022)
16. Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*, Sixth Edition. BLACKWELL PUBLISHING. A Dictionary of Linguistics and Phonetics, Sixth Edition, 2008. DOI:10.1002/9781444302776.
17. Dobrovolskij D. & Piirainen E., *Figurative Language: Cross-cultural and cross-linguistic Perspectives*. Elsevier. Oxford. UK. 2005. 419 p.
18. François J. *The Microsystems of English Grammar*. 51 p. URL: <https://ufhb-dptanglais.com/storage/webographies/288-licence-l3-les-microsystemes-de-la-grammaire-anglaise.pdf> (Accessed: 06.08.2022).
19. Grey. *Technology Dictionary*. URL: <https://www.techopedia.com/definition/7468/greyscale> (Accessed: 06.08.2022).
20. Hamilton R. *Colour in English: from metonymy to metaphor*. University of Glasgow, 2016. Printed Thesis Information: URL: <https://eleanor.lib.gla.ac.uk/record=b3153945> (Accessed: 06.08.2022).
21. Kay P., Smelser N. J., Balthes P. B., et al. *The Linguistics of Color Terms*, Berkeley, 2001. 9 p.
22. Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Green Idioms. The Russian word in the international educational space, history, and modernity. Pyatigorsk: PSU, 2021.501 p. P. 76-82. URL: <https://upload.pgu.ru/iblock/6bd/6bd21f9d-84be55d66c08cae0a3bffa066/Sbornik-materialov-konferentsii.pdf>
23. Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Red Idioms. *Language and Text*. 2021. 8 (2). P.103-112. DOI:10.17759/langt.2021080210.
24. Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Blue Idioms // *Philology and culture*. 2022. №1(67). P. 80-86. DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-79-85.
25. Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Gold and Silver Idioms. *Language and Text*. 2022. Vol. 9, no. 1, P. 4-17. DOI: 10.17759/langt.2022090101.
26. Kövecses Z. *Metaphor, and Culture*. January 2010. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 2, 2 (2010), P. 197-220. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190224868.003.0005.
27. Moutsios S. *Society and Education: An Outline of Comparison*. 3 London: Routledge, 2018. 202 p. doi.org/10.4324/9781315519739.
28. Mulder J. W. F., Hervey, S. G. J. *Language as a System of Systems*. *La Linguistique*, Vol. 11, Fasc. 2 (1975), P. 3-22. <https://www.jstor.org/stable/30248292> (Accessed: 06.08.2022).
29. Philip G. *English and Italian Color – Word Metaphors*, metaphorik.de 10/2006 77, 2006. P. 59-93 (Accessed: 06.08.2022).
30. Stala E., Dębowiak P. *European (dis)union of colors: secondary basic color terms in Polish, Portuguese and Spanish* (Jagiellonian University). *Color and color naming: crosslinguistic approaches*. Cardeira E. & Villalva A. (eds). 2016. Pp. 55-70.
31. *The Cambridge dictionary of linguistics*/ Miller, J., Brown, K. Cambridge University Press, 2013. 494 p. URL: <http://thuvienso.bvu.edu.vn/handle/TVDHBRVT/15709> (Accessed: 06.08.2022).
32. Thinard M. *Colours & Metaphors: A Study of Black, White and Grey Metaphors in English Idioms*. 2019. 37p. URL: https://www.academia.edu/42630421/Colours_and_Metaphors_A_Study_of_Black_White_and_Grey_Metaphors_in_English_Idioms (Accessed: 06.08.2022)
33. Wierzbicka A. The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics* 1(1). P. 99-150. DOI:10.1515/cogl.1990.1.1.99.
34. Yakovleva S.L., Fliginskikh E.E., Kazyro, G.N., et al. The Category of Colour Naming in English, German, and Mari Idioms. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6. No. 3. S.7. (2015). DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s7p3

References

1. Bolotina M.A., Shabasheva E.A. Simvolika tsveta v Russkom i anglyiskom iazykakh [Color symbolism in Russian and English.] *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant*. 2011. Issue. 2. Pp. 7-12. (In Russian)
2. Denisenko, M. V. Phraseologizmy s komponentom “sery” v anglyiskom i russkom iazykakh [Phraseologisms with the “grey/gray” component in English and Russian] / M. V. Denisenko. Text: direct // *Young scientist*. 2016. No. 7 (111). S. 1152-1154, moluch.ru/archive/111/27286/ (Accessed: 06.08.2022) (In Russian)
3. Zhukov, A.V. On the consistency of phraseology // *World of the Russian Word*, 2010, No. 3. Pp.21-26. (In Russian)
4. Zaliznyak, A. A. Mnogoznachnost' v iazyke i sposoby ee predstavleniia [Polysemy in language and ways of its representation] / *Languages of Slavic culture, Studia philologica*, 2006. 672 p. ISBN 5-9551-0114-4

5. Zavyalova, N. A. Frazеologizmy s komponentom kolorita kak komponent diskursa povsednevnosti v YAponii, Velikobritanii i Rossii [Phraseological units with a color component as a component of the discourse of everyday life in Japan, Great Britain, and Russia], Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2011. 320 p. <http://hdl.handle.net/10995/37791> (Accessed: 06.08.2022) (In Russian)
6. Kolesnikova, I. E. Sopostavitel'naia ideograficheskaja kharakteristika frazeologicheskoi mikrosistemy, oboznachaiushchei do-brotu (na materiale ukrainskogo i angliiskogo iazykov) [Comparative ideographic characteristics of the phraseological mi-crosystem denoting kindness (on the material of Ukrainian and English languages)]. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2019, Vol. 12 (11) Pp. 405-408. (In Russian)
7. Samatov, K. Mikrosistemy akhromaticheskikh tsветоoboznachenii ak "bely", kara "cherny" i boz "sery" v kyrgyzskom iazyke [Microsystems of achromatic color designations ak "white", kara "black" and boz "gray" in the Kyrgyz language]. *Problems of modern science and education*, 2017. P. 28-40. (In Russian)
8. Pole. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Field. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Soviet Encyclopedia, 1990. 688 p. ISBN 5-85270-031-2 (In Russian)
9. Khonkina, P.V. Perevod idiomaticheskikh vyrazhenii v sistemakh mashinnogo perevoda [Translation of idiomatic expressions in machine translation systems] / *Bulletin of Moscow University. Ser. 22. Theory of translation*. 2010. No. 4. P. 68-72.
10. Allan, K. The connotations of English colour terms: Colour-based X-phemisms. *Journal of Pragmatics* 41(3): 626-637, 2009. DOI:10.1016/j.pragma.2008.06.004
11. Bartminski, J., & Zinken, J. (Ed.) Aspects of cognitive ethnolinguistics. // *Advances in Cognitive Linguistics*. Equinox Publishing Ltd., 2009. 272 p.
12. Berlin, B. & Kay, P. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1969. 178 p.
13. Cardey, S., Greenfield, P. *Micro-systemic Linguistic Analysis and Software Engineering: a Synthesis*. Centre Lucien TESNIERE, Université de Franche-Comté, RML6, 2008. Pp.5-24.
14. Cognitive science, <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cognitive%20science> (Accessed: 06.08.2022).
15. Contrastive Linguistics, <https://www.merriam-webster.com/dictionary/contrastive%20linguistics> (Accessed: 06.08.2022).
16. Crystal, D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*, Sixth Edition. BLACKWELL PUBLISHING. A Dictionary of Linguistics and Phonetics, Sixth Edition, 2008. DOI:10.1002/9781444302776.
17. Dobrovolskiy, D., Piirainen, E. *Figurative Language: Cross-cultural and cross-linguistic Perspectives*. Elsevier. Oxford. UK. 2005. 419 p.
18. François, J. *The Microsystems of English Grammar*. 51 p., <https://ufhb-dptanglais.com/storage/webographies/288-licence-l3-les-microsystemes-de-la-grammaire-anglaise.pdf> (Accessed: 06.08.2022).
19. Grey. Technology Dictionary, <https://www.techopedia.com/definition/7468/greyscale> (Accessed: 06.08.2022).
20. Hamilton, R. Colour in English: from metonymy to metaphor. University of Glasgow, 2016. Printed Thesis Information: <https://eleanor.lib.gla.ac.uk/record=b3153945> (Accessed: 06.08.2022).
21. Kay, P., Smelser, N. J., Balthes, et al. *The Linguistics of Color Terms*, Berkeley, 2001. 9 p.
22. Kigel, T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Green Idioms. *The Russian word in the international educational space, history, and modernity*. Pyatigorsk: PSU, 2021. 501p. P. 76-82, <https://upload.pgu.ru/iblock/6bd/6bd21f9d84be55d66c-08cae0a3bff066/Sbornik-materialov-konferentsii.pdf> (Accessed: 06.08.2022).
23. Kigel, T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Red Idioms. *Language and Text*. 2021. 8 (2). p.103-112. DOI:10.17759/langt.2021080210.
24. Kigel, T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Blue Idioms // *Philology and culture*. 2022. №1 (67). P. 80-86. DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-79-85.
25. Kigel, T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Gold and Silver Idioms. *Language and Text*. 2022. Vol. 9, no. 1, P. 4-17. DOI: 10.17759/langt.2022090101.
26. Kövecses, Z. Metaphor, and Culture. January 2010. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 2, 2 (2010), P. 197-220. DOI:10.1093/acprof:oso/9780190224868.003.0005.
27. Moutsios, S. *Society and Education: An Outline of Comparison*. 3 London: Routledge, 2018. 202p. doi.org/10.4324/9781315519739.
28. Mulder, J. W. F., Hervey, S. G. J. Language as a System of Systems. *La Linguistique*, Vol. 11, Fasc. 2 (1975), P. 3-22, <https://www.jstor.org/stable/30248292>. (Accessed: 06.08.2022).
29. Philip, G. *English and Italian Color - Word Metaphors*, metaphoric.de 10/2006 77, 2006. Pp.59-93.
30. Stala, E., Dębowiak, P. European (dis)union of colors: secondary basic color terms in Polish, Portuguese and Spanish (Jagiellonian University). *Color and color naming: crosslinguistic approaches*. Cardeira E. & Villalva A. (eds). 2016. P. 55-70.
31. The Cambridge dictionary of linguistics. Miller, J., Brown, K. Cambridge University Press, 2013. 494 p., <http://thuvienso.bvu.edu.vn/handle/TVDHBRVT/15709> (Accessed: 06.08.2022).
32. Thinard, M. Colours & Metaphors: A Study of Black, White and Grey Metaphors in English Idioms. 2019. 37 p., https://www.academia.edu/42630421/Colours_and_Metaphors_A_Study_of_Black_White_and_Grey_Metaphors_in_English_Idioms (Accessed: 06.08.2022).
33. Wierzbicka, A. The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics* 1(1):99-150 DOI:10.1515/cogl.1990.1.1.99.
34. Yakovleva, S.L., Fliginskikh, E.E., Kazyro, G.N., Pershina, M.A., Soldatkina, T.A. The Category of Colour Naming in English, German, and Mari Idioms/ S.L. Yakovleva, E.E. Fliginskikh, G.N. Kazyro// *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol 6, No 3. S.7. (2015) DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s7p33.

About the author:

Tali Kigel – Independent researcher of multilingualism in Behazlaha-Center (Petah Tikva, Israel). The research and professional interest: Multilingualism (English, Russian, Hebrew), color terms linguistics, phraseology, contrastive linguistics, SLA, learning disabilities. E-mail: kigelt@gmail.com

Сведения об авторе:

Кигель Тали – независимый исследователь многоязычия в Behazlaha-Center (Петах-Тиква, Израиль). Научные и профессиональные интересы: многоязычие (английский, русский, иврит), контрастивная лингвистика, фразеология, колоративная лингвистика, овладение вторым языком, проблемы обучаемости. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711022>. Электронная почта: kigelt@gmail.com

* * *

POLYGLOT STUDIES IN SPRING 2022

Grigory Kazakov

MGIMO University
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *This paper is a review of academic conferences on polyglottery that took place in spring 2022, namely a paper at the conference “Integrative and Cross-Cultural Approaches to the Study of Thinking and Language”, the 2nd International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies, and the round table “Research on Polyglottery: Theoretical Analysis and Practice” as part of the 20th International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. Discussed are polyglots’ cognitive skills, self-monitoring instruments and learning strategies, the hyperintensive method, cognitive metaphors, social perception of polyglottery, common principles behind language processing by brain and by machine, and other issues.*

Keywords: *polyglot, polyglottery, multilingualism, language learning, cognitive processes, psycholinguistics*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИГЛОТИИ ВЕСНОЙ 2022 г.

Г.А. Казаков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. *Данная публикация является обзором конференций по вопросам полиглотики, состоявшихся весной 2022 г., а именно доклада на конференции «Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка», II Международного семинара по лингвистике и полиглотики и круглого стола «Исследование проблем полиглотики: теоретический анализ и практика» в рамках XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Обсуждаются когнитивные навыки, инструменты самонаблюдения и учебные стратегии полиглотов, гиперинтенсивный метод, когнитивные метафоры, социальное восприятие полиглотики, общие принципы обработки языка мозгом и машиной и другие темы.*

Ключевые слова: *полиглот, полиглотия, многоязычие, овладение языком, когнитивные процессы, психолингвистика*

Based on the developments that took place in 2021, including the foundation of a specialized journal and a regular international seminar [8], spring 2022 became a period of steady growth of ideas and activities in the field of polyglot studies. Three academic conferences featured these topics in their agenda, bringing together new researchers and opening up new perspectives on consciously attained individual multilingualism.

On April 6, within the framework of the conference *Integrative and Cross-Cultural Approaches to the Study of Thinking and Language* at the Russian State University for the Humanities, Grigory Kazakov presented the paper “Polyglots’ cognitive skills: problem statement”, which posed the question of interpreting polyglots’ linguistic achievements from a cognitive viewpoint and offered a review of information sources and a working hypothesis for its solution. Presented was data from polyglot memoirs, research literature and from the materials of the modern polyglot movement. On this basis, a presumption was made about polyglots’ high neural efficiency, which, in its turn, is based on the capacity of the brain for specialization and on an exceptional level of motivation for language learning.

On April 26, the 2nd **International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies** was held online. The meeting was organized by the editorial board of the journal *Linguistics & Polyglot Studies* in cooperation with the Department of English No.3 at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), and was attended by researchers from Russia, Japan, Nepal, USA, Turkey and France.

Addressing the participants with greetings, Polyglot Conference Academic Liaison Alexander Arguelles connected the agenda of the seminar with recent developments in the polyglot community worldwide. President of the Nepalese Society of Geolinguistics Aita Bishowkarma recounted the history of geolinguistics activities in Nepal, which expanded from New York to Tokyo and subsequently to Kathmandu. Co-President of the American Society of Geolinguistics Hikaru Kitabayashi emphasized the role of geolinguistics and polyglot studies in securing proper use of language and information for the purpose of international cooperation.

Dina Nikulicheva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, and Moscow State Linguistic University) delivered the expert presentation “Polyglot’s know-how approaches to learning ancient languages: the strategies of Maria Flaksman”, in which she described polyglots’ proactive strategies of learning ancient languages, including their spoken form.

In the young scholars’ session, Yan Aleshkevich-Suslov (Moscow State University) in his talk “Monitoring language activity using MS Excel spreadsheets” described his experience of documenting the process of learning languages in recent years. Alisa Virolainen, Nikolai Kovalenko and Dmitry Komarov (MGIMO University) spoke about “Sociological studies on the perception of polyglots”, presenting a review of existing works on sociological aspects of polyglottery [5], [1], and their own research project. Karina Stupina (Moscow State University of Psychology and Education) read the paper “Biblical phrases in Russian, English and Italian songs” devoted to biblical expressions in the songs of popular performers.

In the ensuing discussion, it was noted that the emergence of monitoring data for a larger number of polyglots should make it possible to formulate in more precise terms the patterns of language acquisition that were previously felt by polyglots only intuitively. Also, it was observed that the involvement of polyglots from Asia in research would expand our understanding of the types of polyglottery and its social significance.

On May 28, the round table discussion *Research on Polyglottery: Theoretical Analysis and Practice* took place as a special session in the program of the 20th International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory held in Moscow [14, p. 186–196].

Yan Aleshkevich-Suslov continued his previous research, now focusing on the time factor in language learning by reference to his self-monitoring data. Keeping record of his language studies from 2019 to 2022, he came, among other things, to the following observations:

- he spent twice as much time on listening than on reading;
- his time spent learning new Germanic languages decreased exponentially;
- 469 hours is the hypothetical time needed to learn one’s first Germanic language up to the A2–B2 level;

– one needs to have studied 2.4 languages in order to reduce the time for learning a new language by half.

This data is interesting to compare with the estimate that “an adult learner... with good levels of motivation and access to good learning resources and well-trained teachers” requires 350 to 490 hours to reach the B1 level [9]. Further research in this direction implies regular measurement of attained language skills and verification against the data of other polyglots.

Alan Bigulov presented an analysis of his experiment of learning five Romance languages (French, Italian, Spanish, Catalan and Portuguese) hyperintensively and simultaneously. This method was designed within the framework of his “10 languages in 1,000 days” project [2], [12], and is based on the concepts of the communicative situation, controlled intensity, resource state and motivation factor. Hyperintensity is defined as several hours of conversational practice (up to 14 hours per day) with a large number of native speakers for one or two weeks. The speaker arrived at the following conclusions:

- one can enter conversational practice in at least two languages simultaneously;
- conversational practice is attainable in several languages at the same time provided there is progress in other languages at a higher level of competence;
- simultaneously learning several languages from the same genetic family creates a synergy effect and accelerates progress in all languages;
- phonetic interference is more significant than the lexical one.

Veronika Bigulati and Yulia Drik supplemented Bigulov’s talk by commenting on the convenience of online platforms, such as Italki, Amazing Talker, Verbling and Preply, and by comparing it with the traditional approach. It was concluded that these services significantly simplify the organization of classes, that it can be more efficient than travelling to the country where the target language is spoken, and that a similar platform is needed for the “smaller” languages of Russia.

Nastasia Britsyna placed polyglottery in the context of the UN philosophy of “leaving no one behind” where it finds itself alongside such concepts as *sharing*, *community*, *cooperation*, *inclusion* and *diversity*, in terms of supporting underprivileged groups of population, including the right to use and receive education in one’s mother tongue. The global relevance of these issues is highlighted by the fact of the UN declaring the years 2022–2032 the International Decade of Indigenous Languages. The presenter also indicated that polyglots can provide interesting data for the study of cognitive metaphors, which in many cases are not merely literary techniques but rather indispensable instruments of language and thinking as certain phenomena (even in science) can only be described metaphorically [4], [11].

Alisa Virolainen, Nikolai Kovalenko and Dmitry Komarov presented the results of their research devoted to the image of a polyglot as seen by MGIMO students. They pointed out that MGIMO University is in the *Guinness Book of Records* as the most multilingual educational institution in the world in terms of the number of languages taught (53), and can thus be regarded as a space of unconscious polyglottery where its students are a transitive group between ordinary people and polyglots. Using the qualitative method of a focus group and the projective techniques of free and controlled associations, personalization, personification and object manipulation, the authors found out that, in the students’ mind, polyglots are perceived in an exclusively positive light as a highly educated social group, and some of the interviewees said they would not mind being polyglots.

Tatiana Ivushkina described the journal *Linguistics & Polyglot Studies* (formerly *Philology at MGIMO*), which in 2021 acquired its current title and format, as a new platform for academic discussions on polyglottery. She noted that MGIMO University is a natural environment for multilingualism offering ample opportunity for academic growth in this field, and that the journal is unique in publishing papers in 10 languages. These topics become particularly up-to-date in view of the fast-developing technologies of machine translation. Being the first specialized journal on polyglot studies in the world, it is more than a publication. The editors hold conferences, organize research and invite new authors, thus making *Linguistics & Polyglot Studies* a welcoming centre for international cooperation in the field of polyglottery [6].

Grigory Kazakov’s paper aimed to identify common principles operating behind the mechanisms of language learning (and polyglottery as its highly efficient form), machine translation and artificial intelligence as different applications of brain functions that can be modelled in technology. Language acqui-

sition was stated to depend on two main factors, input (speech material) and affective filter (emotional readiness to receive it), in Stephen Krashen's terms [10], and the threshold level of foreign language competence (B1–B2) was argued to require the input of some 1 million words (the amount contained, for example, in the seven books about Harry Potter) [7], [15, p. 16]. The more efficient forms of machine translation were characterized as having passed from formalized rules to systems based on statistical analysis of human translations which need bilingual and monolingual corpora amounting to hundreds of millions of words [13]. Modern models of artificial intelligence were described as having moved from preloaded knowledge to precedent-based inductive learning which requires extensive samples for each parameter of the object being studied. In all of these cases, more data means better results. The common principles of the said functions thus seem to be the input factor, the statistical mechanism, and the principle of analogy and typology, i.e. finding patterns in large sets of empirical data and then using them to recognize and classify new phenomena. In the case of polyglots, their cognitive skills based on these principles must be developed to perfection thanks to their high brainwork efficiency.

Giving the last talk of the session, Dina Nikulicheva attempted to define the place of polyglottery studies in psycholinguistics by distinguishing the terms currently used for the capacity to speak several languages. While some understand multilingualism as something that can be achieved through formal education, and polylingualism as a competence developed naturally from the individual's contact with different languages [3, p. 457], polyglottery is a result of conscious self-study at an adult age. The speaker also presented an analysis of applying Alan Bigulov's hyperintensive learning strategy to her own study of Spanish. This experience demonstrated the feasibility of starting to maintain a dialogue in a new language with unknown native speakers in seven to ten days of training and the importance of taking an active role and of minding one's emotional state in this process.

The presentations were followed by an animated discussion, which included the following ideas:

1. Language learning includes passive, active and superactive forms. The most likely communicative situation in a new language is meeting an unknown native speaker, hence the choice of topics for conversational practice.
2. It is important to learn how to formalize video data and to ensure comparability of results, which implies defining common criteria (in simplest terms, a universal assessment test). To identify quantitative parameters of language learning progress, one could formulate a goal and then subdivide the way towards it into a scale of measurable units. These figures must be checked by reference to different language aspects (speaking, vocabulary, etc.).
3. Cognitive metaphors are valuable insights into polyglots' mental processes and can be regarded as one of the "languages of the brain" (along with straightforward use of verbal speech, visualization, and, possibly, others). Polyglots as individuals in possession of large sets of comparative linguistic data are a unique source of observations on patterns across different languages, including figurative naming.
4. Inviting students to imagine what they would do and how things would be different if they were polyglots may be a productive way of enhancing their language learning motivation and modelling success-oriented behaviour. The efficiency of this technique could be tested in educational practice against a control group.
5. Weak affective filter (high degree of emotional readiness for language study) may be able to significantly reduce the amount of input necessary for a certain level of language competence, although the latter can also be a biological constant.
6. Fluctuations of emotional states and intensity in polyglots' language studies may indicate the tendency of the brain to segment solving a complex holistic problem into three parts: initial euphoria and quick progress, then a decline in both motivation and results, and finally a smooth rise based on the acquired experience. Language learning can thus be helped by splitting tasks into smaller ones and by maintaining the routines at the times of crisis.

The round table crystallized recent trends in polyglot studies and marked their extensive development since the previous psycholinguistics symposium in 2019, in terms of new topics, researchers and discussion platforms. More monitoring data of individual polyglots has been introduced into academic circulation, and the traditional agenda of polyglots' language learning practices has been supplemented by a

sociological approach and by broader technological applications of polyglot-like brainwork. In all of this, though, a cognitive perspective comes to the fore, as understanding the mental processes underlying the performance of highly efficient professionals of their craft seems to be the most promising research goal, the attainment of which can, hopefully, increase human potential and help respond to modern challenges in science, education and society.

© G. Kazakov, 2022

References

1. Arguelles, A. The character traits of polyglots: what can be learned from and about polyglots for sustainable foreign language learning and education? *Sustainable Development and Social Responsibility* (A. Al-Masri & Y. Al-Assaf eds.). Vol. 2. Cham: Springer, 2020. P. 295–307. DOI: 10.1007/978-3-030-32902-0_32
2. Bigulov, A. Proekt “10 iazykov za 1000 dney” i experiment po sozdaniiu individual'nogo rechevogo kursa [“10 languages in 1,000 days” project and the experiment of creating a personalised speech course]. *Teoriia Rechevoy Deiatel'nosti: Vyzovy Sovremennosti* [Theory of Speech Activity: Modern Challenges]. *Proceedings of the 19th International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory* (E. Tarasov et al. eds.). Moscow: Kanzler, 2019. P. 244–245.
3. Bilovesky, V. Does integrating Europe need polylingualism and multiculturalism? *European Researcher*, 2013, vol. 42, no. 2–3. P. 455–461.
4. Britsyna, N. Some ideas on diversity, inclusion and metaphorization in polyglot studies. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2021, vol. 7, no. 5. P. 119–120. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-119-120
5. Herlevi, M. *Polyglot Identities: Cultural Negotiations, Linguistic Ties and Social Belongings of Avid Language Learners*. University of Helsinki, 2020. 122 p.
6. Ivushkina, T. The making of the MGIMO linguistics journal: from philology to polyglot studies. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2021, vol. 7, no. 5. P. 113–114. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-113-114
7. Kazakov, G. How much input do we need to learn a language? *New Perspectives in Psycholinguistic Research: Language, Culture, Technologies. Online 12th ISAPL International Congress. June 3–5, 2021. Book of Abstracts* (L. Scliar-Cabral et al. eds.). ISAPL, 2021. P. 183–184.
8. Kazakov, G. 1st International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2021, vol. 7, no. 5. P. 111–112. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-111-112
9. Knight, B. *How Long Does It Take to Learn a Foreign Language?* Cambridge University Press, 2018. 15 p.
10. Krashen, S. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Phoenix ELT, 1995. 202 p.
11. Nikulicheva, D. Modelirovanie iazykovogo soznaniia poliglota: dinamika kontseptual'noy metafory v protsesse izucheniia iazyka [Modelling a polyglot's language consciousness: dynamics of conceptual metaphor in language acquisition]. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, 4 (26). P. 136–143.
12. Nikulicheva, D. Waves of intensity in language learning: polyglot Alan Bigulov's project “10 languages in 1000 days”. *Signo*, 2022, vol. 47, no. 88. P. 136–143. DOI: 10.17058/signo.v47i88.17394
13. Och, F. Statistical machine translation: foundations and recent advances. Machine Translation Summit, Phuket, 12 September 2005, aclanthology.org/www.mt-archive.info/MTS-2005-Och.pdf (accessed 6 June 2022).
14. Rossiiskaia Psikholingvistika: Itogi i Perspektivy [Russian Psycholinguistics: Results and Prospects]. *Proceedings of the 20th International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory*. Moscow: RUDN Press, 2022. 198 p.
15. *Seikei Freshers' English Extensive Reading Teacher's Manual*. 3rd ed. Tokyo: Seikei Institute for International Studies (Seikei University), 2015. 18 p.

About the author:

Grigory Kazakov, PhD, is Executive Secretary of *Linguistics & Polyglot Studies* and Associate Professor at Department of English No.3, MGIMO University. Research interests: language education, polyglottery, psycholinguistics, language and religion, translation of sacred texts, Scouting pedagogy. E-mail: g.kazakov@my.mgimo.ru

Григорий Александрович Казаков – кандидат филологических наук, PhD, ответственный секретарь журнала «Linguistics & Polyglot Studies» / «Филологические науки в МГИМО», доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: языковое образование, полиглотия, психолингвистика, язык и религия, перевод священных текстов, внешкольная педагогика. E-mail: g.kazakov@my.mgimo.ru

* * *

GEOLINGUISTICS AND POLYGLOT STUDIES AT THE SERVICE OF PEACE

Hikaru Kitabayashi

Daito Bunka University
1-9-1, Takashimadaira, Itabashi-ku, Tokyo, 175-8571, Japan

It is my pleasure to make a short address to those of you attending the 2nd International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies. As a president of the American Society of Geolinguistics, I feel honored to be allowed to do so. I think that polyglot studies, together with geolinguistics, are both crucially needed at this point in human history. Unfortunately for humans, who possess language and have a means for recording language, distorting and destroying information by means of language is something often too easy to do, especially now with the existence of the internet, which results in causing most of the worst of the misery to be found in the world in which we live today.

Geolinguistics, being the study of the world's language variations for policy making purposes, and polyglot studies, which is, I think, self-explanatory, are the two branches of linguistics that are of most use in protecting the world from the misuse of language in distorting and destroying the information we need to resolve conflict and promote co-existence. Examples of disrespect for languages and ignorance of languages leading mankind into war and ultimate self-destruction abound. It can be seen, for instance, in the present military crisis that now has come to indirectly involve much of the world, where disrespect for language variation may be analyzed as being the ultimate cause of the present conflict and also one of the causes for the inability of people in power to work together collectively for its resolution. For the political leaders of the world's most important nations, it can be argued that ignorance and/or willful disrespect for the language variants of others not belonging to their power bases, has all too often resulted in human tragedy. The cause might be seen as being mainly due to political leaders being both unwilling and incapable of putting themselves into the position of others who do not speak or write those language variants which they are accustomed to reading or speaking. They, thus, cannot easily recognize when they are being lied to and, perhaps more importantly, in the real world of geopolitically motivated national self-interests, they, themselves, though often lying, are unable to lie with sufficient skill, which, for world leaders, is sometimes more important over the short term for national survival than insistent truth-telling.

I believe that each creation that makes up the totality of the universe is unique in the expression of the divinity of which it is constituted. I, therefore, hesitate to fully believe in the theoretical constructs of globalism and universalism. In that the very nature of globalism and universalism is to destroy whatever is local and unique, I do not consider them to be necessarily socially healthy constructs. We should be, rather, seeking out and taking comfort in what is local, what is unique to a particular point in time and space. Moreover, to whatever extent it is possible to do so, we should do so on the basis of knowledge and of good will. For this reason, too, I see both geolinguistics and polyglot studies as being essential

academic disciplines. So, with every desire for a successful conclusion to your conference, I wish you the best that the divinity that is both within you and without you will allow you to achieve during this conference. Thank you.

© H. Kitabayashi, 2022

About the author:

Hikaru Kitabayashi, PhD, is Co-President of the American Society of Geolinguistics and a retired Professor at the Faculty of Foreign Languages, Daito Bunka University. Research interests: geolinguistics, geolinguistic ethnography, cultural linguistics, applied phonetics, medieval poetry, English history, prosopography.
E-mail: hkitabayashi@runbox.com

* * *

GEOLINGUISTICS MOVEMENT IN THE HIMALAYAN RANGE OF NEPAL

Aita Bishowkarma

Tribhuvan University
Kirtipur, Kathmandu, Nepal

Respected participants in the 2nd International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies, ladies and gentlemen, good afternoon and warm greetings from Nepal. Thank you for inviting me to participate in this academic endeavor. On behalf of the Geolinguistics Society of Nepal, I would like to extend our best regards and wish grand success to the seminar. I heartily appreciate the contribution made so far on linguistics and polyglot studies in Russia by the organizers and their critical role in enhancing research on polyglottery as a linguistic, cognitive and social phenomenon. On this occasion, I feel privileged to share the story of the geolinguistics movement in the Himalayan range.

Nepal is a multi-ethnic, multicultural and multilingual country in South Asia between China and India. Multi-ethnic communities comprised of 126 ethnic groups, and among them 123 plus 6 languages, have been identified here [3], [4]. Politically, the country is now defined as the Federal Democratic Republic of Nepal. It has diverse topography and climate stretching from east to west with an average length of 885 kilometers and widening from north to south with an average breadth of 193 kilometers. Geographically, Nepal has three ecological belts consisting of the northern mountain belt as the range of Himalayas, including the world's highest peak, Mount Everest. The middle hilly belt is enriched by beautiful hills, valleys and lakes, whereas the Terai belt is the plain area situated in the southern part of Nepal.

Linguistic diversity prevails here, including some unidentified languages. Lewis [2] recorded that 126 languages are spoken in Nepal whereas Yonjan-Tamang [6] claims that there are 144 languages spoken within its territory. The mother tongues enumerated in the censuses of 2011 and 2021 belong to four language families: Indo-European, Sino-Tibetan, Austro-Asiatic and Dravidian, while Kusunda is a language isolate consisting of a single language without any genetic relationship with other languages [3], [4], [5]. Linguistic diversity has become the lived reality of Nepal [1].

The geolinguistics movement in Nepal was inspired by the President of the American Society of Geolinguistics and its Tokyo affiliate, Dr Hikaru Kitabayashi, formerly Professor at Daito Bunka University in Tokyo, Japan. A conference organization committee of nine members was formed under the coordination of Aita Bishowkarma, a faculty member of Tribhuvan University, who worked as the Nepal Chapter of the American Society of Geolinguistics in Tokyo in 2018. Dr Tara Datta Bhatta and Dr Prem Bahadur Phyak were the chief advisors whereas Irene Kyffin was the foreign advisor. Dr Ravi Maharjan coordinated these activities from Tokyo while Mr Bishnu Kumar Sinjali, Mr Babu Ram Bishwokarma, Mr Amar Jung Limbu, Mr Man Bahadur Bhandari, Mr Surendra Bhatta and Mr Bharat Ram Bishwokarma worked as executive members in the team.

The committee organized the 1st International Conference on Geolinguistics in Nepal, which was held at the Center for Nepal and Asian Studies, Tribhuvan University, on March 15 and 16, 2019. Dr Lav Deo

Awasthi, the chairperson of the Language Commission, Nepal, was the chief guest, and the distinguished guest was Dr Jai Raj Awasthi, who is the former Vice-Chancellor of the Far Western University in Nepal. Dr Hikaru Kitabayashi delivered the presidential address whereas Dr Wayne Finke from Baruch College, City University of New York, presented the keynote speech entitled "East meets West: communality in linguistic pursuits". About 35 research papers from America, Britain, Russia, Japan, India, Nepal and Nigeria were presented. A panel discussion was also conducted. The theme of the conference was *Multilingual Perspectives in Geolinguistics, II*¹, and it was a grand success as a rigorous discussion on language issues in the Himalayan range that involved researchers, linguists and educators both from home and abroad, including young scholars from Tribhuvan University.

In 2020, the Geolinguistics Society of Nepal organized the 1st International Webinar on Geolinguistics. The topic was *Theory, Research, and Practice in Geolinguistics*, and it was organized in the midst of the COVID-19 pandemic on December 18 and 19, 2020. Once again, Dr Lav Deo Awasthi was the chief guest and Dr Jai Raj Awasthi was the distinguished guest. Dr Hikaru Kitabayashi welcomed the webinar and Dr Wayne Finke presented the keynote speech entitled "El español al día: Castillian in the twenty-first century Iberian Peninsula". Some 21 papers from America, Britain, Japan, Russia, Australia, Nepal, India and Nigeria were presented, including that of Dr Kathleen Heugh from University of South Australia. The virtual webinar spread enthusiasm for research and cooperation among geolinguistics practitioners around the globe despite the pandemic crisis.

The Geolinguistics Society of Nepal was officially registered as an NGO in the local government of Nepal in 2021. The organization conducted the 2nd International Virtual Conference on Geolinguistics on December 17 and 18, 2021. The theme was *Research Practices in Geolinguistics: Diverse Languages and Multiple Approaches*. The chief guest was Dr Lav Deo Awasthi and the keynote speech was presented by Dr Hikaru Kitabayashi. About 23 research papers were presented. The speakers were from America, Mexico, Britain, Russia, Japan, India, Nepal, Australia and Nigeria, including distinguished professors of linguistics at Tribhuvan University. Geolinguistics has thus been established as an academic discipline in Nepal. The virtual conference sent vibrant waves in the research practices in geolinguistics around the globe.

These conferences and the webinar were organized in collaboration with the American Society of Geolinguistics in Tokyo, the American Society of Geolinguistics in New York, and Amici Linguarum in Moscow. These events open up a new avenue in the study of languages in the multi-ethnic, multicultural and multilingual country of Nepal, and, together with multilingual studies and polyglottery studies, foster geolinguistics as an academic discipline in the Himalayas.

© A. Bishowkarma, 2022

References

1. Bishowkarma, A. *Multilingual Education: Policy, Practice and Local Understanding*. Tribhuvan University, 2015. 59 p.
2. Lewis, M. (ed.) *Ethnologue: Languages of the World*. 16th ed. Dallas: SIL International, 2009. 1248 p.
3. *National Population and Housing Census 2011*. Kathmandu: Central Bureau of Statistics, 2012. 262 p.
4. *Preliminary Report of National Population Census 2021* (in Nepali). Thapathali: Central Bureau of Statistics, 2021. 86 p.
5. Yadava, Y. Linguistic context and language endangerment in Nepal. *Nepalese Linguistics*, 2013, vol. 28. P. 262–274.
6. Yonjan-Tamang, A. *Languages of Nepal: Present Situation and Language Planning in Nepal* (in Nepali). Kathmandu: Indigenous Linguistic Society of Nepal, 2006. 17 p.

About the author:

Aita Bishowkarma, PhD, is President of the Geolinguistics Society of Nepal and a faculty member at the Campus of International Languages, Tribhuvan University. Research interests: multilingual education, language policy, geolinguistics, languages of Nepal. Email: abgorkhalig@gmail.com

* * *

¹ The first conference under this title was held on April 11, 2015, at Daito Bunka University in Tokyo (*editor's note*).